

**Оберег от нечистой силы**

**Алёна Цветкова**

— Васька! — подруга орала в трубку, как ненормальная, — ты опять сбежала?! Совсем с ума сошла?! Да я мужика этого, как для себя выбирала! А ты?!

А что я? Не сбежала, а ушла. Тихо и мирно, между прочим. Прямо на светофоре из машины вышла, и пока мужик в себя приходил, пересела в такси, ехавшее в другую сторону. Водитель и пассажир испуганно взглянули на меня, но промолчали. И правильно сделали, а то бы попали мне под горячую руку.

— И почему ты такая трусиха? — Ирка засмеялась. А я мгновенно вскипела.

— Я?! Я трусиха?! — Ну, да... характер у меня взрывной, чуть что не так, вспыхиваю моментально. — Да я тебе, Ирка, тыщу раз говорила, что не нужны мне хлюпики! Что это за мужик, если как баба себя ведет?! Да ты видела, у него на руках маникюр?!

— Пф! — Подруга даже не заметила, что я ору, — что плохого, что мужчина следит за собой? Подумаешь маникюр. Зато от него вонять не будет. Сама же в прошлый раз возмущалась, что вонючего мужика тебе подогнала...

— Да иди ты, знаешь куда?! — Смешок на том конце разозлил еще больше, — Знаешь! Вот и иди!

Я нажала кнопку сброса на телефоне, и на эмоциях швырнула трубку об пол. Телефон подпрыгнул на резиновом коврике моего автомобиля и улетел под кресло. Хорошо хоть не разбился. А я, выплеснув гнев, моментально успокоилась. Как обычно.

С мужчинами мне не везло с самого рождения. Отец так хотел сына, что не справился с разочарованием и бросил нас с мамой через пару недель после моего появления на свет. Хотя я, его молитвами не иначе, родилась такой крупной, что меня всегда путали с мальчиком.

Так и росла. Большая, сильная, вспыльчивая и готовая постоять за себя... Меня боялись все пацаны на районе. И я была довольна жизнью ровно до того момента, как мне исполнилось тринадцать.

Первая любовь случилась внезапно. В тот самый момент, когда Серый, наш дворовый верзила, с которым мы частенько мяли бока друг другу, разбивая носы и ставя фингалы, внезапно сменил рваные джинсы и стоптанные кеды на элегантные брюки и лакированные туфли брата. И пригласил в кино мою единственную подругу Ирку, разбивая мне сердце. Я тогда так обиделась, что подкараулила его за гаражами и избивала, страшно мстя за порушенные надежды.

А потом ревела дома у Ирки, рассказывая почему так поступила с ее кавалером. И сердобольная Ирка, желая помочь влюбленным, рассказала Серому о моих чувствах. Не знаю, на что она надеялась, но Серый расхохотался и заявил, что никогда не пригласит меня в кино, потому что я пацан, а не баба.

Его слова, обидные, но справедливые, заставили меня пойти в магазин за новым гардеробом. Платья на мне смотрелись странно. Как будто бы кто-то по недоразумению нарядил в женское парня. И ни прическа, ни косметики не смогли это исправить.

И тогда-то я приняла решение, что раз женщины из меня не получается, то мужчина мне нужен такой, чтобы я, как есть, рядом с ним была нежной ромашкой. Почему я должна быть слабой? Пусть он будет сильным.

А после пятнадцати у меня внезапно выросли грудь и попа. Теперь никто не смог бы спутать меня с парнем, и мужчины стали замечать меня. Но сила и характер никуда не делись. Я по-прежнему вспыхивала, как порох, и по-прежнему могла наградить нерадивого ухажера затрещиной, если мне что-то не нравилось.

Время шло, а мужчина, способный превратить меня в ромашку, так и не находился.

Сразу после колледжа, где я выучилась на менеджера, мы с Иркой решили заняться своим делом. И, получив денежное благословение от родителей, открыли на местном рынке секцию с женским бельем для особо крупных дам. Благо обе весили за сто килограмм. Правда Ирка была на две головы ниже мои ста восьмидесяти см.

Ирка продавала, ей с ее природным обаянием это было легко и просто, я решала вопросы требующие жесткости и силы. И все шло хорошо. Наш бизнес начал приносить неплохую прибыль. Мы с Иркой стали задумываться об открытии второй точки. И денег даже скопили немного.

И тут наш поставщик сообщил о глобальной распродаже товара. Мы подумали-подумали и решились. По таким вкусным ценам мы всю партию трусов распродадим за пару месяцев. Зато можно будет сразу открывать второй магазин.

Вчера поздно вечером мне позвонили из транспортной компании и сообщили, что груз прибыл. Утром я первым делом рванула за трусами. Еле впихнула в машину огромный тюк и уже ехала в магазин, когда позвонила Ирка с претензиями.

Все бы ничего, я бы доехала до магазина без приключений, но внезапно снова зазвонил телефон. И почему я решила, что непременно должна ответить?

Я отвлеклась от дороги только на пару секунд, достать телефон. И этих мгновений хватило, чтобы не успеть затормозить на очередном светофоре, и на полной скорости въехать под остановившуюся впереди фуру. Зима же, гололед...

Когда я подняла глаза, то увидела, как мне в лицо летит какая-то металлическая труба. И осознала, это конец. Встреча с ней не оставит мне ни единого шанса выжить.

Последняя мысль, которая успела промелькнуть в моей голове была ни о родителях, ни о подруге, ни о том, что мне всего двадцать пять... Последняя мысль была о трусах.

О том, как мне жаль потерять их.

Очнулась я от холода. Руки-ноги окоченели, и я их почти не чувствовала. Открыла глаза и даже как-то не удивилась что ли... Я лежала в лесу, кажется где-то в пригороде. Рядом валялся и мой баул с трусами.

Я кряхтя начала подниматься. Тело ощущалось тяжелым и болезненным, как будто бы после хорошей драки. Давненько я так себя не чувствовала, пожалуй, еще с тех пор, как избила Серого за гаражами. Встала сначала на четвереньки, картинка вокруг закрутилась, заплесала. Неслабо мне по голове прилетело. Еще бы! Аварию-то я помню. И трубу, которая мне в голову летела — тоже. Повезло видать. Успела я на тормоза нажать и остановиться до того, как голову мою бестолковую вдребезги разнесло.

А дальнбойщик, кажется решил, что я того... померла. И зачем-то вывез меня в лес. Испугался, что посадят? Так ведь не виноват же. Я же сама ему в зад въехала. В общем, мутная история. А мне теперь выбираться из леса надо. И за то, что бросил меня здесь, в глуши умирать, я козла этого по судам затаскаю.

Поднялась на ноги, держась за подвернувшееся дерево, и, стараясь не вертеть головой, попыталась определить в какую сторону мне идти, чтобы выйти к людям.

Вот черт! И трусы придется на себе волочь. Оставлять-то жалко. Туда все наши с Иркой сбережения вложены.

Был этот «водитель» рядом, впрягла бы самого и заставила бы этот огромный тюк, в два моих веса, через лес тащить.

Но увы, пришлось впрягаться самой.

Первые шаги дались с трудом. Не только потому, что болела голова и ломило все тело, но и потому, что сугробы в лесу были по пояс. И я не шла, а плыла в снегу.

Но постепенно я втянулась и, пыхтя как паровоз, двигалась по заснеженному лесу со скоростью улитки... теперь-то я понимала, почему это бедное создание движется так медленно. Попробуй-ка нести за спиной целый дом. У меня баул с трусами намного меньше, а кажется, что это он меня несет, а не я.

Много ли я прошла — не знаю. Стало смеркаться. И холодать. Я все промокла от пота и от снега, попадавшего под одежду и в широкие голенища сапог. Мне уже тысячу раз приходилось вытаскивать слетевшие на каждом шагу угги из сугробов. Моя коротенькая шубка-автоледи не спасала от мороза, тут нужна был шубка-скафандр. А еще я стала уставать и останавливаться... Не нарочно. Само собой получалось. Я вроде ползу, шевелюсь... Бац! Открываю глаза, а оказывается снова валяюсь под деревом. Хотя совсем не помню, как останавливалась.

Сначала я пыталась дышать через нос, чтобы не простыть. Но сейчас мне было все равно. Я хватала ртом морозный воздух и никак не могла вдохнуть так, чтобы кислорода хватило каждой измученной борьбой за жизнь клетке моего тела. Руки и ноги мелко тряслись от усталости. И я понимала, из леса мне без посторонней помощи не выйти.

Я кричала, звала на помощь, но ответом мне была только тишина.

Кажется, дальнбойщик таки добился своего. Сгину я в лесу, и найдут меня только весной. И по трусам опознают. Там же внутри документы на нашу с Иркой фирму.

Я сделала последние попытку ползти и замерла, окончательно выбившись из сил. Все...

Второй раз мое пробуждение оказалось еще страшнее. Хотя казалось бы, что может быть хуже чем очнуться в зимнем лесу, черт знает где?

Но, если подумать, это было закономерно. Я лежала... в гробу. Ничем другим этот узкий деревянный ящик быть не мог. По крайней мере, мое воображение могло придумать только один вариант ответа. Причем похоронить меня собрались прямо как была. В шубке и сапогах. Что очень странно.

И тут я услышала голоса снаружи... И одновременно испытала два чувства. Страх, кто меня сейчас закопают, и радость, что выпустят. И еще неизвестно, которое было больше.

Я заорала и заколотила пятками, изо всех сил, по днищу своей скорбной обители. Помирать мне почему-то не хотелось, хотя я уже два раза сочла себя мертвой.

Голоса стали ближе, крышка гроба заскрипела, и я увидела свет. Пока еще этот, а не тот. И это меня очень сильно обрадовало. Я разрыдалась и кинулась обниматься с могильщиками.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — шептала я, поливая слезами их вонючие старые дубленки.

Бедные мужики, увидев ожившего покойника окаменели и не двигались. Наконец, один, не тот, которого я обнимала, а другой, прокашлялся, и прогудел густым, жирным басом:

— Сударыня, что с вами?

О, какой же голос. Я даже плакать перестала и посмотрела, кто же этот обладатель такого шикарного голоса.

Да... мужик оказался колоритный. Огромный, я ему едва до подбородка достаю, плечи широченные, ладони, как лопаты, одет, как охотник из Сибирской тайги в фильмах про старину: дубленка, черт знает из какого зверя, шапка остроконечная с ушами лохматыми, а на поясе зайцы висят вниз головами.

— Сударыня, все хорошо, вы в безопасности, — заговорил второй, на котором я как раз сейчас висела, — мы нашли вас.

Точно такой же, как и первый. Даже на одно лицо. Братья что ли?

— Уходить нужно, — первый брат снова подал голос, — далековато от людей вы забрались... Хорошо хоть выжили и добро сохранили. Приданное у вас немаленькое, быстро идти не получится. Выходить прямо сейчас надо, сударыня, а то не поспеем...

Не знаю, куда собирались поспеть мои спасители, и что за ерунду они несли, а мне хотелось поскорее сбежать из кладбищенской сторожки. Я даже на свой гроб не оглянулась. Страшно же.

Странные могильщики нацепили мне на ноги еще более странные плетеные штуки для ходьбы по снегу, велели сбежать в кусты, сунули в руки большой кусок жареной зайчатины, предупредив, что есть придется на ходу. А то они куда-то не поспеют...

Я не спорила. Мне бы только на дорогу выйти. Там попутку поймаю. А эти двое пусть и дальше идут, поспевают.

А кладбище явно было не местное. Слишком уж большое. Мы уже битый час шли, по очереди волоча баул с трусами, а ограда все не показывалась. И даже крестов не было. Хотя может их просто засыпало снегом.

Еще в самом начале пути, жуя мясо, я попыталась поделиться своими приключениями, обругать на козла-дальнобоя, но братья-могильщики делали вид, что ничего не понимают. Прямо двое из ларца одинаковых с лица. И умные такие же.

Несмотря на снегоступы, ноги все равно проваливались в сугроб, хотя и не так глубоко, конечно, как раньше, и угги не сползали на каждом шагу.

Через несколько часов ходьбы, у меня стали подламываться ноги. Я же не привыкла к многокилометровым кроссам по заснеженному лесу. Если бы у меня были бы силы, я бы, наверное, испугалась бы. Ведь теперь стало понятно, глупые могильщики повели меня дальней дорогой. Но зачем?

Может быть они хотели, чтобы я обессилела и не смогла им сопротивляться? Но я уже готова была на все, что угодно, лишь бы они вывели меня дороге. На все мои просьбы отдохнуть, мне вежливо и почтительно отказывали. Конце-концов я просто не выдержала и упала. Нет, я и раньше падала, но

находила в себе силы встать и идти за могильщиками. Они-то даже не оглядывались.

Но в этот раз я очередной раз приготовилась умереть. И осталась лежать в снегу, глядя, как удаляются мощные, квадратные спины мужиков. Бог троицу любит...

— Сударыня, вставайте, — могильщики все же не бросили меня и вернулись, — еще немного идти осталось. Скоро уже деревня, там и отдохнете.

Деревня? Вот же недотепы! Я же говорила им, чтоб на трассу меня вели. Зачем мне из деревня?!

Но зато там меня покормят, поняла я. Желудок поддержал меня недовольным ворчанием. Пришлось вставать. И идти.

К людям мы вышли уже в густых сумерках. День-то короткий. А я пришла в себя в гробу ладно если часов в двенадцать.

Деревня оказалась весьма странной. Уже было довольно темно, но во всей деревне не было света. Ни на улицах, ни в окнах. Хотя над крышами вились тонкие ниточки дыма, значит жилая деревенька.

Мать честная! Так это что староверы что ли какие? Я оглянулась на своих спутников. А что? Может быть. Очень даже похожи.

Я, правда, не слышала, что у нас за городом община старообрядческая есть... так может они недавно появились.

И какого они, спрашивается, меня в свою деревню притащили? У них здесь ни телефона, ни электричества. А проклятый дальнобойщик, бросив меня в лесу с трусами, забыл оставить мне сотовый.

— Сударыня, быстрее, — могильщики-староверы так явно были напуганы, что я тоже испугалась и невольно ускорила шаг. Мало ли... вдруг здесь волки водятся. К крайнему дому мы почти бежали.

Ворота были заперты, но мои староверы-могильщики начали долбить в них руками и ногами, громко призывая какого-то Васусия впустить нас. Собаки со всей округи истошно лаяли, заглушая крики. Васусий не торопился, и я, обессилев упала прямо на снег, привалившись спиной к баулу... ноги гудели, мне хотелось есть, пить и вызвать такси... Интересно, должен же быть в деревне хотя бы один телефон? Может мне позволят сделать хотя бы один звонок?

Я закрыла глаза, представляя, как я возвращаюсь домой... у меня в холодильнике кастрюля голубцов... я бы парочку прямо холодными съела... не раздеваясь.

Наконец, Васусий загремел воротами. Я не успела открыть глаза, как могильщики подлетели ко мне, подхватили под руки с двух сторон и поволокли в избу.

— Эй, — попыталась я вырвать. — вы чего? Отпустите!

— Сударыня, — скороговоркой проговорил один из братьев, — у Васусия бабка померла, кирка свободная есть. Он вам ее выделит на ночь...

Я от такого бреда даже растерялась. Зачем мне кирка? Они что, хотят заставить меня Васусиевой бабке могилу ночью копать?! Совсем сдурели, что ли?! Кто из нас могильщики-то в конце-концов?

— Я не буду копать могилу, — завизжала я и попыталась вырваться.

Но не тут-то было. Мужики держали крепко. И несмотря на то, что орала и брыкалась я изо всех сил, потащили меня в дом..

Васусий, длинный и тощий седой старичок, бормоча что-то успокаивающее, семенил рядом.

А я поняла, что вляпалась. Как кур в ошип... Надо было драпать от этих могильщиков еще там, в лесу. А теперь... теперь меня никто и никогда не найдет в этой староверской деревеньке. И хорошо, если я отделаюсь только копанием могилы для васусиевой бабки.

Я замерла на миг и забилась с новой силой. Дешево я свою жизнь и свободу не отдам!

У Васусия в избе было натоплено и жарко. Если бы не обстоятельства, я бы, пожалуй, порадовалась, замерзла же за день. Но сейчас я готова была бежать на мороз даже без шубы, которую мужики-

могильщики шустро стянули меня, едва войдя в избу. Я так растерялась, что почти не сопротивлялась, когда с меня сняли утги. Но когда принялись в четыре руки вытряхивать из одежды...

— А-а-а! — орала я изо всех сил, размахивая руками и ногами. Жаль, что я перестала драться с того памятного дня, когда в последний раз избила Серого за гаражами. Растеряла все навыки. И теперь лупила беспорядочно, не разбирая, куда именно попадают мои кулаки.

— Сударыня! — пытели мужики, пытаюсь снять с меня теплый вязанный свитер, — да, успокойтесь вы. Мы вас не обидим...

Ага! Будем ласковыми и нежными! Я завизжала и в новой силой забила в руках могильщиков. И они сломались. Решили, видать, приятное на потом оставить. Сунули меня в узкий, длинный и тесный ящик, название которого я даже про себя не хотела произносить. Я совсем недавно из такого выбралась. И теперь снова. Меня заперли снаружи и оставили в покое...

Я еще немного покричала, порыдала, побила пятками в крепкое дно гро... нет-нет-нет! Это просто ящик... шкаф... ну, был же такой у мамы в советском кухонном гарнитуре. Узкий. Длинный... Мама его гордо называла пенал... вот в пенал меня и заперли. А что не стоит он, а лежит, так это.... ну, может мода у староверов такая...

Слишком долго и сильно просить, чтоб меня открыли, я не стала. Тут в гр... пенале как-то спокойнее. Правда, есть хочется и жарко. Но уж лучше так, чем, снаружи с мужиками и Васусием. Хотя Васусия можно не считать. Уж больно стар.

А они были дома. Ходили по избе, о чем-то неразборчиво переговаривались. А потом запахло щами... и кашей...

— Эй! — заорала я не выдержав пытки. Ну, и черт с ними. Пусть ждет меня не самое приятное. Один раз, как говориться... Зато накормят. — выпустите меня! Я есть хочу!

И еще постучала пятками, чтоб точно услышали.

Услышали. Шаркающие шаги приближались. Васусий. Мужики-могильщики так тихо не ходят.

— Сударыня, — тихий дребезжащий голос Васусия заставил прекратить орать и стучать. Иначе я не слышала что он говорил, — простите, сударыня. Но уже ночь наступила. Не можем мы вас выпустить, простите. Потерпите до утра. Утром накормим вас, а Тит и Фрол до городу довезут на лошади... а то жених ваш, небось, заждался... не шумите, сударыня, мы вам вреда не причиним. И не стучите, а то кирка не выдержит и развалится. Старенькая уже. Бабка моя в ней, почитай, шестьдесят лет лежала... А больше у нас во всей деревне нет свободных.

Что?! Шестьдесят лет лежала?! Прямо здесь?! Черт возьми! Меня затошнило. Как хорошо, что я ела слишком давно. Права была народная мудрость: все, что ни делается, к лучшему...

Я брезгливо отодвинулась от стенок ящика, максимально, как смогла. И застыла, стараясь не шевелиться. И так уже стало казаться, что воняет мертвечиной, и червячки ко мне под одежду заползают и щекочут... щекочут... заразы.

Пока я переваривала информацию о мертвой бабке, которая в этом гр... пенале истлела, и на место которой я попала, в избе стихло. Заснули что ли? И меня здесь оставили?! Ну, уж нет!

— Эй, мужики, — заорала я, — выпустите меня. Обещаю, не буду сопротивляться.

А что? Мне уже терять нечего. Лучше пусть ночка веселая, чем тут... а завтра сбегу из деревни. Черт с ними, с трусами. Пусть подавятся...

— Эй! Мужики! Открывайте! Я согласна на ночь с вами! — прокричала я, надеясь разбудить Васусия и могильщиков. И уточнила, — но только по отдельности!

Ответом мне была тишина.

В конце-концов, измучив себя бесполезной борьбой и сорвав горло, я устала и нечаянно уснула.

Проснулась я поздно. За ночь все, что случилось вчера, стало не таким страшным. Не зря говорят, утро вечера мудренее. Гроб был открыт, а в доме снова пахло чем-то вкусным.

Первым делом осмотрела свое ночное пристанище. Все как по-настоящему, красная оббивка, черная окантовка... Но сейчас я видела, что это бы не гроб. Ну, не бывает в гробу отверстий для воздуха, и перина там явно не предусмотрена. А меня под попой именно она. Пуховая, мягкая. И подушка, хотя и плоская, но явно в гробу она не может быть в веселый цветочек. Да, и крышка у гроба не отдельная, а на ременных петлях.

Черт возьми, что за староверы это такие? Может считают себя потомками дракулы, поэтому и спят в гробах? Короче говоря, понятно, что ничего не понятно. Надо вставать и убираться из этой странной деревни, где живут дракуло-староверы. И домой, домой, домой... Дел-то полно. Меня же Ирка, наверное, уже потеряла вместе с трусами.

Вылезти из гроба у меня получилось не с первого раза. Хорошо, что сам он стоял не на табуреточках, а на низеньких полатях. В сантиметрах в десяти-пятнадцати над полом.

— Сударыня? — первым меня увидел Васусий, услышав шум, он появился из-за шторы, которая перегораживала избу посередине. И вот что странно в его глазах плескался страх. Просто дикий ужас. Как будто бы он боялся меня.

— Отвезите меня домой, в город, — хмуро ответила я, не пожелав доброго утра. Ибо добрым оно точно не было.

— Фрол и Тит за лошадью пошли, — пролепетал перепуганный Васусий, — молока будете?

Он протянул мне стакан молока, так сильно трясая рукой, что оно выплескивалось и капало на пол, белыми толстыми каплями.

— Спасибо, — буркнула я. Жрать хотелось так сильно, что желудок уже, кажется начал переваривать самого себя, отчего весь живот ныл и тянул, как будто бы я проглотила холодный камень. — А хлеб?

Васусий, с облегчением выдохнул и протянул мне круглую горбушку, которую держал в другой руке. В этот раз рука не тряслась. И, вообще, выглядеть он стал гораздо увереннее.

— Сударыня, — прокашлялся он, — а может каши?

«И каши, и мяса, и всего остального», — зарычал мой желудок, отвечая Васусию.

А я только кивнула. Занята была, грызла горбушку и запивала молоком.

Пока я завтракала, вернулись Фрол и Тит. Они тоже смотрели на меня настороженно, словно побаиваясь. Станные какие-то. Это мне стоит их бояться, это же не я, а они меня вчера изнасиловать собирались.

— Сударыня, — прогудел то ли Фрол, то ли Тит, я же не знала, кто из них кто, — мы приданное ваше погрузили уже, можно ехать.

— И поторопиться бы, — добавил второй, — день-то зимой короткий, а ведь в храм успеть надо.

Я только согласно закивала. Еще как надо быстрее. Я домой хочу. Устала я от приключений, хватит с меня. Хочу на свой диванчик, включить телевизор и потупить немного под ток-шоу. Чтобы забыть этих странных дракуло-староверов, как страшный сон.

Ехали мы долго, останавливаясь только в кустики. Тот еще квест, конечно, зима же, кусты полупрозрачные, сугробы по колено, попа по снегу чиркает. И два мужика во все глаза глядят. Но я вчера уже приспособилась, привыкла.

— Вот и город показался, — о завершении утомительной поездки известил один из братьев-могильщиков, — еще три версты (\*верста — 1,06 км) и доедем...

— Где? — вскинулась я. Всю дорогу я размышляла о том, что дальнобойщик отвез меня куда-то на край земли. Потому что ни одного признака цивилизации в округе так и не наблюдалось: ни столбов электрических, ни дорог, ни самолетов в небе, ни тракторов... ничего...

— Дак вона, — кивнул в сторону горизонта второй брат, — вон маковка храмового купола показалась...

А ведь верно, над горизонтом маленькой, но четкой черточкой виднелся крест... И тут я поняла, что что-то не так...

Читала я книжки-то... про попаданок...

Никуда дальнобойщик меня не увозил... и никакие эти мужики не староверы... это, кажется, просто я — попаданка...

Понимание задницы, в которую я попала, вышибло дух, как хороший удар под дых. Я закашлялась, подавившись холодным воздухом...

— Сударыня, — прогудел «могильщик-старовер», а на самом деле местный житель, и со всей дури

шандарахнул меня по спине, — вам лучше?

Я только закивала... Лучше, конечно... А сама зубы сжала, чтобы еще раз ненароком не кашлянуть. Еще одной первой помощи моя спина не выдержит.

Не знаю, это такие особенные экземпляры мне попались, но вот рядом с ними мне даже бесполезно стараться ромашкой не быть. Помнила я еще, как вчера в их руках билась без малейшего шанса. И если здесь все такие...

Сбылась мечта идиота, называется. Вот я дура! Надо было мечтать еще и о богатом! А у этих могильщиков явно все имущество на себе помещается. Даже у меня больше...

Я посмотрела на свой баул с трусами. С восторгом. Вот он мой шанс на богатую счастливую жизнь. Судя по отсутствию каких-либо намеков на цивилизацию, да и по законам попаданства, вокруг должно царить унылое средневековье. А у меня тут, если я правильно помню наш заказ, шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть трусов.

Мать моя женщина! Я выругалась... Четыре шестерки гораздо хуже трех... Тут, черт побери, десяток дьяволов и один маленький дьяволенок-шестерка потоптались.

— Сударыня, мы вас в храм отвезем... Вам после нынешней ночи обязательно в храм надо, — второй брат, правивший лошадей обернулся, — но ежели вы желаете, мы к вашему жениху заедем, сообщим, чтобы вас из храма завтра забрал.

Я закивала снова. Не знаю зачем мне в храм, но я уловила — там можно будет переночевать. И это самое главное. Остаться без ночлега зимой в незнакомом средневековом городе не самая лучшая перспектива. Только надо вести себя так, как будто бы я местная.

Понятно, что я знать не знаю, как себя ведут местные дамы, но если буду исполнять то, что говорят и побольше стелать, как мне было страшно в лесу одной, может ничего не заметят. Еще надо будет втереть священнику, что у меня от страха и переживаний случилась амнезия. И я все забыла. Даже молитвы... Если они, конечно здесь есть. Черт, а что за Бог-то здесь? Дракула? Как бы узнать-то?

— А что было ночью? — спросила я осторожно. Я-то помню, как пыталась выбраться из гроба, но что увидели местные?

— Ну, дак, — мужик испуганно взглянул на меня и порозовел от смущения, — вы ж и не помните... Инкуб к вам приходил... Вы, сударыня криком кричали. И все непотребства разные... Старая кирка у Васусия, не сдержала демона-то... Давно он ее в храме не возил, святым крестом кирку не осеял...

— И-инку-уб? — Я даже икнула... и переспросила, — к-кирку?

Мужик, то ли Тит, то ли Фрол, поди отличи, закивал, мотая башкой так, что она могла бы отвалиться.

— Вы сударыня не переживайте. Вины в этом вашей нет. Это все Васусий, прости Боже, поленился кирку в храм свозить, раз бабка померла. Но вам в храме помогут, скверну из нутра вашего выгонят! У нас очень уж святоша хороший!

Черт... Это что же получается, эта кирка, которую они мне вручить хотели, чтоб бабкину могилу копать, и есть тот самый ящик куда меня на ночь упрятали?! А крики мои приняли за одержимость демоном?! Хорошо хоть не сожгли сразу...

Вопросов пока было больше, чем ответов. Но одно я поняла, вера здесь примерно такая же, как у нас. Демоны, кресты, храмы... есть, правда, нюансы... вроде той же кирки непонятной. Но с ними я позже разберусь. Сейчас главное сойти за свою. Поэтому киваем и прячем глазки в пол... это никогда лишним не будет.

Я оказалась права. Это было попадалово в средние века в худшем своем проявлении. Мне прямо захотелось обратно к староверскую деревушку. Воняло стало, когда до городских стен оставалось еще с версту. Сначала это просто был неприятный запах протухшей помойки и выгребной ямы одновременно. Пахло скорее всего от грязного снега, который вывозили из города и сваливали по краям дороги где придется. Но рядом с воротами мои легкие отказались вдыхать этот смрад. А ведь сейчас зима. Страшно представить, как здесь воняет летом.

Меня стошнило остатками завтрака прямо на въезде в город. Никто даже внимания не обратил. Стражник — огромный мужик с железным шлемом на голове, из которого торчала косматая с крошками борода, даже головы не повернул.

Я мне сразу стало легче, как будто бы организм смирился с вонью, раз уж сам поучаствовал в ее



создании.

А в остальном город был точно такой, как в исторических фильмах про средневековую Европу. Глубокий ров по периметру, даже сейчас вычищенный от снега до самого льда. Деревянный с железной окантовкой подъемный мост на толстых железных цепях, который сейчас был опущен, пропуская людей и повозки в город. Высокие толстые стены с башнями и бойницами, там невидимые снаружи ходили воины в кольчугах и с мечами на боку. Узкие улочки между высокими в два-три этажа каменными строениями... и я сама видела, как из окна дома выглянула женщина в грязно-сером чепце, и невозмутимо опрокинула ночной горшок, выплескивая содержимое прямо перед носом лошади.

Невольно я вжала голову в плечи, чувствуя себя как при незащищенном сексе с первым встречным... Такой азарт просыпается. Пронесет-не пронесет? И ведь не увернешься, телега шла впритык к стенам домов. Если кто-то поедет навстречу, мы не разминемся.

Слава Богу, до центральной площади, на которой стоял храм, мы доехали так никого и не встретив. Уже смеркалось и все разбежались по домам.

Церковь, то есть храм по-местному, я определила сразу. Самое большое и самое шикарное строение во всем городе.

Большой серый, каменный особняк в три этажа с высокими арочными окнами, и пять башен с маковками и крестами наверху на центральной части. По углам небольшие, а в центре просто огромная. Ее мы и видели, когда подъезжали. Архитектура, конечно, странная, непривычная, но ведь и мир другой.

Рядом стояли строения поменьше, но явно казенного вида, но их я рассмотреть толком не успела, Тит и Фрол остановили лошадь в входа в храм и заторопились:

— Скорее, сударыня, смеркается уже. Ежели замешкаемся, инкуб вернуться за вами может. Тогда даже святоши отбивать не будут...

И я прямо мысленно услышала продолжение этой фразы: «Сожгут и всего делов-то»

И это очень простимулировало мое желание как можно скорее попасть внутрь.

— А приданное? — тем не менее вцепилась я в баул с трусами.

— Я занесу, сударыня, — слегка склонил голову Тит-или-Фрол.

Я поверила. Если бы хотели спереть давно бы стащили. Еще в лесу. Мне, вообще, получается очень повезло с этими мужиками. На баул мой не позарились, на честь мою — тоже, еще и привезли в город... считай сколько дней со мной возятся, а у них, наверное, своих дел полно.

— Спасибо вам, Тит и Фрол, — поблагодарила я от всей души спасителей и шагнула в храм. За мной вошел второй брат.

3

В храме пахло воском и благовониями. Как будто бы в церкви засели индусы. Еще одна странность местной религии. А в остальном иконы по стенам, свечи перед ними... почти все, как дома. У меня даже сердце екнуло. Таким родным повеяло. Но тут к нам вышел священник в ярко-синем балахоне, как у тибетских монахов.

Если бы это был сон, то я бы решила, что насмотрелась накануне видео про мировые религии, вот мне мое воображение и выдало эту психоделическую картину.

— Приветствую вас, — сложив руки перед собой поклонился нам священник, — что привело тебя в храм, сын мой...

Меня святоша проигнорировал.

— Добрый вечер, — хотела я вежливо поздороваться, чтобы напомнить о своем существовании.

Но Фрол-или-Тит перебил меня, и забубнил густым басом быстро-быстро, словно боялся, что его остановят, одновременно часто кланяясь...

— Святоша, мы на тракте ее нашли. Слышали, что невеста с женихового обоза позавчера сбежала с приданным. В тот же день вечером наткнулись на девицу. Ночь на заимке переночевали. Кирка-то у нас там хорошая, новая, мы с братом, как государем велено, в заимке держим и каждый год в храм возим. Кто бы знал то, что вот так пригодится может... а вот в деревне у нас все кирки заняты... вчера у старосты гости понаехали, внучок у него родился, так что пришлось к

Васусию, соседу нашему девицу определить. У него бабка недавно померла. Кирка осталась, да видать совсем плоха, как закат начался, так девицу демоны и одолели. Уж мы перепугались, святоша, всю ночь не спали. А она все кричала непотребства разные, даже повторить такое язык не повернется. Инкуб это был, думается... вот поэтому к вам привезли...

Святоша молча выслушал и только потом посмотрел на меня. Презрительно прищурившись, как будто бы я бомжиха на привокзальной площади.

— Вижу, сын мой, правы вы... девица эта ночь с инкубом провела... и теперь яйцо демоново у нее между ног забито...

— Свят-свят-свят, — зашептал Фрол-или-Тит и истово перекрестился, трижды.

— Только не невеста она сбежавшая, ту еще вчера приволокли и в монашки остригли. Вздумала она против родительской воли пойти, за другого замуж выйти. Поймали их, но цветок невинности они успели смять...

Я слушал разговор и понимала, что неадекватно расценила размеры задницы, в которую попала. Она была гораздо больше. И глубже. Кажется в этом мире место женщины было ниже плинтуса. И если я прямо сейчас не придумаю, какого черта я делала среди леса с баулом без мужика, то ждет меня участь этой бедной девушки. Ибо невинности моей уже лет десять не существует. А в монашки мне не хотелось. Совсем.

— Святоша, — рухнула я на колени и завывала. От боли, конечно, пол-то каменный, но зато правдоподобно получилось, — не невеста я... жена... муж мой помер недавно, мы с ним совсем мало прожили-то... а родственники его решили, что лишняя обуза им ни к чему, да из дома и выгнали. Хорошо одежду собрали, что с приданным мне досталась... и так уж плохо мне было, что хотела я согрешить и жизнь свою в лесу зимнем закончить... Да только Тит и Фрол не дали грех на душу взять спасли меня и к вам доставили! Одумалась я, святой отец! И теперь на милость вашу уповаю, не дайте вдове сгинуть без помощи божьей!

И зарыдать... навзрыд... чтоб натурально... Я захлебывалась рыданиями, стоя на коленях и думала, что во мне, кажется, еще не погибла великая актриса. И надеюсь, у них здесь, как и у нас в прошлом, вдовам позволено гораздо больше, чем девицам.

И святошу проняло. Он мягко улыбаясь, похлопал меня по плечу:

— Ну, что ты, дитя мое, я пока не святой отец, всего лишь святоша. — Ага, кажется я нечаянно хорошо подмазала лестью. — твое раскаяние радует Бога. Признайся дитя мое, была ли ты с инкубом этой ночью? Приходил ли демон душу и тело твое истязать?

Я завывала, в волосы вцепилась, будто бы скальп хочу с себя снять, а на самом деле прокручивала в голове варианты ответа.

Отвечу «нет», не поверит. Ибо Фрол-или-Тит уже сказал обратное, а святоша этот еще про яйцо какое-то демоново гундосил. Я тогда еще смешок еле сдержала. Так хотелось спросить, как же теперь бедолага-инкуб одним яйцом обходится.

А скажу «да», а вдруг на костер меня потащат за связь с демоном?

— О-о-о, святой отец, — завывала я снова, изображая какую-то полоумную старуху, — глупая я баба, знать не знаю, ведать не ведаю, что со мной приключилось ночью этой. То ли было, то ли во сне привиделось. То ли инкуб демонов был, то ли муж мой Ванечка. Предавалась я утехам, по слабости бабьей, святой отец!

Бинго! Святоша аж засиял и снова меня по плечу погладил:

— Ну, ничего-ничего, хорошо, что осознаешь ты глубину своего падения. Значит не успел демон душой твоей в полной мере овладеть. Только тело твое скверной наполнилось. Изгоним мы скверну из тела твоего, дитя. Помолимся...

Вот оно подходящее время! Я мысленно потерла ладошки и, на мгновение замолчав и сделав вид испуганней, заголосила снова:

— Горе мне, горе! Святой отец! Все молитвы позабыла я! Ни одной не помню, как и не было! Что же такое со мной случилось?! Что демон проклятый со мной сотворил?!

Святоша нахмурился, махнул Фролу-или-Титу, отпуская его. А когда тот ушел, склонился надо мной и спросил строго:

— Совсем ничего не помнишь?

Я все это время была и раскачивалась, изображая рыдания, но ушки-то держала на макушке, наблюдая за всем происходящим из-под полуприкрытых век. И четко уловила, как изменился взгляд святоши.

Черт возьми, вот она, эта черта, которая определит мое будущее. И с одной стороны от нее — костер, в котором меня сожгут, если я не выкручусь...

— Совсем, — натурально всхлипнула я и перекрестилась, стараясь, чтобы это выглядело как привычный жест, — истинный крест, ничего не помню, святой отец!

Святоша моргнул и похлопал меня по плечу:

— Пойдем, дитя, изгоним из нутра твоего скверну...

Фу-ух! Я выдохнула и поднялась с колен. Костер прямо сейчас отменяется. Спасибо бабушке! Научила меня креститься.

Мы прошли во внутренние помещения храма. Там святоша велел мне раздеться, чтобы демон не спрятался в одежде, лечь обнаженной на специальную приступочку, застеленную красной тканью, и накрыться плотным покрывалом. А сам куда-то удалился.

В комнате было темно и пусто. Только эта приступочка в центре и одна короткая свеча, которая еле-еле освещала небольшой круг у входа в комнату.

Деваться было некуда. Костер все еще горел рядом... и маячил монастырь, что в моем понимании не многим лучше.

Так что скинула одежду, улеглась и накрылась. И, как святоша велел, громко заорала, что готова к изгнанию демона.

Святоша вошел и, обойдя приступочку по кругу, по очереди привязал руки

и ноги, распиная меня. Я была к этому готова, так что не нервничала. Видела же по телевизору, как обряд экзорцизма проходит. И уже готовилась выть и биться, чтобы правдоподобно было. Даже отрепетировала мысленно, что именно и когда делать буду.

Но святоша, обездвигив меня, медленно снял свою рясу, рубаху и принялся развязывать завязки на широких штанах...

— Святой отец, — прошептала я, во все глаза глядя на эти недвусмысленные приготовления, — а как вы демоново яйцо изгонять будете?

— Так удом, дитя мое, — невозмутимо ответил святоша, — удом...

Я на секунду замерла, а потом расхохоталась. Я смеялась и никак не могла остановиться. Ведь попалась, как дурочка... хотя с другой стороны, я же вчера готова была к такому исходу. Вот, получи и распишись. Сама просила.

А святоша забрался на приступочку и, стоя надо мной на четвереньках, заглянул в глаза.

— Ты чувствуешь, дитя мое? Это демон в тебе смеется и плачет, — а потом откинул покрывало и с молитвой на устах начал процесс изгнания демона и его яйца...

Утром я проснулась в той же келье, на той же самой приступочке, которую здесь использовали вместо кровати. Потянулась, растягивая мышцы и засмеялась. Все оказалось совсем не так уж и страшно. Собственно, совсем не страшно. Но вчера я понервничала.

Еще бы, когда голый мужик привязал тебя к кровати, разделся сам и встал на четвереньки прямо над тобой, меньше всего ждешь, что он будет просто молиться.

А он молился... просто молился, изредка прерываясь, чтобы сунуть мне в рот маленькие кусочки сухой, но жутко соленой булки и дать запить до приторности сладким вишневым компотом. В первый раз я даже сопротивлялась. Мало ли что этот придурок мне в рот сунуть собрался. Но он просто зажал мой нос, и я была вынуждена открыть рот, чтоб не задохнуться.

Когда оказалось, что мне не травят, а кормят, пусть невкусно и мало... но у меня-то с утра маковой росинки во рту не было... я уже не сопротивлялась. Жевала и глотала, все что дают.

А еще ждала, когда святоша меня насиловать будет. А он все стоял надо мной, с висющим на полшестого удом, и бормотал свою молитву.

Успокоилась я быстро. А чего трястись-то если ничего плохого не происходит? Еще бы мяса дали,

вообще бы хорошо было.

От нечего делать святошу хорошенько рассмотрела... ну, сколько видно было. Свеча же далеко стояла и горела еле-еле.

Красивый. Даром, что священник, а все при нем.

И фигура такая, как мне нравится. Такой же огромный и массивный, как Тит и Фрол. Я рядом с ним со всеми своими немалыми габаритами, как дюймовочка. А еще, хотя на четвереньках стоял, живот не висел. Значит масса не от жира, а от мышц.

И внешне симпатичный. Темненький, ночью-то масть не разобрала, глаза в темноте чернушие, зрачка не видно, нос прямой, чуток длинноватый, а губы твердые, жесткие, мужские...

И, вообще, мужик настоящий, никакого маникюра, вся грудь от яремной ямки волосами густо заросла, и дорожка кобелиная широкая такая, заметная... Ио никакого запаха пота, как ни странно.

Святоша старше, конечно, чем все мои бывшие, но ему это даже шло. Мелкие морщины в уголках глаз и седина на висках, делали его добрее и мудрее, чем он был на самом деле...

А еще уд, несмотря на то, что без дела мотался, размерами поражал.

Были бы руки свободны, я бы пощупала...

Вот так лежала, я лежала... и уже прямо ерзала от нетерпения, ожидая, когда святоша уд начнет прилаживать к делу. А что? Я женщина свободна, незамужняя... ну, вдова теперь... мне для здоровья даже полезно.

— Вот и все, дитя мое, — после очередного кормления-поения святоша легко соскочил с приступочки и принялся одеваться.

— Как это все?! — возмутилась я, задыхаясь от негодования, — а уд?!

М-да, оказалось Уд Божий — это молитва с поглощением крови и плоти Его, то бишь булки и компота. И молитвой этой демоны из тела человеческого изгоняются. На четвереньках святоша стоит, чтобы в глаза мне смотреть. А обнажен по той же причине, что и я, чтобы демон под его одежду не залез.

Развязал меня святоша, велел тихо сидеть и из кельи никуда не выходить. А если приспичит, так в углу за шторкой ведро стоит. А сам опять сбежал.

И вот сижу я на постели. Расстроенная, огорченная и обиженная до глубины души. Даже, черт побери, прости Боже, что в храме ругаюсь, святошу моя красота женская не возбудила. Что же так не везет-то мне с мужиками? Ни в том мире, ни в этом...

— Дитя мое, ты уже можешь одеться, — святоша-козлина в келью мою вернулся. С большой тарелкой каши с мясом и литровой кружкой горячего отвара с травами и медом. Это я по запаху определила.

В келье было тепло, святоша меня уже видел, а голод был сильнее стыда и обид. Так что я плюнула на все и впервые за несколько дней нормально поела.

А святоша мне войлок приволок на приступочку подстелить, чтоб помягче было. И одеяло шерстяное. Сказал, что ночью печь остынет, холодно будет. И в храме я могу спать не в ящике, а в нормальной постели.

— Дитя мое, — после завтрака святоша присел на мою приступочку, — куда ты сейчас направляешься? Где твой отец живет?

— Никого нет у меня, святоша. Одна я совсем, — вздохнула я грустно. Тут мне даже врать не пришлось, правда все. И слова, и чувства.

— Деньги есть?

Я помотала головой. Нет... Вернее, есть, но на карточке. И вряд ли в этом мире есть банкоматы Самого известного Банка. Он, конечно, вездесущий, но не до такой же степени.

Святоша помолчал, подумал и заявил:

— Тебе, дитя мое, лучше всего в монастырь податься. Там матушка о тебе позаботится, без куска хлеба, крыши над головой и благословения Божьего не оставит. А иначе пропадешь...

— Простите, святоша, — снова помотала я головой, — не чувствуя я в себе призвания к жизни монастырской.

— В миру одиноким вдовам несладко приходится. Всякий ее обидеть норовит. А уж тем более из таких... Я же вижу, дитя мое, отец твой достойным купцом был. И не бедным явно. Сможешь ли ты справиться с жизнью безродной вдовы?

— Я попытаюсь, — улыбнулась я, — меня отец правильно воспитывал, я любой работы не боюсь. Если надо, то и тряпку в руки возьму, и половник...

— Умеешь, значит, кухарничать? — Заинтересовался святоша, — нам в работный дом при храме помощь на кухне всегда нужна. Сможешь с тряпкой справиться, сможешь и остаться. Кирку и тарелку каши заработаешь.

— Договорились, — я протянула руку для рукопожатия. Машинально. А святоша сначала пожал, тоже машинально, а потом застыл, ошеломленно глядя на наши руки...

А я руку быстренько выдернула, в одежду свою влезла и шасть из кельи. На всякий случай.

4

В работный дом меня провожал мальчишка-послушник лет двенадцати, с пыхтением помогавший, или скорее мешавший, тащить мой баул с трусами.

— Эй, парень, — обратилась я к нему, — а ты знаешь почему женщины в кирках спят?

— Да, кто же не знает? — Пацан хмуро посмотрел на меня. Святоша велел ему разместить меня в работном доме и отвести на кухню. И это поручение мальцу почему-то не понравилось. — Ежели вас, женщин, в кирку не запирают на ночь, демоны в вас вселяются. У вас разум-то с булавочную головку, много места не занимает, а пустота притягательна для бесов. Потому и безделье вредно, — это явно было наставление старших, — пустое время тоже демонов приманивает.

Ну. ничего себе я мир выбрала для попадалова. Надо шустрее думать своей булавочной головкой, как выкручиваться буду из этой ситуации.

— А я спала сегодня без кирки и никто в меня не вселился, — спровоцировала я мальчишку на дальнейшие откровения. Кто мне еще расскажет о мире так, чтобы ничего не заподозрить? Только тот, кто уверен, что я дура только потому, что женщина. Что с дуры-то взять?

— Ты в храме спала, — презрительно фыркнул мальчишка, — да еще после Уда... а вчера видели мы, как ты бесновалась, пока святоша молитву читал.

— Видели? — я даже остановилась от удивления, — через стены что ли?

— А кто по-твоему плоть и кровь (хлебцы и сок) приносил? — фыркнул мальчишка, — инкуб твой, что ли? — А пока я приходила в себя от такой новости, довольно добавил, — но ты быстро в себя пришла, тебе полкруга хватило. Вот другая, что вчера утром принесли, долго бесновалась. Святоша два круга молитв прочитал, пока демона изгнать получилось. А с леди Элеонорой святоша сегодня до утра возился. Даже нас спать отправил. Всю ночь сам, один, с демоном боролся. Очень уж демоны леди Элеонору любят. Почти каждую ночь вселяются...

Я расхохоталась... Вон оно что! У святоши, оказывается возлюбленная есть. Тогда не так уж и обидно, что уд у него не поднялся.

Работный дом оказался совсем рядом, в одной из пристроек к храму с обратной стороны от фасада. Две небольшие комнаты: одна для мужчин, вторая для женщин. Грязища была страшная, а вонь стояла такая, я еле дышала, хотя уже привыкла к запахам города.

В мужской комнате рядами стояли низкие топчаны-приступочки, такие же, как в храме, только узкие. А в женской — кирки. Ну, ведь гробы и гробы. Крест на крышке... Только многоразовые. И вид у них такой был, как будто бы их по сто раз закапывали и раскапывали. Я в такой под страхом смерти не лягу.

— Баб Паш, — заорал мальчишка во все горло, — я вам новенькую привел! Святоша велел место выделить и на кухню определить.

— Что орешь, неслух, — раздался голос в пустой комнате, — чай не глухая.

И из гроба, стоящего прямо с краю поднялась старуха. Я от неожиданности взвизгнула и отпрыгнула, натолкнувшись спиной на свой собственный баул.

Мальчишка расхохотался и развернувшись на пятке усвистал обратно в храм. Как и не было. Только

ошметки снега от его валенок остались на полу, покрытом грязной, вонючей соломой.

Мать моя женщина! Я не хочу здесь жить!

Бабка внимательно оглядела меня с ног до головы, недовольно хмыкнув.

— Как звать-то тебя?

— Василиса, — ответила я. И решительно шагнула вперед. Хочу — не хочу, а больше мне жить негде. — Здесь есть кладовка, которая на ключ запирается, чтобы мои вещи убрать?

— Из благородных что ли? — проигнорировала бабка мой вопрос.

— Из купеческих, — ответила я и повторила свой вопрос настойчивее.

Бабка покосилась на меня недовольно, но кивнула. Кряхтя выбралась из гроба, и махнув мне рукой, привела меня к крошечному чуланчику, в котором лежал разный непонятный хлам.

— Вот, — кивнула она, — можешь сюда свое барахло положить.

— А это что за мусор? — спросила я, кивнув на кучи, лежащие в углах кладовки. Оно бы, конечно, все равно, но уж больно сильно мышами пахло. Как бы твари мои трусы не погрызли, тогда плакали мои мечта о богатой и беспечной жизни.

— Чегой-то мусор? — фыркнула бабка, — у каждого свое добро. Так клади, или закрываю я?

Положила. А чего думать-то? Мыши погрызут или нет — еще неизвестно. А вот если оставить мой баул без присмотра, то сопрут, как пить дать. Не верю я, что жители ночлежки, а больше всего это было похоже именно для ночлежку для бомжей, обойдут вниманием содержимое моего баула. Я и бабке-то не доверяю и буду следить за этой дверкой, как коршун.

— А теперь, покажи кирку мою, — велела я бабке, — и крикни кому-нибудь, чтоб ведро воды принесли, мыло, тряпки и нож.

Хотела я хотя бы немного почистить свое будущее спальное место. А то тут, наверное, и насекомые водятся. У меня от одной мысли все зачесалось.

— Ишь раскудаhtалась, — бабка смотрела на меня с классовой ненавистью, — ты тут не купчиха, а тварь приبلудная, аки все остальные. И что старшие скажут, то и делать будешь. Вечером придешь, где свободно там и ляжешь. И ежели воды надобно, — она кивнула в угол, — она ведро. А колодец на площади... Заодно бочку наполни и горшки ночные опорожни.

И я так четко уловила, что бабка прямо сейчас указала мне на место в иерархии работного дома. В самом низу. Оставлять такой выпад без ответа было нельзя. Один раз пойду на поводу, и так и буду всю жизнь горшки за всеми выносить. Не дадут мне выше подняться.

А бабка Паша, судя по всему, здесь самая главная. Так что если справлюсь с ней, значит справлюсь и с остальными.

Главное вспомнить свои навыки детской дворовой жизни и забыть о гуманности и милосердии... на время.

Шагнуть вперед, взять бабку за грудки, приподнять, прижимая к стенке, над полом и как следует встряхнуть у меня получилось на голых инстинктах. Стоило всего лишь позволить своей ярости творить то, что она пожелает.

— Я сказала, вели кому-нибудь воды принести, мыло, тряпки и нож. Я тут с вами церемонии разводить не буду. Надо, так и приложить могу как следует. Все ясно? — Я еще раз встряхнула бабку...

— Пусти, купчиха клятая, — зашипела бабка. Она все еще злилась, но уже сдалась. Я видела это по ее глазам. Все. Победа за мной. — Пусти, Ерофея кликну, чтоб воды принес...

Ерофей, тощий, еще худее Васусия, старичок еле волочил ноги. Он безразлично выслушал бабку, кивнул, взял пустое ведро и потащился к колодцу.

Вот кажется, кто сейчас занимает то место в работном доме, на которое бабка Паша хотела определить меня. Сейчас она нарочито охала и смотрела на меня с ненавистью. Надо быть настороже. И забрать ключ от кладовки, пока мое добро не пошло в оплату моей дерзости. Ключ бабка отдала, хотя и засопела недовольно.

До обеда я возилась со своей киркой. Той, что выбрала себе сама.

Выволокла ее во двор работного дома, с помощью Ерофея и бабы Паши. Безжалостно выбросила сальные, вонючие тряпки, которые лежали внутри, краем глаза заметив, как быстро их прибрал Ерофей.

Скинула шубку, чтобы не замарать, повесила ее на подходящий сучок на входе, ошпарила и отскоблила кирку до чистого дерева. Кипяток мне принес Ерофей из прачечной. Как и старый, тупой нож, и кусок мягкого, вонючего, хозяйственного мыла, которое здесь использовали для стирки и уборки.

Пока чистая, почти как новая, кирка проветривалась во дворе, окончательно избавляясь от вони, вымела грязную солому из своего угла. Я выбрала себе место у той стены, что примыкала к печи. И теплее, и безопаснее. И рядом с бабкой Пашей.

Пол в работном доме оказался самый простой — из утопанной сотнями ног земли.

Отскоблила посуху, снимая стружку, деревянную приступочку, на которой стояла кирка. Она к счастью была не такая грязная, ведь кирку с нее не поднимали еще с того времени, как в первый раз поставили.

Мы, с моими добровольно-принудительными помощниками, заволокла чистую кирку обратно и набили ее свежей соломой, которая нашлась на конюшне, тут же на заднем дворе храма. И посыпали ею же полы вокруг моего спального места.

Когда я закончила в животе забурчало. Время обеда. Пора наведаться на кухню.

— Баб Паш, — улыбнулась я старухе, — ты пригляди за моей киркой. Если хоть кто-то до нее дотронется, я с тебя спрошу.

Бабка от возмущения чуть не подавилась:

— Да чегой-то с меня?! Кто тронет с того и спрашивай!

Ага, как же. Стану я со всей ночлежкой воевать.

— Так ты же у нас здесь старшая, — я сияла, как солнце на майские праздники, — или нет?

— Ну, я, — буркнула бабка. Она чувствовала, что я где-то ее надула, но не понимала где, — лады, присмотрю... а ты куда-то?

— На кухню. Святоша меня кухарке в помощь определил.

Теперь, глядя как в глазах бабки засиял огонек торжества, я почувствовала, что мы поменялись. Меня точно где-то надули, но вот где?

Храмовая кухня, которая кормила не только святош и послушников, но и нас тоже, располагалась тут же, во дворе. Пока драили кирку, Ерофей бегал туда раз десять не меньше, то воды относил, то дрова. Так что провожатые мне были не нужны. Я заперла шубку в кладовку, вряд ли она мне сейчас пригодится, на кухне должно быть жарко. Сунула ключ в голенище сапога и отправилась знакомиться с моим первым в этом мире рабочим местом.

Храмовая кухня встретила меня грохотом, клубами пара и истеричными воплями:

— Дура косорукая! Куда смотрела, дрянь! — Звонкий шлепок кожи об кожу и чей-то тихий писк... Черт возьми, мне уже здесь не нравится.

Тем более, я поморщилась, грязь кругом была точно такая же как в спальнях. А то и хуже. И отвратительно воняло чем-то тухлым. Меня затошнило, здесь я точно больше есть не буду. Здоровье дороже.

— Ты кто такая?! — прервал мои размышления все тот же истеричный вопль. — Чего приперлась?! Выметайся, до вечера не подаем!

Передо мной, оперев руки в бока, стояла бабища раза в три меня толще и визгливо верещала о том, что ходят тут всякие, попрошайничают. Обойти эту тушу ни с какой стороны было просто невозможно.

Я даже рассмеялась. То-то бабка Паша радовалась. Эту бабищу я при всем желании не подниму и не встряхну, чтобы на место поставить. Но кто сказал, что это единственный способ?

— Заткнись! Марш на кухню! — гаркнула я во все горло и вытолкала ошеломленно застывшую

женщину из узкого коридора, — меня зовут Василиса, и святоша отправил меня на кухню навести порядок. — Главное не врать. Она совершенно точной либо сама сбегает, либо отправит кого, уточнить, правду я говорю, или нет. — И что я вижу?! Грязь! Копоть! Смрад! Черви! Тараканы! — Обличающе выговаривала я громко и уверенно, как будто бы имела на это право. — Посмотри на себя, — ткнула в кухарку пальцем, — ты святоше еду готовишь или за свиньями хлев чистишь?!

Кухарка с каждым моим словом потихоньку пятилась назад, выпучив глаза и открыв рот. Но так и не нашла, что мне возразить. Все это было правдой.

— Да, что я-то, — в конце-концов попыталась оправдаться кухарка и перевести стрелки на других, — это вон в прачечной бардак. Какой дали фартук, такой и повязала.

— А руки тебе тоже в прачечной дали?! А кастрюли тоже в прачечной плохо отстирали?! А копоть на плите тоже оттуда принесли?! А если святому отцу кусок нагара в тарелке попадетсЯ? Тоже на прачечную сваливать будешь?!

— Святому отцу?! — ахнула кухарка и схватилась за сердце, — неужто святой отец в наш храм приедет?

Я промолчала, всем своим видом сигнализируя, что не только может, но и уже почти стоит за воротами и ждет, когда его впустят...

— Ох, Боже! Святой отец в наш храм приедет, — ахнула женщина и прижала ладони к щекам, — Да, когда же я все успею-то?! — Она сорвалась с места и начала бегать по кухне, хватая то одно, то другое, — ой, что же делать-то...

Все. Кухарка теперь моя с потрохами. По крайней мере, пока все не выяснится. И надо по умному распорядиться полученной форой.

— Поэтому святоша меня к вам и отправил. Чтоб ты все одна на себе не тащила. Так что ты пока готовь, а я прослежу за порядком.

Счастливая кухарка, ее, кстати, звали Белавя, отрядила под мое начало пару женщин, и мы принялись за уборку. Саму кухню я решила убрать позже, после ужина, а сейчас мы начали с подсобных помещений.

Я обошла все кладовые. Выделила каждой уборщице свой фронт работы, а сама осмотрела кухню и прикинула объем необходимой уборки. Кухня была загажена так, что вдвоем мы будем отмывать ее до морковкиного заговенья. Поэтому, пошептавшись с Белавой, которая в ожидании приезда святого отца стала яркой моей сторонницей, мы разработали план по наведению чистоты в рабочем доме и храмовой кухне.

Когда стемнело, а по моим ощущениям было около четырех-пяти вечера, все обитатели рабочего дома собрались у дверей кухни на раздачу вечерней пайки.

Но не тут-то было, вместо кухарки к людям вышла я.

Толпа меня проигнорировала, все их внимание сосредоточилось на двери, из которой кухарка с кухарчатами должны вынести еду.

Я прокашлялась, поежилась на зимнем ветру и заговорила, как можно громче, чтобы меня слышали все:

— Граждане бомжи! — На меня никто не обратил внимания. — С сегодняшнего дня, каждый, кто хочет получить еду, — вот тут меня стали замечать, — должен участвовать в уборке рабочего дома и кухни. Мы приготовили для вас горячую воду, мыло, тряпки и скребки, и сейчас каждый из вас будет отмывать свое спальное место. Пока кирки и топчаны не будут чистыми, ужин вы не получите.

— А ты кто такая?! — раздался голос из толпы, — ишь раскомандовалась! Убирайся! У нас тут свои порядки.

Толпа одобрительно загудела.

Бабка Паша, стоявшая в первых рядах внимательно слушала мое выступление. Она не была душой, иначе не стала бы старшей во всей ночлежке. И она явно заметила маячившую позади меня Белаву и догадалась, что я и ее заполучила в союзники.

— Замолчи, Хром, — не поворачивая головы рыкнула она, и толпа затихла, — купчиха дело говорит. Мы с вами, чай не свиньи, чтоб в грязи жить. А кто свинья, тот пусть в хлев сваливает. На топчан, да на кирку мы живо желающих найдем.



Через час спальни в работном доме сверкали чистотой. Ну, если сравнивать с тем, как они выглядели утром. Хотя до идеала еще было далеко. Но ничего, начало положено, дальше будет легче.

Бабка Паша ходила гоголем, и я ее понимала, вид у ночлежки стал совсем другой. В понимании бомжей убогие спальни превратились в respectable жилище, и это поднимало уровень самой бабки среди местной нищеты.

После ужина все шустро разместились по своим спальным местам и мгновенно заснули. Женщины в гробах, а мужчины на топчанах. А мне не спалось. Я откинула крышку и вышла на воздух. Да, в спальнях воняло уже не так сильно, но вот сами бомжики благоухали всеми ароматами помойки и еще, бог знает, чего. В тепле ароматы немытых тел раскрывались особенно хорошо, и мне казалось, что я забралась в мусорный контейнер.

Но на крыльце все равно воняло. Я, наверное, сама пропиталась этим мерзким духом, дошло до меня. Как же хочется в душ... или лучше в баньку...

Надо кстати, подумать, как организовать бомжам, и мне в том числе, банный день. Я уже чувствовала себя грязной, хотя не мылась всего несколько дней. А мои собратья по несчастью, кажется, вообще не знали мыла. И меня это не устраивало.

Летом я бы в реке искупалась, но сейчас зима. В храме была мыльня, я уже узнала, но только для священников и мальчишек-послушников. Нам туда ход был заказан. Надо выкручиваться самим.

И единственное, что приходит в голову — это походная баня. Как ты с друзьями отправились на озеро и прямо в палатке устроили себе баньку. Думаю, меня должно получиться повторить что-то подобное.

Надо завтра с бабушкой Пашей и Белавой посоветоваться. Хотя работный дом и находился на территории храма, и формально им управлял святоша, фактически ему просто не хватало на нас времени. Крыша над головой и какая-никакая пища — вот и все, что храм мог предложить таким нищим и бездомным, как я. А в остальном им не было до нас никакого дела. Все были предоставлены сами себе. Кое-кто даже пытался работать и зарабатывать, но большая часть нищих весь день сидела у храма и попрошайничала.

Я уже совсем замерзла и хотела зайти внутрь, как услышала шаги. Ко мне по двору шел святоша.

— Дитя мое, — заговорил он первый, — ты почему не в кирке? Демоны опасны, они могут завладеть твоей душой и твоим телом. Ты не должна подвергать себя такому риску.

— У меня слишком много мыслей в голове и боли в душе, святоша, чтобы там хватило места для демона, — усмехнулась я и обняла себя за плечи. Раз уж он здесь, то стоило попробовать узнать об этом мире и религии немного больше. Только осторожно.

— Вы можете поделиться ими со мной, — наглый святоша тихой сапой задвигал меня в ночлежку, приближаясь слишком близко и заставляя отступать. Но когда моя спина коснулась косяка двери я застыла. — Я выслушаю вас и вам станет легче.

Он стоял совсем рядом, вторгаясь в мое личное пространство, но я чувствовала спиной твердое дерево и упрямо держала позицию, не двигаясь с места. Я не хочу в эту вонючую комнату. Я не хочу спать в гробу. И, вообще, очевидно же, что все это дурацкий бред. Я не была вчера одержима, я валяла дурака, боясь, что меня опознают, как чужачку. И все остальные женщины тоже притворяются, преследуя какие-то свои цели. Как леди Элеонора...

— И демон займет мою душу, — усмехнулась я, — у меня же там появится слишком много свободного места.

— Дитя мое, — святоша перешел к активным действиям и мягко завладел моей рукой, — не стоит понимать так буквально слова вашего святоши. Вам нужно отдохнуть, прийти в себя после потери, идемте, я провожу вас до кирки.

— Святоша, — вздохнула я и посмотрела в чернильную темноту звездного неба, а перевела взгляд на святошу, — а можно мне еще одну ночь поспать в храме? Эта крышка... она так давит на меня...

— Почему, дитя мое? — удивился святоша, — может быть кирки у нас в храме не такие удобные, как у твоего отца и мужа, но зато они защищают от демонов ничуть не хуже. И крышки у них крепкие.

— Святоша, а вы сами когда-нибудь пробовали спать в кирке?

— Нет, зачем мне это?!

— А вы попробуйте. — вздохнула я и пошла в вонь ночлежки, — а пока вы сами не спали там ни одной ночи, вы не можете утверждать, что это удобно и хорошо.

— Но кирка защищает от демонов.

— Как и отсутствие пустоты в душе.

— Но женщины не умеют заполнять эту пустоту, дитя мое, — святоша начал заводитьсь, и я не стала продолжать спор. Улыбнулась и молча ушла спать. В проклятую кирку. Потому что в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Одно дело, когда тебя запирают в гробу силой, и совсем другое, когда ты ложишься туда добровольно. Я так и не уснула и проворочалась слегка перекатываясь с боку на бок, большую часть ночи. Задремала только под утро и проснулась, когда кто-то прошелся между рядами кирок в женской спальне, отпирая ящики. Да, оказывается святоша каждый вечер самолично запирает кирки, чтобы демоны, не дай Боже, не надругались над несчастными женщинами. В семьях эта важная миссия принадлежала главе семьи — мужу, отцу или брату.

Собственно поэтому женщины не могли жить в одиночку, некому было запереть их на ночь, обеспечивая безопасность. Это мне баба Паша рассказала, когда ушел святоша. Оказывается, даже лежа в кирках, можно тихонечко поболтать. Если они стоят совсем близко...

5

Встала я злая. Не выпалась же. Но это оказалось мне на руку. Все, кто попадался мне на глаза, старались мгновенно слинять, словно чувствовали, что у меня в душе готовится к извержению огромный вулкан.

— Итак, граждане бомжики, — я, стоя в дверях кухни, хмуро обвела желающих пожрать, — завтрака сегодня не будет.

На мгновение все застыли, ошарашенные моим известием. За спиной недоуменно пискнула Белава. Я даже удивилась, что она так может. Я-то думала, она сейчас будет орать. Бабка Паша открыла рот, чтобы что-то сказать, но закрыла, так и не решившись. А вот какая-то дура не догадалась, что лучше молчать:

— Да, что вы ее снова слушаете! Да, кто она такая! Сама граждана бомжика! — тетка, обмотанная грязными тряпками так, что торчал только один нос, визгливо орала. Все остальные пока осторожничали, но на многих лицах я прочитала согласие со словами этой тетки. — Еду нам храм дает, а не эта, — она презрительно скривилась, — купчиха!

Три шага, толпа расступилась, пропуская меня к кричащей бабе. Я ее даже пальцем трогать не стала, только посмотрела снизу вверх, выпуская всю свою ярость, все свое недовольство идиотской ситуаций с попадаловом в темные времена.

И бабка замолчала... отступила на шаг и заткнулась.

А я обвела свирепым взглядом толпу, неосознанно, сделавшую шаг назад. Слажено, как единый организм.

— Еще у кого-то есть возражения?! Нет?! Вот и отлично. Итак, граждане бомжики, я вчера сказала, что за еду вы будете наводить чистоту в рабочем доме и на кухне? Сказала. Поэтому сейчас мне нужно десять человек, которые весь день будут чистить и мыть там, где я укажу. Эти люди получат и завтрак, и ужин. Кто желает?

Как я и предполагала, на работы никто не вызвался. Я усмехнулась:

— Баб Паш, назначь дежурных.

— Кого? — недоуменно отозвалась бабка.

— Дежурных, — повторила я, — тех кто будет чистить и мыть. Их должно быть столько, сколько у тебя пальцев на двух руках.

Бабка понимающе кивнула и, загибая пальцы, назвала десяток имен.

— Белава, выдай им завтрак, — распорядилась я, и довольная десятка прошмыгнула мне за спину, вытаскивая на ходу миски. Здесь у каждого была своя посуда для еды.

— А мы? — прогудел Хром. Тот самый, что пытался выступать вчера.

— А вы сейчас будете мыть кирки и спальни, как вчера, — я улыбнулась. Как обычно ярость быстро улеглась и мое настроение стало почти умиротворенным, — а потом завтрак.

— Так вчера же мыли?! — открыл рот Хром, но на него тут же зашикали. А моя злость приподняла голову и посмотрела на стушевавшегося бомжика. — Ну, надо так надо... на свежей соломе спать-то приятнее...

Когда кирки выволокли на улицу, я позвала всех и показала, какими они должны получиться в итоге. Вчера-то в темноте мыли, и хотя они явно стали чище, до идеала было слишком далеко. Так что будут драить пока не отмоют. Заодно и руки станут чище. Перед едой.

Мы только начали отмывать спальни, как из храма выбежал встревоженный святоша. А за ним семенила та самая бомжиха, что возмущалась моим самоуправством, и что-то говорила прямо на бегу. Настучала уже, гадина.

Все жители работного дома застыли с тряпками с скребками в руках, глядя на приближающуюся процессию.

Я вышла вперед. Что же... я все затеяла, мне и отвечать. Да и про банный день узнать надо, и сменную, вернее хоть какую-нибудь, одежду бомжикам надо выбить. А то толку мыться-то и обратно в тряпье вонючее одеваться. Ненавижу вонь.

Святоша тоже не дурак, напрямик ко мне направился, сверкая глазками. Красивые они у него все же, черные, как самая темная ночь.

— Что здесь происходит? — Спросил он, от негодования забыв свое извечное «дитя мое».

— ПХД, — хмуро ответила я, чувствуя непреодолимое желание треснуть бабу-ябеду по ее бестолковой голове. Или хотя бы сказать ей, что она непроходимая дура.

— ПХД? — переспросил святоша, — Что это такое?

— Парково-хозяйственный день, — расшифровала я аббревиатуру, — уборка прилегающей территории.

— Уборка, — снова переспросил святоша и оглядел двор и бомжиков с тряпками, которые замерли с надеждой смотрели на избавителя, — но почему ты не даешь людям еду?

— Потом что эти люди тупы и ленивы, — злилась я сильнее, — и, получив еду, сразу разбегутся по помойкам. И заставить их убираться можно только до завтрака, а не после.

— Но так нельзя! Господь Бог против такого! Каждый человек имеет право жить так, как хочет! — святоша был полон праведного гнева. А вот меня его слова рассмешили.

— Сказал святоша, — фыркнула я, — который каждый вечер запирает несчастных женщин в ящики.

— Что? — не понял меня святоша, — Белава немедленно выдай всем завтрак.

Народ тут же встрепенулся и бросив крики посреди двора потянулся к кухне.

— А кирки вы сами заносить будете? — мне было смешно. До горечи. Хотелось затопать и заорать, что меня достал этот идиотский мир, что я хочу обратно. Если бы я умела плакать, то разрыдалась бы и повисла на святоше, требуя утешения. Но первый и последний раз я ревела в тринадцать лет, у Ирки.

— Белава подожди, — святоша задумался. Посмотрел вокруг на наполовину чистые крики, на меня, на бомжиков. Я видела, как в его голове мечется только что снизошедшее на него понимание, если бомжикам прямо сейчас дать завтрак, то они даже не подумают о том, чтобы занести кирки в спальни. Или вынести оттуда ведра с водой. Они простой уйдут на паперть, бросив все как есть. — Пусть закончат уборку, потом дашь им еду.

— Святоша, — ахнула ябеда, — но как же так?! Это же против воли Божьей!

— Ну, что ты, — улыбнулась я, и поддержала тетку за локоток. Со стороны смотрелось вполне невинно, но я сжала пальцы так, что тетка зашипела, — тебя же никто не заставляет. Не хочешь мыть кирку, можешь просто уйти, — я мило улыбалась, — без завтрака.

— Я Божий человек! — вскинула эта идиотка голову, гордясь собой.

— Верена, — вздохнул святоша, — мы здесь все Божьи дети. И ты, и Василиса, и я. И я тоже имею право жить так, как хочу. А я хочу жить тихо, мирно и без скандалов. Поэтому сначала наведите здесь порядок, а потом получите завтрак. Если же кого это не устраивает, то я при храме никого не

держу, можете идти на все четыре стороны.

Тетка онемела, да и все бомжики тоже. А святоша повернулся ко мне:

— Василиса, пойдем со мной, дитя мое. У меня к тебе будет небольшая просьба.

Он медленно пошел к храму. А я обернувшись к своим бомжикам гаркнула:

— Чего замерли?! Живее за работу, а то каша остынет!

И с удовольствием отметила, как, повздыхав и попрятав миски, грязнули продолжили отмывать кирпичи. Что же... раз пошла такая пьянка, надо прямо сейчас выпросить у святоши одежду и банный день.

— Святоша, — догнала я священника, — сегодня мы наведем чистоту в спальнях, но сами люди очень грязные, и не мылись с самого лета. Мы должны организовать им банный день.

— Еще один День? — фыркнул святоша, и я только заметила, что он хихикает себе под нос, — и сколько же у тебя еще таких Дней?

— А сколько дней в неделе?

— Семь, — произнес святоша и расхохотался. Он понял мою мысль. — Василиса, ты слишком неугомонная. Даже не знаю, на беду или на удачу привел Господь тебя в мой храм. Но, кажется, я понимаю родственников твоего умершего мужа.

— Святоша, — я пропустила мимо ушей этот сомнительный комплимент, — раз уж господь Бог велит всем жить так, как они хотят, то может вы не будете запирают меня в кирку против моей воли?

— Разумеется, — тут же отозвался святоша, — буду. Кирка не прихоть, а забота о вашей безопасности. Вы уже сами столкнулись с одержимостью, дитя мое, и, думаю, вам не хочется пройти через Уд снова.

— Ну, почему же, — усмехнулась я, — мне даже понравилось. И я совсем не прочь полежать под вами еще раз.

— Кхм-кхм, — закашлялся святоша. А я пожалела, что иду позади и не могу увидеть его лицо. — Дитя мое, я хотел поговорить с тобой о другом. Твое желание устроить жизнь обитателей рабочего дома похвально, хотя и неожиданно. Очень мало людей в нашем мире готовы посвятить себя бескорыстному служению другим.

А я кивала головой, соглашаясь со словами священника, хотя, когда я затевала эту уборку, меньше всего думала о других. Прежде всего, мне хотелось устроить нормальные условия жизни для себя. И жить в помойке мне совсем не нравится. Но не говорить же это святоше? Пусть думает, что я такая хорошая. Может быть быстрее пойдет мне на встречу.

— И я хотел тебя попросить присматривать за рабочим домом и его обитателями постоянно. У меня, к сожалению, не хватает на это времени, а люди нуждаются в заботе. Только воздержись, дитя мое, от подобных условий. Божий человек должен получать кусок хлеба и ночлег в любом храме просто так.

— Святоша, — мысленно я скривилась. Вот идиот, неудивительно, что бомжики так обленились. Но виду не показала, — я совершенно с вами согласна. И как только мы наведем чистоту в спальнях и кухне, так и будет... хлеб и ночлег они будут получать просто так, без всяких условий. Но вот за остальное им придется потрудиться.

— За остальное? — Удивился святоша, — За какое остальное?

— За чистую одежду, за баню, за новую посуду, — загибала я пальцы, а потом сжала оба кулака, — и за многое другое.

— Но, дитя мое, мы ничего этого не даем людям.

— Будем давать! — я решительно взмахнула рукой, — святоша, людей надо помыть и переодеть. Вы посмотрите, какие они грязные и в чем они ходят. Как пустить таких грязнуль в чистые спальни? Они же мгновенно сведут все наши усилия по уборке на нет. И придется снова заставлять их мыть и чистить, — вздохнула я сокрушенно.

Святоша расхохотался. Он смеялся, запрокинув лицо вверх, и теперь выглядел совсем мальчишкой.

И я вдруг поняла, что вся его строгость и серьезность напускная, а на самом деле он вот такой, как сейчас: веселый, смешливый... просто научился прятать все это в глубине своей души.

— Ох, Василиса, — вытер он слезы, — но где же я возьму одежду? У нас в храме нет мирской одежды.

— Купим, — улыбнулась я, пожимая плечами, — мы же должны заботиться о Божьих людях. И им нужна одежда.

— Это будет недешево.

— Это будет по-божески... Святоша, мы должны это сделать. А бомжики потом отработают.

— Почему ты называешь их бомжики? — святоша тепло улыбался, — это оскорбительное слово?

— Нет, что вы! Бомж — это человек Без Определенного Места Жительства, — выделила я интонацией первые буквы нужных слов.

— ПХД, бомжики... интересный у тебя был отец. Сразу видно из купеческих, столько непривычных слов...

Я неопределенно пожала плечами. Что он, вообще, к моему отцу прицепился?! Этого негодяя я лес с десяти, когда перестала верить, что он вернется, ненавижу всеми фибрами души. За то, что бросил нас с мамой, за то, что не было в моем детстве походов, рыбалки и просто надежных отцовский объятий.

А этот заладил, как попугай, «твой отец», «твой отец»... и ведь не скажешь, что его не было, что мы жили с мамой вдвоем, не поймут. Кто же тогда нас тогда в кирку запирал, будь она неладна.

— Дитя мое, ты сходи сегодня в лавку, приценись, поторгуйся, — фыркнул святоша, представив как повезет тому, в чью лавку я заявлюсь, — будет у бомжиков новая одежда. Думаю, храму по карману такие расходы.

— И банный день?! — Встрепенулась я.

— И банный день, — согласился он.

Обговорив со святошей все детали, я вернулась во двор работного дома. Мои бомжики уже закончили скоблить кирпичи и приступочки в спальнях. Я проследила, чтобы старую солому тщательно вывели, вчера это делали спустя рукава, а свежую постелили обильно, не жалея.

А потом мы все пошли завтракать.

6

Столовой в работном доме не было, и получив еду, бомжики разбрелись по двору, примостившись, кто где смог. А с учетом того, во что мы превратили двор, разливая грязную воду и мусор... да... срочно нужно сколотить столы и скамейки. Не дело это, когда люди едят сидя на земле.

Но пока у меня другая задача. Нужно решить вопрос с одеждой для бомжиков, и с продажей моих трусов. Я же не собираюсь жить здесь вечно!

Вообще, за ночь у меня в голове сложился примерный бизнес-план. Трусов у меня, конечно, много, но продавать их сразу и за дешево все же будет недальновидно. Таких трусов еще несколько веков не будет. А значит стоять они должны как моя почка. А то и дороже. Почек в этом мире полно, а трусов всего шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть.

И это наводит на мысль, что продавать свой товар я должна тем, кто может заплатить за пару небольшое состояние, то есть аристократам.

Поэтому я расспросила святошу, где в городе находятся самые дорогие лавочки, и где самые дешевые. Потому что образцы своего товара я понесу в первые, а за одеждой для бомжиков пойду во вторые.

Храм находился в самом центре города и до Торговой площади, где располагались самые престижные магазины, было рукой подать. Я тщательно подготовилась. Умылась, почистила шубку, уggi, отряхнула юбку, захватила упаковку трусов и отправилась покорять местный бомонд.

Повезло мне не сразу. Нет, меня не выгоняли, хотя, конечно, никто ко мне не бежал, роняя тапки, просто в первых дух продавали ткани и шили верхнее платье. А мне нужны были белешвейки. Когда увидела какое здесь оно, это самое готовое платье, сразу пришло на ум это старинное слово. А еще корсет, криолин, оборки, рюши, фижмы и даже, прости Господи, турнюр...

Да, в этом мире аристократки носили на себе тонны лишней ткани и металла, чтобы выглядеть, как квадратно-гнездовая невеста... ну, они же здесь все были крупные, я о своими габаритами как-то терялась на их фоне. И вот это великолепие запихивали в платье, до края которого дама была не в состоянии дотянуться сама.

Я одну такую встретила. Она застряла в двери какой-то лавки, и ее теперь тянули наружу, как репку. Кучер за служанку, служанка за даму, тянут-потянут, вытянуть не могут. И позвал кучер Ваську...

Не отказала. Любопытно же! Васька за кучера, кучер за служанку, служанка за даму, тянут-потянут и вытянули репку! Вместе с двумя девушками-портнихами, которые ее изнутри выпихивали.

Дама царственно всем кивнула и, с помощью кучера и служанки, утолкалась вместе с платьем в карету. Удивительно, а карета казалась такой небольшой... наверное, игра в репку здесь привычное явление.

— Спасибо, сударыня, — прогудел кучер и сунул мне в руку монетку. Небольшую, с ноготок, и с замысловатыми кракозябрами на обеих сторонах.

Я рассмеялась. Вот, Васька, твои первые заработанные в этом мире деньги. Надо сохранить, как неразменный пятак. Буду потом внукам своим показывать, с чего мое богатство началось.

К белошвейкам я зашла с улыбкой. Две девицы за стойкой, мельком взглянули на меня, но даже не прервали работы. Они что-то шили при тусклом свете накрытой стеклянным колпаком свечи.

— Добрый день, сударыни, — радостно поприветствовала я продавцов, мне нужно было завоевать их расположение, — будьте так добры, пригласите сюда хозяйку.

Девицы переглянулись.

— Сударыню Летицию? — Удивленно спросили они, а у меня екнуло сердце. А вдруг здесь не хозяйка, а хозяин? Но я, не переставая улыбаться, кивнула. — А вы от кого? У нас сегодня нет готовых заказов... если вы от графини, то ее заказ будет готов только завтра...

— Нет, — я улыбнулась еще шире, у меня щеки заболели, — я не от графини. Я купчиха. Мой отец привез из дальних стран кое-что невиданное, и в знак уважения к талантам сударыни Летиции, я хотела предложить это, — я вытащила из под полы пакет с трусами, — именно ей...

Девицы дружно опустили носы, разглядывая шикарные слипы, с кружевными вставками, одной из известных фирм.

— Что это? — одна девица осторожно ткнула пальцем в упаковку и мгновенно одернула руку, услышав шуршание.

— Позовите сударыню Летицию, и я вам все расскажу и покажу, — засияла я пуще прежнего.

— Сударыня Летиция занята, — поджала губы вторая девица. Ее мой пакет не впечатлил совсем.

— Фрось, — прошептала первая, — но интересно же...

Фрося недовольно взглянула на товарку, но промолчала и принялась остервенело тыкать иглой в тряпку.

— Сударыня Летиция, — вторая девица, довольно пискнув, слетела со стула и умчалась внутрь лавки, крича так громко, что мы ее слышали, — сударыня Летиция! Там купчиха! Что-то интересное принесла! — Пауза обозначала, видимо ответ хозяйки. — Да! Красивое! Я такое еще никогда не видела!

Я потеряла лапки, мое белье понравилось. И это прекрасно. Именно отсюда и начнется мое восхождение на вершину славы.

Сударыня Летиция оказалась неожиданно молодой, лет двадцати пяти, женщиной. Она вплыла в лавку и уставилась на меня вопросительно. Вот ведь, выругалась я про себя, какая заносчивая фифа, даже не поздоровалась. Но ничего, скоро она будет есть с моих рук и заискивающе заглядывать в глаза. И представив эту картину, я расплылась в улыбке:

— Сударыня Летиция, слава о ваших талантах дошла и до наших мест. И я решила первым делом зайти к вам, чтобы показать невиданные трусики, которые мой отец привез из заморских стран. Они просто великолепны, — я шустро развернула пакет и вытащила трусы наружу под дружный вздох безымянной девицы и Летиции...

— Сколько вы них хотите? — голос хозяйки оказался очень низким и глубоким. С таким голосом

надо на сцене петь, а не белье шить.

Если бы я знала! Нет, я конечно, могла бы спросить про деньги у святоши или у бомжиков. Но последние вряд ли смогли бы мне помочь, а святоше тогда сразу же можно было бы рассказать, что я попаданка из другого мира и попросить меня сжечь. Что это за купчиха, которая не разбирается в деньгах? Поэтому я собиралась немного схитрить...

- Я предлагаю вам, сударыня Летиция, самой назвать цену, — улыбнулась я.

Летиция с интересом взглянула на меня, потом на трусы, лежащие веером, точно так же, как я вытащила их из пакета.

— Шилг\*, - равнодушно ответила она. Но я-то видела, что врет. Ей интересно. Очень интересно купить мой товар.

— Сударыня Летиция, — я расхохоталась, показывая что ее слова меня насмешили, — а вы шутница!

Она улыбнулась и развела руками. Мол, сама понимаешь, не обманешь, не продашь. Тьфу-ты, не купишь за дешево...

— Хорошо, — подхватила она смех, — плачу фут за ваши трусики.

По тому, как округлились глаза девиц, я поняла. В этот раз цена хороша... для девиц-белошвеек.

— Пять, — не моргнув глазом, увеличила я ставку, — за каждые...

Девицы хором ахнули. И даже сударыня Летиция приоткрыла рот от удивления. Вот и отлично. Такая цена меня устраивает.

— А у вас есть еще? — прищурилась она, справившись с эмоциями.

— Есть, — улыбнулась я многозначительно, — еще несколько...

Говорить, что у меня трусов целый баул, я не стала. Слишком большой соблазн...

Хозяйка лавочки задумалась, что-то просчитывая в уме.

— Хорошо, — согласилась она, — по пять футов за трусики, но с условием, что вы продадите их только мне.

— Сожалею, — покачала я головой, — этого я не могу обещать. Такие трусики достойны самой королевы, и я собираюсь предложить их ей...

— Вы отправляетесь в столицу?

— Сама нет, — сокрушенно вздохнула я, — но я собираюсь продать их купцам, которые довезут их куда угодно...

— Хорошо, но здесь, в Летинске, вы принесете их только ко мне...

— Договорились, — я по привычке протянула руку, заключая сделку. И сударыня Летиция с довольной улыбкой пожала ее... вот и отлично, значит в части заключения сделок обычаи здесь точно такие же.

— Фрося, — приказала она обернувшись, — принеси деньги сударыне...

— Василесе, — подсказала я.

— Сударыне Василесе, — подхватила Летиция, протянув руку, смахнула трусы и осторожно погладила пакет кончиками пальцев, — тряпочки можете забрать... мы предложим покупателям свои, более роскошные, с золотой вышивкой... эти трусики достойны рук королевы. Тут вы правы, сударыня Василеса. Фрося, — крикнула она, — и принеси мне перчатки! Такую красоту нельзя брать голыми руками. Какое тонкое стекло, — восхищенно прошептала она...

А я пыталась поймать упавшую на пол челюсть... это что она думала, я ей пакет продаю?!

Я молча получила деньги, подхватила трусы, сунула их в карман шубки, кое-как поблагодарила, и вышла на улицу. И бегом помчалась прочь. Завернула за угол и перестала себя сдерживать. Хохотала я до икоты.

А потом снова вернулась на Торговую площадь. Пакет-то я продала, а трусы нет. Вторая мастерская белошвеек была с другой стороны площади.

— Что это такое? — девицы и их хозяйка, пожилая женщина, похожая на сушеную воблу, уставились на трусы.

— Слипы, — улыбнулась я. Не могу же я назвать трусы трусами, если недавно с моей легкой руки пакеты в этом мире стали трусиками? Бедные попаданцы, которые попадут сюда после меня. У меня-то только гроб-кирка была, а у них еще пакет-трусика будут.

— И для чего они? — Хозяйка растянула на руках трусы, — как их надевать?

— Это нижнее белье, — улыбнулась я, — вместо панталон...

— Панталон? — переспросила хозяйка, — а что такое панталон?

Это был попадос... трусов в этом мире не знали. Их просто не существовало, как вида. И я замаялась объяснять что это такое и для чего оно нужно.

— Нет, — сморщилась она, — такое носить никто не будет. Они же закрывают все. На горшок нормально не сходишь. Промокнет. А потом на платье пятна останутся.

— Перед тем, как сходить на горшок, — улыбнулась я, хотя на душе стало тревожно, — их нужно снять.

Сушеная вобла засмеялась, зафыркала. Девушки белошвейки поддержали ее смех.

— Если их нужно снимать, то зачем надевать-то тогда? Нам ваши слипы не интересны. Уходите.

Из лавки я вышла в отвратительном настроении. Вернулась к сударыне Летиции, но та тоже забраковала слипы, сказав, то трусики она готова брать в любом количестве, а вот с этого, презрительный взгляд на трусы, она готова взять только кружево, если я его отпору.

Это был самый эпический провал моего бизнес-плана.

С другой стороны, я прикинула, что пакетов у меня штук пятьсот, а значит, если продать их по пять фуртов, то у меня будет две с половиной тысячи фуртов. Много это или мало? Думаю, довольно много. А значит незачем расстраиваться, пока буду торговать трусиками, надо же привыкать к новому названию, а потом трусами... то есть слипами... А пока мне надо бедать в лавку с самой дешевой одеждой, прицениться во сколько храму обойдется одеть бомжиков.

Не так уж этот мир от нашего отличается. Все как у людей. На торговой площади лавки, как бутики в самых крутых торговых центрах. И если они мне показались не особенно шикарными, то только потому, что сравнивала я их с магазинами в своем мире. А вот когда увидела убогую лавочку с дешевой одеждой, сразу поняла: лавка сударыни Летиции отличается от этой лавки, бутик федеральной сети «Супербелье» от полуподвального закутка с китайскими трусишками.

Воняло здесь точно так же. Я внимательно вгляделась замурзанное лицо продавца. А вдруг это тоже китаец-попаданец? Это там я на него не посмотрела бы, а тут на чужбине самой близкой родней бы стал. Но нет... не повезло. За стойкой прятался огромный детина, родственник Тита и Фрола... причем неудачный. Ну, глаза у него были без малейшего проблеска разума.

Но требуемый комплект одежды из рубахи, штанов, пары портянок, валенок, старой шапки и тощего тулупа собрал быстро. Видно, что одежда не новая, но более-менее целая. Нашим бомжикам и такой наряд за счастье.

Цена за все оказалась не так уж и высока — шесть шилгов. Для женщин к этому набору надо было добавить еще и юбку по одному шилгу.

Бомжиков у нас в работном доме человек тридцать. Итого храму нужно будет разориться на сто восемьдесят шилгов. А юбки я за опт сторгую.

— Мил человек, — обратилась я к продавцу, — мне нужно тридцать таких комплектов.

— Чего? — не понял меня неудачный родственник Тита и Фрола...

— Я говорю, мне нужно тридцать таких комплектов, — громче повторила я, — три раза по десять всего, что здесь, — я ткнула пальцем в кучку, которую он мне выдал...

— Чего?! — недоумок хлопал глазами и не понимал, что я от него хочу...

— Десять — это столько, сколько у тебя пальцев на двух руках, — пояснила я, стараясь не выйти из себя, — а мне нужно три раза по столько рубах, штанов, портянок, валенок, шапок и тулупов.

— Чего?!



— Ничего! — не выдержала я и заорала, — кто тебя дурака такого продавать поставил?! Позови хозяина!

— Я хозяин, — выпятил грудь детина, — а ты, глупая баба, раз не понимаешь, что я приличный купец, а не ночной хмырь. И столько людей убивать не собираюсь!

— Что?! — опешила я... и расхохоталась.

Все оказалось просто. Такие лавочки, как и дешевые кабаки использовались для найма ночных хмырей, тут я с трудом сдерживала хихиканье, или проще говоря воров, убийц и прочих преступных элементов.

И мое желание купить тридцать комплектов одежды мужик принял за попытку сделать заказ на убийство тридцати человек. Ну, я же четко ему «нарисовала» человека. Он и решил, что это не покупка одежды, а заказ на убийство.

А крестьянскую одежду на тридцать человек он мне за три фурта и пятнадцать шилгов продаст. У него такого барахла много. Вот тут мне стало жутко, за один-то «комплект», а именно это слово навело его на такие мысли, недалекий родственник Тита и Фрола готов был деньги взять...

— Ты, сударыня, — бубнил он, провожая меня до дверей лавки, после того, как мы все выяснили и все обговорили, — так больше честных людей не пугай. Ежели надобно тебе одежду, так и говори... а заграничными словечками народ не путай. А дело ты Божеское затеяла... да только, я тебе по-чести скажу, они эту одежду сразу ко мне и принесут, на пару пен сменят и в кабак пойдут.

Да, я почесала затылок, это проблема... Прав родственник Тита и Фрола... его, кстати, Биром кличут. И с Фролом и Титом он, конечно же, никаких родственных связей не имеет.

---

\*Золотая гинна (небольшая золотая монета) — 12 фуртов (большая серебряная монета)

Фурт — 20 шилгов (небольшая серебряная монета)

Шилг — 12 пенов (маленькая серебряная монета)

Еще были полупены (половина маленькой монеты) и четверти (с ноготок) — самые мелкие монетки. Таковую и получила Васька от кучера.

7

Вернувшись в храм, я первым делом нашла святошу. Он как раз наслаждался тишиной и спокойствием на крыльце храма. Тянуть кота за хвост я не стала, все как на духу выдала. Умолчала, правда, о своих личных доходах и о том, что купец, в лавку которого меня святоша отправил, ночным хмырем оказался. И как бы одежда в его лавке не оказалась снятой с убитых и ограбленных...

Но тут ведь как? Меньше болтаешь, дольше живешь.

— Почти четыре фурта?! — святоша пришел в изумление, — дитя мое, это слишком много! Храм за весь месяц столько на работный дом не тратит.

Хм, пять фуртов полученных за пакет, стали греть карман гораздо сильнее. Но святоше я сказала совсем другое.

— Это всего лишь четыре фурта, святоша! Бомжики отработают. Заставим их двор убирать, снег чистить...

— Отработают?! — Святоша явно нервничал. — да где же они тут, — он обвел взмахом руки храмовый двор, — все работать-то будут?!

— Почему только здесь? — Тоном змея искусителя спросила я, — во всем городе. Сейчас подвода не по каждой улице проедет, снегом все замечено. А еще вы посмотрите, какой у нас грязный город! Горшки выливают прямо на улицу, И все это так и лежит на снегу и воняет. А наши бомжики наведут чистоту, почистят снег на дорогах, поставят мусорные бочки (\*бачков в том мире не было), чтоб народ горшки туда выливал, и каждое утро будут объезжать, бочки с отходами вывозить, а чистые ставить. И будет в Летинске красиво, свежо, уютно. И все благодаря храму, святоша. благодаря вам!

Святоша заворуженно слушал и морщины на его лице разглаживались, становились мягче. Ему явно нравилась нарисованная мной картина...

— А горожане будут платить нам за эту работу...

— Нет! — сорвалась с крючка рыбка, — Храм не может брать плату, храм должен жить на подаяния, дитя мое.

— Ну, — улынулась я, — давайте я буду брать плату с людей. А потом жертвовать храму? А себе за услуги, скажем, десятую часть заберу.

Святоша почесал затылок, подумал...

— Купчиха, — фыркнул он на меня. И добавил, — договорились. Но только потому, что дело это для всех жителей города во благо!

— Конечно-конечно, — кивнула я. — Только бомжикам одежду надо справить. Если честной народ наших бродяг с лопатой на улице встретит, то лопату отберет. Решит, что тот ее украл.

Святоша взглянул на меня недовольно, но кивнул.

— И лопаты, — поспешно добавила я.

Он промолчал, разглядывая падающие с неба снежинки. Кажется, этой ночью будет метель. Это хорошо. Всю грязь в храмовом дворе засыплет. А то смотреть тошно. Зато в спальнях пахнет чистотой и свежей соломой.

Мы еще немного постояли на крылечке. Не знаю, о чем думал святоша, а я-то монетки уже в уме подсчитывала. Это с каждого фурта мне два шилга полагается. Да я за такие деньги каждого горожанина лично навещу. Я тут уже узнала тишком, за три-четыре фурта можно дом в деревне купить. А за пятьдесят — лавку с домом в центре Летинска.

Пятьдесят фуртов — это десять пакетов. Но нельзя их сразу все вываливать, цена упадет. Так что пока поживу в храме. Тем более, чтобы купить лавку и заправлять там всем, нужно еще с киркой вопрос решить. Выходит замуж только для того, чтобы было кому тебя в гробу запереть? А оно мне надо?

Остаток дня мы со святошей планировали наше совместное клининговое предприятие. А чего тянуть-то? Завтра как раз город снегом завалит, самое время помощь предложить.

В общем, решили, что утром пойдем в ратушу к Главе, так здесь мэрия и мэр назывались, и договоримся, что наш рабочий дом в моем лице будет оказывать городу услугу по уборке снега. Проблема это для города давняя, после каждого снегопада крики и скандалы начинаются, кто и где должен снег этот убирать... А тут мы, все такие хорошие, храмовые бомжики. Наведем чистоту и порядок на радость людям.

За день меня так ушатило, что я даже в гроб легла без возражений. Уже было все равно где спать: на кровати, в гробу или, сидя на трехногой табуретке, в кабинете святоши. Ага, был тут и такой. Причем, я полагаю, раньше это была спальня... ну, или келья, так вроде называют в храме спальни для монахов. Об этом явно говорило наличие неизменной приступочки. Только здесь она была покрыта тонкой серой тканью.

Стол занимал большую часть свободного пространства. Не особенно большой, примерно как привычный письменный стол школьника. И по стенам были развешаны полки, заваленные какими-то свитками.

Парочка таких свитков лежали и на столе. Я их даже незаметно ногтем поскребла. Интересно же. Мне показалось, что это кожа... Я, конечно, не знаток истории, но скорее всего, это и есть пергамент. Его же как раз, мне помнится, делали из кожи. А значит, в моем дремучем настоящем нет даже бумаги. Не удивительно, что полипропиленовый пакет приняли за изумительно тонкое и прозрачное стекло. Дикари...

Эх, жаль я не знаю, как делать бумагу. Озолотилась бы.

Утром, распределив желающих поесть бомжиков на работы, пришлось раздать пару затрещин особо недовольным, я схватила за подол рясы святошу, не вовремя начавшего сомневаться в необходимости перемен, и потащила его в ратушу. Снега навалило почти по колено. Я шла и радовалась, представляя, как обрадуется мэр, то есть Глава, порыву нашего трудового энтузиазма.

Хорошо, ратуша была в двух шагах от храма, потому что этот святоша недоделанный, сам не лучше наших бомжиков нищим оказался. У него даже тулупа не было! Ибо «дух и тело лишениями закалять надо» и, вообще, излишества — зло.

Ну, не дурень, а? Разве же тулуп из овчины это излишество? Не зря говорят, в наших широтах шуба

— это не роскошь, а средство выживания. А если простынет? Заболеет и умрет? Где я потом себе такого лояльного святошу найду? Решила взять над ним шефство. Для собственной безопасности.

Глава был, как водится, страшно занят, о чем нам сообщил секретарь. Его здесь называли писарем. Молодой парнишка, лет двадцати не больше. Как и все в этом мире, огромный, плечистый, с ручищами, в которых перо гусиное казалось особенно хрупким. Ему с его габаритами лучше подошло бы перо от страуса.

— Боярин никого не принимает, — знакомо отозвался парнишка, — приходите завтра.

Ах, ты же прелесть какая! Не иначе межмировые курсы повышения квалификации секретарей прошел. Я на стены мельком взглянула... вдруг где в рамочке сертификат висит.

Сама при этом... помнит еще тело, помнит!.. ужом проскользнула между раскинувшим руки писарем и стеной и влетела в кабинет Главы.

— Здрaвы будьте, бояре, — вырвалось само собой, — дело у нас к вам есть на миллион долл... фуртов, — исправилась я.

Глава, как примерный мэр, сидел, склонив голову, и что-то вычитывал в длинном, свисающем со стола свитке. И сначала я увидела только мощные плечи и бритую макушку.

А потом он медленно отодвинул свиток, оттолкнув стол, встал, повел застывшими плечами, крутанул шеей и посмотрел на меня... как на букашку какую... или мышонка, надоедливо скребущего в углу.

— Кто такая? Почто пришла? — тихо, как гроза за горизонтом, пророкотал он.

А я застыла, как малолетка, увидевшая кумира. Мать моя женщина! Это же он... Мужчина моей мечты...

Я еще никогда в жизни не чувствовала себя такой... женственной что ли... Откуда что взялось: ресницы затрепетали, румянец опалил щеки, грудь приподнялась, шея удлинилась, а движения стали плавными и тягучими, будто бы тело наполнилось горячей, сладкой патокой.

И это я думала, что не умею строить глазки мужчинам? Ха! Просто мне еще не попадался тот, кто разбудил бы во мне женщину. Оказывается, это так просто сделать. Один взгляд и все... И Васька вдруг захотела почувствовать себя слабой.

— Кто такая? Почто пришла? — повторил вопрос Он...

Ух, какой голос... я деликатно кашлянула, прочищая горло, и представилась:

— Меня зовут Василиса, — и смущенно улыбнулась, элегантно склонив голову и пряча взгляд за пушистыми ресницами.

Все. Мыслей в голове больше не было. Даже странно. Впервые в жизни со мной такое...

Хорошо, святоша на выручку пришел.

— Светозар, — заглянул он в дверь и, пройдя мимо застывшей меня, уселся на скамью в стороне от стола, — уж больно грозен ты. Напугал мою подопечную...

Светозар... ох, божечки мои, какое имя! Всплыла в голове единственная мысль. И я прикрыла глаза, чтобы слишком сильно не сиять восторгом. Подумать только, Светозар... Это не какой-то там Серега, Андрюха или Виталик... Светоза-ар...

А он хмыкнул, вышел из-за стола и подошел ко мне. Я потупилась, всем телом чувствуя мощь этого мужчины, нависшего надо мной, как скала над морем.

Он снова хмыкнул, а потом одним пальцем приподнял мой подбородок, заставляя взглянуть в глаза. Один выстрел, чтобы увидеть какие прекрасно-синие глаза у Светозара, и я снова спрятала взгляд за частоколом ресниц. Он просто смотрел на меня, а у меня зачесались губы, желая большего. Очень сильно большего.

— Хороша, — пророкотал гром над моей головой.

А потом Он схватил меня за талию и притиснул к себе, вышибая дух. Ноги стали ватными и болтались, как две тонкие ниточки. Если бы Он отпустил меня, то я бы сложилась в кучку у его ног. Но он не отпускал. И я даже через шубу чувствовала какой Он притягательно горячий.

Щеки пылали, губы зудели так, что я невольно прикусила губу, пытаюсь почесать ее зубами. И только, когда увидела, как почернели его глаза, поняла, что именно сделала. И вспыхнула от смущения, как маков цвет, чувствуя как запульсировали от прилива крови мочки ушей...

— Хороша, — повторил он, склоняясь надо мной. Близко-близко. Так что я чувствовала его дыхание на своих губах. — Останься со мной, Василиса. — Сердце радостно подпрыгнуло, и я засияла, готовая согласиться на все. — Я тебе бусы куплю...

Что?! Бусы?!

Весь жар моей любви смыло ледяной волной прагматизма.

Бусы! За мою любовь?!

Да, за кого он меня принимает!

Я резко, изо всех сил, толкнула боярина. Он совсем не ожидал от меня такой прыти, поэтому покачнулся, и взмахнул руками, пытаюсь удержать равновесие.

А я отскочила от него в сторону и зашипела:

— Да, как вы смее! Я честная женщина, и живу, между прочим, при храме, — ткнула я пальцем в святошу, намекая, что вот он может все это подтвердить, — а вы мне предлагаете прелюбодействовать?!

Нет, ну, если бы он мне предложил прелюбодействовать просто так, без всяких там бус, я бы согласилась. Ни секунды бы не раздумывала. Но за бусы?! Нет уж, вскинула я подбородок. Если переходить на товарно-денежные отношения в любви, то я только за половину его состояния соглашусь... то бишь, за замуж.

— Мы к вам, господин боярин, — холодно произнесла я, — пришли совсем по другому поводу.

Идею я свою излагала четко, ясно и немногословно. Привела доводы в пользу чистых улиц, старательно умалчивая о гигиене и ее влиянии на здоровье. А то вдруг промахнусь, как с приемом храмом платежей от населения.

Святоша довольно кивал, а Светозар не отводил от меня глаз. Вернее от моей груди, которая уже почти забыла, что этот боярин практически оскорбил меня своим предложением, и нагло выкладывалась на стол, показывая себя во всей красе.

— Вы же понимаете, — вещала я, пытаюсь совладать с собственной грудью. Не знала, что она у меня такая самостоятельная. — Если при вашем правлении жизнь в городе изменится в лучшую сторону, то вы останетесь жить в памяти людей даже после смерти. Вы войдете в историю, и вашим именем будут называть сыновей.

Под ложечкой радостно екнуло, и перед моим мысленным взором запрыгали три маленьких Светозарчика... две девочки и один мальчик. «Изыди, нечистая сила», — ругнулась я про себя. Но это помогло мало. Потому что папа-Светозар вернулся с работы и начал подкидывать визжащих малышей к потолку. А я смотрела на них с половником в руках и млела от счастья...

Я потрясла головой, сбрасывая наваждение. Да, чтоб его! У меня тут на кону куча денег, а я думаю о том, что бы приготовила бы Светозару на ужин. Интересно, а он борщ любит?.. Проснувшаяся женщина страшно мешала бизнесу. Надо было срочно перетянуть ее на свою сторону.

«Знаешь, дорогая, — обратилась я к ней, — если ты поможешь мне заключить договор на уборку города, я куплю тебе самое красивое платье и бусы, какие захочешь, чтобы Светозар, глядя на тебя, дар речи потерял».

За платье и бусы женщина продалась мне с потрохами. Теперь мы действовали сообща.

— Светоза-ар, — тянула она с придыханием, — только мы можем предложить лучшие условия. Очень мало людей согласятся убирать и вывозить чужую грязь за такие деньги, — говорила я, — тем более большая часть доходов пойдет храму, а это очень богоугодное дело, и думаю святоша упомянет вас в своих молитвах, — она кокетливо повела плечом, заставляя главу забыть о чем я говорила, — вы же согласны?

Тот пытался вспомнить о чем шла речь, но не тут-то было. Легкий поворот головы, так, чтобы шея выглядела особенно изящно, и умоляющий взгляд умирающей лани...

— Вы же согласны, Светоза-ар? — капельку отчаяния в голос, и глава согласно машет головой, не понимая, на что именно он соглашается. — Давайте подпишем договор прямо сейчас, — предлагаю я, а она смотрит на главу так, что он судорожно дергает кадыком и теребит ворот рубахи...

Отказать нам он, конечно же, не смог, не для этого мы тут вдвоем старались.

Договор мы составляли долго. Досконально обсудили перечень работ, сроки и цены. Глава, когда я перестала давить на него своим женским обаянием, начал думать головой и оказался весьма умным мужчиной. И это мне понравилось, пожалуй, не меньше, чем внешность.

Святоша тоже не сидел сиднем, а живо включился в беседу, хотя я и не надеялась, что он будет мне помогать.

Бедный писарь переписывал договор раз двадцать, стирая чернила из сажи влажной тряпкой. Я начала переживать, что изменить текст удастся слишком легко, но святоша успокоил меня, шепнув, что чистовой вариант договора будет написан другими чернилами, которые так просто с пергамента не выведешь.

Первыми подписывали договор Светозар от имени города и святоша от имени храма. Потом писарь протянул перо мне и произнес с усмешкой:

— Поставь крестик вот здесь, — ткнул он пальцем напротив моего имени.

Я хмыкнула, выхватила перо из рук писаря, пробежала взглядом по договору, проверяя, чтобы все было правильно, и мгновенно нарисовала свою витиеватую подпись рядом с заковыристыми виньетками моих партнеров. Все. Теперь десять процентов — мои. И завтра я пойду за новым платьем и бусами...

— Хм, — хмыкнул Светозар, заглянув в свиток, — грамотная?

А я только загадочно улыбнулась и опустила глаза. Ну, не говорить же, что я сама удивилась не меньше. Буквы-то на свитке совсем другие, не русские... хотя и очень похожи.

8

После мэрии мы вернулись в храм за тулупом для святоши. Лавка ночного хмыря слишком далеко от центра, чтобы идти туда в тонкой, пусть и шерстяной рясе.

Святоша, конечно ворчал, что он привычный и не замерзнет, но все равно шел за мной.

Ага. Привычный. А то я не вижу, что ему холодно?

В храме я повела его прямо на кухню. Там у Белава и отвар горячий есть, и мед, и тулуп. Не знаю чей, но я видела. Висел. Большой. Святоше должен подойти.

За эти пару дней дежурные бомжики, которых назначала бабка Паша, привели кухню в более-менее приличный вид. До идеальной чистоты, конечно, далеко, но хотя бы есть храмовую кашу можно было не брезгуя.

— Белава, — закричала я, впихивая замерзшего святошу в кухню, — завари калины святоше, а то он без тулупа ходит. Так что пока возьмем тот, что у тебя в подсобке висит...

— Васька, — Белава оторвалась от квашни с тестом, — у тебя сегодня помощнички ленивые. Все утро вдесятером одну кладовую отмывают, — нажаловалась она, — Лелька, сделай святоше калину с медом. Мед возьми липовый, белый, он на верхней полке стоит. И смотри сама не жри, а то космы-то выдеру! — проорала она зычным голосом, и кухарчата засуетились...

— Сидите здесь, — кивнула я растерявшемуся святоше. Да, это вам не экзальтированные дамочки, что на Большой Уд в храм приволоклись, на святошу поглазеть, а то и потрогать, как леди Элеонора. Такие бабы, как Белава сами какого хочешь демона в бараний рог скрутят и в кирку запихнут.

Оставила я святошу лечиться от возможной простуды, а сама пошла порядок наводить, бомжиков к труду приучать. Чую, лоботрясы эти весь день пробездельничали, поэтому и не отмыли ничего.

Так и было. Когда я заглянула в кладовую, довольные, счастливые бомжики мирно дрыхли, забыв про уборку. Неужели думали, что я это просто так оставляю? Тем более, когда это мои будущие работники. Да, если я их кухню не смогу заставить отмывать, то бочки мусорные чистить точно никто не полезет...

Хорошо, что я кочергу с собой захватила, как знала, что пригодится. Аж вспотела вся, пока объясняла, как труд из обезьяны человека сделал. Даже кочерга погнулась... Когда я уходила перепуганные и послушные сотрудники средневекового клининга дружно возили тряпками по полу...

На кухне меня ждала белая, как простыня, Белава и сверкающий глазами от недовольства святоша.

— Эй, — спросила я недоуменно, ставя согнутую дугой кочергу, — вы чего так смотрите на меня?! Что случилось?

— Такое отношение к людям неприемлемо! — святоша зашипел на меня, а с грохотом поставил кружку на стол и вскочил, — я не желаю иметь с вами никаких дел! Все наши соглашения отменяются! И вам лучше уйти из рабочего дома. Завтра же! — выпалил он и сбежал.

— Белава, — я просто обалдела от ситуации, — чего это он?

— Ох, Васька, — всхлипнула кухарка, — не надо же было бить бомжиков... люди же все же... не по-божески это... Ну, покричала бы, оплеухи раздала... Но кочергой...

— Э-э-э. — протянула я. Покосилась на кочергу и расхохоталась. — Белава, как ты могла про меня такое подумать-то? Я всего лишь расколотила старую бочку. Но это было впечатляюще... Вот все и прониклись. Теперь работают.

— Бочку? — Я кивнула. Ну, я, правда, предупредила, что в следующий раз вместо бочки их спины будут, но это всем знать не обязательно. — Тогда тебе стоит рассказать об этом святоше, — вздохнула Белава, — он-то подумал точно так же, как я. Как мы все...

Вот же черт!

Схватила тулуп и побежала в храм. У меня завтра по плану банный день. А до этого нужно еще одежду постирать и высушить. Мало ли с кого их хмырь ночной снял. И как не вовремя это недоразумение случилось.

— Святоша, можно? — постучала я об косяк у входа в часовню. Мне мальчишки-послушники уже рассказали, что именно туда святоша отправился грехи мои замаливать. — Вы все не так поняли...

— Дитя мое, — святоша выслушал объяснения и произнес с печалью в голосе, — тебе все равно стоит подумать о замужестве. Ты вносишь слишком много суматохи в жизнь храма. И в монастырь я тебя отправить не могу, ты не годишься для служения Богу. Ты слишком неугомонная... только замуж...

Эх, святоша-святоша... да я бы прямо сейчас... впервые в жизни замуж хочу. Только бы позвал меня туда Светозар.

До лавки ночного хмыря, притворявшегося купцом, мы добрались без приключений. Если не считать, что я пару раз теряла в сугробах свои угги. И приходилось нырять в сугроб, чтобы их достать.

Святоша молча ждал, одетый в тулуп. И если сначала выглядел при этом недовольным, то потом тепло и уют овчины ему начали нравиться. И он непроизвольно начал кутаться в нее, пряча лицо в воротник, а руки в рукава. То-то же! А то «не надо, мне не холодно»... угу, наша русская зима... тут я даже остановилась. Интересно, а какая здесь зима-то? И опять ничего не спросишь! Вот же, черт! Купчиха и не знает в каком царстве-государстве живет? Нет, уж... как-нибудь сама разберусь. Или книгу, то есть свиток какой попрошу прочитать. У святоши-то из вон сколько в кабинете. Уж точно должно быть что-то по географии.

Хмырь, увидев меня, одновременно нахмурился и заулыбался:

— Сударыня, вы же ж с утра обещались прийти, — недовольно высказал он, но при этом шустро принялся выносить тюки с одеждой, радуясь, что я не обманула. Для него эта покупка была очень крупной.

— Я же сказала, что приду, — я принялась развязывать узлы, чтобы все пересчитать.

— Ты мне не доверяешь? — вскинулся ночной хмырь.

— Я даже самой себе не доверяю, — ответила я, — а уж кому-то другому тем более...

— Людям надо верить, дитя мое, — встрял святоша, — почтенный купец не станет нас обманывать, это не по-божески...

— Свят...святоша? — ахнул детина... И побледнел, отступая на шаг назад, во тьму лавки...

— Да, дитя мое, — ответил ему святоша, — это я... господь Бог благодарен тебе за помощь храму и божьим людям...

Ночной хмырь сдавленно пискнул, побледнел еще больше и рухнул на колени протягивая руки к святоше.

Каяться будет, мгновенно поняла я. И тогда не видать мне бани, как своих ушей. А за баню я уже сама убить готова.

— Святоша, — рухнула на колени рядом с хмырем, — помолимся за людей божьих, которые чистоту тело и свет души познают от доброты этого купца славного!

Святоша удовлетворенно кивнул, опустил на колени, сбросив тулуп, и забормотал молитву.

А я со всей дури пырнула ночного хмыря локтем в бок и зашипела тихо, так чтобы святоша не услышал:

— Вздумаешь каяться, я тебя сама лично сегодня же ночью придушу. Понял?!

— Ночью? Но...

— Ради такого дела, я и инкубу отдамся! А потом мы вместе с ним к тебе и наведаемся...

Ночной хмырь схватился за сердце и часто закивал. Ну, надо же, какой впечатлительный грабитель и убийца. Кто бы мог подумать.

Одежды было столько, что пришлось нанимать лошадь с повозкой. Хмырь так старался нам угодить, что самолично пробежал по соседям и привел телегу к своей лавке. Пока мы его ждали, святоша выговаривал мне:

— Видишь, дитя мое, люди вокруг нас добрые, милосердные и благочестивые. Если ты к человеку с добром идешь, он тебе всегда добром и оплатит. Не нужно бомжиков кочергой пугать, нужно словом божьим их души к просветлению вести.

— Да, святоша, — кивала я, зевая от скуки, — конечно, ты прав.

Ну, а что ему еще сказать-то? Что он заблуждается? Что этот добрый человек, ради моего заказа пару человек темной ночью порешил? А оно мне надо?

Не, ну, я его, конечно, осуждаю и все такое... но кто среди нас не без греха? Разве только святоша этот ненормальный. И откуда он только взялся?

Стирка тридцати комплектов одежды в условиях средневековой зимы тот еще квест. Надо принести воду, согреть ее в больших чанах, добавить туда отстоявший щелок, который приготовили накануне, замочив золу из печи в воде, постирать, вычерпать воду из котла, ведь он вмурован в печь, принести свежей воды, прополоскать, вычерпать, набрать, прополоскать...

Теперь я понимаю, почему раньше полоскать белье ходили на речку. Пусть вода холодная, пусть пальцы мерзнут, но все равно это гораздо проще, чем вот так канителиться. Но здесь, в городе, реки поблизости не было. Приходилось таскать воду туда-сюда на своем горбу.

И решила я, а чего добру пропадать? Без дела и пользы. Пока бабы под руководством Белава, она не захотела доверять столь ответственное дело прачке, с которой у нее были терки из-за плохо отстиранных фартуков, и бабки Паши занимались стиркой, я припрягла мужиков для другой работы.

Мы сгребли снег со всей площади у храма и с прилегающих улиц и сделали высокую в два человеческих роста и довольно широкую горку, самая высокая часть которой примыкала к храмовой стене.

А еще отгородили снежными бортиками небольшой каток прямо на площади. Такое веселье местным было знакомо, но катки чаще всего устраивали на реках и озерах, а горки по их берегам. Для городских улиц это было очень непривычное сооружение.

Сначала мужики работали лениво и мне приходилось на них покрикивать, но когда поняли, что именно делают, замахали лопатами гораздо шустрее. А потом носили воду из прачечной, заливая и горку, и каток.

Святоша, конечно же, выскочил из храма, чтобы проверить, чем это мы тут занимаемся.

— Дитя мое, — обратился он ко мне, — но к чему это делать сейчас? Если ты хотела подготовиться к праздничным гуляньям, то до них еще слишком долго.

— Святоша, — рассмеялась я, — а разве кататься с горки можно только в праздник? Мой отец, — соврала я. Это была мама, но мнение женщины в этом мире не котируется, — говорил, если сделал дело хорошо, то можно и порадовать себя весельем. А вот если плохо, то лучше побыть дома и подумать, как все исправить. Но мы-то сегодня все молодцы! А еще здесь может играть городская детвора. Если мы поставим скамейки вокруг и будем продавать... А потом я пожертвую храму так

же как деньги за уборку города! — Скороговоркой пояснила я, увидев мелькнувшее в глазах святоши недовольство, — будем продавать горячие отвары и пирожки, то сюда каждый вечер будут приходить и взрослые. А вы сможете рассказывать им о Боге...

— Хм, — почесал голову святоша, — интересно...

— И полезно, — кивнула я.

— Хорошо, — согласился святоша, — пусть будет Ох, дитя мое, откуда же в твоей голове берутся такие странные задумки?

— Отец мой, купец славный, по разным странам ездил, многое повидал и обо всем мне и рассказывал. Еще он говорил о народах, где женщин в кирку не прячут, — завела я свою шарманку, пытаюсь под шумок получить возможность избавиться от ненавистного ящика, — и инкубы к ним не приходят...

— Разные народы есть под солнцем, — вздохнул святоша, — есть праведные, которые Господа Бога почитают, а есть неверные, что демонам души детей своих сразу при рождении продают. Вот их и не трогают... Но я не позволю тебе, дитя мое, душу потерять в объятиях инкуба.

Я вздохнула... можно, конечно, упереться и настоять на своем, да только я же не дура. Сколько я проживу, если меня обвинят в связи с демонами? Да нисколько. Уже слышала я истории, как сжигали нечестивых... Это наш святоша верой силен, и способен из любой женщины демона выгнать, за что и уважения и почитания в городе добился. А до него, да и сейчас в других городах, горели на кострах несчастные, без вины виноватые демоновы любовницы.

Весь следующий день прошел под знаком гигиены. Помыть и переодеть бомжиков в чистое было только пол дела. А вот заставить их расстаться со своими грязными тряпками и вшивыми волосами, оказалось сложнее. И если мужики больше тряслись за тряпки, то женщины за волосы.

И с самого утра за мной таскалась толпа воющих и жалующихся на несправедливую жизнь бомжиков. Нет, сначала они попробовали жаловаться на меня, но стоило мне сверкнуть глазами, сразу замолкли.

Сначала я честно объясняла, что это для их же блага. Тряпки их не имеют никакой ценности, а одежда будет выдана им чистая и целая. А волосы, вообще, отрастут. Сейчас все равно зима, все в шапках, а к весне у них будут милые короткие прически. Зато избавятся от вшей.

Потом уже рычала и раздавала тумаки всем, кто подвернется под руку. Но хвост не уменьшался. Бабка Пашка поставленная на ножницы, остригла всего несколько человек, остальные нагло увиливали от процедуры.

— Василиса! — Из храма выскочил святоша и, путаясь в полах рясы, побежал ко мне, — дитя мое, так больше не может продолжаться!

— Что опять?! — зарычала я... ну, да, меня с утра довели до такого состояния, что мне уже и костер за счастье кажется.

— Дитя, мое, — святоша выглядел непривычно взъерошенным и нервным, — твоя затея не нравится божьим людям. И они одолевают меня просьбами позволить им оставить себе их одежду и волосы...

— Одежду говорите?! — взъерилась я, — где вы видите здесь одежду? — Махнула рукой в сторону притихших бомжиков, — это, святоша, не одежда, а грязное, вонючее тряпье, которые мы просто сожжем в печи, потому что оно не пригодно даже для мытья пола!

Святоша со вздохом посмотрел на оборванцев...

— А ведь мы, святоша, голыми этих дармоедов не оставим! Мы оденем их в нормальную, приличную одежду. Вы же сами вчера видели какая она. Не новая, но целая и аккуратная!

— Хорошо, дитя мое, — со стоном обреченности согласился святоша, — тряпье жги... но волосы?!

Бомжики, ахнув и отступив на шаг назад, когда святоша озвучил свое решение по их тряпкам, снова шагнули вперед. И застыли, умоляюще глядя на священника.

— А в волосах вши! — рявкнула я. — Вши это болезни, антисанитария и, вообще, отвратительно. И другого способа от них избавиться нет!

— Может быть травы? — жалобно спросила какая-то бомжиха, — я знаю травы. Нужно втирать в кожу головы отвар из полыни, мяты или черемичы...



— Травы?! — крышка моего внутреннего чайника уж дребезжала. Еще немного и я взорвусь окончательно, — хорошо! Иди! — Кивнула я на сугробы, — собери!

— Подождем до лета и всего лишь, — обрадовалась бомжиха.

А я выразительно посмотрела на святошу. Он кашлянул, и принял мою сторону.

— До лета слишком долго, дети мои. А от вшей избавиться нужно сейчас. Василиса права, вы будете представлять наш храм и рабочий дом в городе, негоже выглядеть, как грязные оборванцы.

Святоша говорил и говорил, объясняя бомжикам, почему они должны сделать так, как хотим мы. Он приводил высказывания каких-то святых, священных писаний, святого отца... и я видела, как разглаживаются морщины недовольства на лицах бродяг, как глаза загораются энтузиазмом, и вот они уже с готовностью выстроились в очередь к бабке Паше...

— Святоша, вы волшебник, — выдохнула я.

— Нет, дитя мое, — улыбнулся он, — я священник, и моими устами говорит сам Господь Бог...

Дальше дело пошло, как по маслу. И вечером в чистые кирки в которых мы в очередной раз заменили солому, я легла, впервые за много дней чувствуя себя чистой. Правда, мне самой тоже пришлось переодеться в убогие одежды, но ничего, завтра постираю все свое, а потом переоденусь... День можно и потерпеть в этих грубых и колючих тряпках, от которых зудит все тело. Я все равно никуда не собираюсь выходить из рабочего дома.

Если бы я знала, что ждет меня с самого утра, легла бы спать в мокрой, грязной, но в своей одежде.

Сначала все шло хорошо. Просто прекрасно. Бомжики, впервые за много лет почувствовав себя людьми, без возражения взялись за лопаты, которые с раннего утра приволок нам купец-хмырь, и отправились на уборку улиц.

Я уже настроилась было раздавать тумаки и оплеухи, но вчерашняя проповедь святоши разожгла в них огонь перемен. И они сами захотели изменить свою жизнь. Может быть не такой уж святоша и дурак? Просто непрактичный? И если соединить его веру в людей и Господа Бога и мою практичность, мы сможем сделать гораздо больше, чем по отдельности? Это была интересная мысль.

Пока стирала свои вещи, я ее хорошенько обдумала. И поняла нам надо и дальше держаться вместе. Когда я развесила чистую одежду и спустилась вниз, увидела святошу.

— Дитя мое, я всю ночь молился, и мне пришло понимание, что ты права. Если бомжиков не подтолкнуть, приложив небольшую силу, они не смогут измениться. И я надеюсь, что выйдя замуж, ты продолжишь помогать храму в этом богоугодном деле.

— Святоша, — рассмеялась я, радуясь, что он первым заговорил об этом, — даже не сомневайтесь. Так и будет.

— Вот и хорошо, — ответил на улыбку святоша, — оставь ушат и идем со мной.

Он так настойчиво потянул меня за собой, что мне ничего не оставалось, как послушаться.

И вот вхожу я в келью-кабинет святоши, вся такая красивая, с красными после стирки руками, растрепанная, в ужасных, старых, крестьянских одеждах, а там меня встречает сияющий от счастья Светозар.

Женщина во мне сдавленно пискнула и свалилась в глубокий обморок. Я попыталась сбежать, но позади меня, перегораживая вход, стоял святоша. И он, конечно, же никуда меня не выпустил.

— Василиса! — протянул ко мне руки Светозар, — душа моя!

«Твою же мать! — Захотелось заорать мне. — Ну почему?! Почему он пришел именно сегодня, когда я выгляжу, как чучело?!»

— Дитя мое, — святоша с неожиданной силой впихнул меня в келью, прямо в руки Светозара, который тут же сграбастал меня в свои объятия, — еще ночью я пришел к выводу, что нужно срочно выдать тебя замуж, пока храм не превратился в купеческую лавку. Я вчера слышал, как Белавя рассуждает о ценах на пирожки и на муку. А ведь она всегда была такой набожной, богобоязненной женщиной. Поэтому сегодня рано утром я наведалься к Светозару.

— Василиса, душа моя, — он прижал меня к себе еще сильнее. И было это так волнительно, что у

меня закружилась голова и снова, как в прошлый раз подкосились ноги. Только в этот раз это была я... я сама... потому что женщина во мне все еще валялась в обмороке. — Выходи за меня?

Мать моя женщина! Я вспыхнула так, что от моих щек можно было зажечь свечу... Какой мужчина! Я и так восхищалась Светозаром, но сейчас, когда он увидел меня в этих ужасных тряпках и все равно сделал мне предложение... ох, божечки мои!

— Д-да, — прошептала я пряча глаза за ресницами, — конечно, да...

— Вот и славно, — засиял Светозар и отстранился, — сейчас Марьюшка, переоденет тебя, научит, как себя вести и что говорить...

Он подтолкнул меня к выходу, напутствовав смачным шлепком по попе. У входа стояла высокая, умопомрачительно красивая женщина, в наряде царицы, не меньше. Я и так выглядела как оборванка, а уж рядом с ней и вовсе потерялась.

— Да будет так, муж мой, — проворковала красавица нежным голосом, низко кланяясь Светозару, отчего кончик ее толстой, золотистой косы чиркнул по полу, — пойдем со мной, невестушка...

Она схватила меня за руку и потащила из кабинета святоши.

Но не тут-то было.

— Муж?! — уперлась я пятками, надеясь, что не расслышала...

— Да, Василисушка, — улынулась мило Марьюшка, отправив влюбленный взгляд Светозару за мою спину, — мы теперь все, как сестры тебе родные будем, — она изо всех сил сжала мою руку, и резко рванула в сторону выхода, продолжая мило улыбаться нашему будущему мужу.

— Все?! — снова переспросила я, чувствуя себя, как в дурном сне. Если бы рука уже не онемела от стальной хватки красавицы, я бы подумала, что сплю.

— Василиса, — загудел Светозар, — не тани, душа моя, не терпится мне уже на ложе брачное взять тебя...

При этих словах Марьюшка снова засияла, как солнышко, но в ее улыбке мне почудился звериный оскал. И запястье она сжала так, что ее ногти впились мне в кожу до крови. Но зато это помогло сбросить дурман непонимания.

— Погоди-ка, — я резко одернула руку, и ногти Марьюшки оставили красные полосы на коже, — Светозар, ты что, уже женат?!

— Да, душа моя, — рассмеялся Светозар, — четырежды. Но ты будешь пятой женой, самой любимой...

Твою же мать! Я выругалась вслух, не смогла сдержаться. Перед глазами потемнело от ярости..

— Пятой? — переспросила я снова, мелкими шажками приближаясь к Светозару, — пятой?!

— Да, душа моя, — сиял он, все еще не понимая, что ему лучше бежать.

— Пятой женой?! — истерично взвизгнула я, чувствуя, что вот-вот взорвусь.

— Дитя мое, — встрял святоша, — для купчихи, оставшейся без семьи и приюта, выйти замуж за такого боярина, как Светозар, великая удача. Ты же и не девица уже, вдова... И приданное твое для боярина маловато. Возблагодари господу за то, что послал тебе такого мужа... Отплати Светозару послушанием и покорностью за доброту его. Почитай мужа и старших жен...

Святоша читал мне наставления, а сам потихоньку выпихивал из кабинета. Да только не на ту напал.

— Свадьбы не будет! — рявкнула я что есть мочи, выплескивая всю ярость.

Если бы в окнах были стекла, а не рыбий пузырь, то стекла бы задребезжали бы от моего крика, а так только уши заложило. Даже у меня. Святоша выпустил меня из своих рук.

А меня мгновенно полегчало, пар вырвался из-под крышки, и теперь я могла мыслить ясно. И тут же осознала, отказать Светозару на том основании, что я не хочу быть пятой женой, значит оскорбить боярина. Он-то по нынешним временам благородно поступает, беря в жены нищую, бездомную купчиху. Надо быть хитрее.

— Прости меня, Светозар, — скопировала я поклон Марьюшки. Хотя, конечно, получилось у меня не

так элегантно и непринужденно, — не могу я в семью пятой женой войти. Богу отец мой зарок дал, что буду я у мужа единственной. И с меня клятву он взял, что не нарушу я слово его Господу данное. Люб ты мне, Светозар, и лучшего мужа не пожелала бы я, но не могу грех такой на душу взять. А когда соглашалась, не ведала, что нашел ты уже свое счастье семейное.

Все как замерли от моего крика, так и стояли недвижимыми. Первым святоша в себя пришел. Погрустнел... представил, наверное, что во век теперь от меня не избавится.

Следом отмер сам Светозар.

— Жаль мне, душа моя, — прогудел он вроде бы расстроено, хотя особой печали в его глазах я не увидела, — что слово отца твоего между нами встало. Но принимаю отказ твой без обиды. Сам отцу на смертном одре слово дал, что жен себе буду выбирать по сердцу, не глядя из какой семья дева вышла. И держу его. Моя Марьюшка, — шагнул он к жене, — крестьянкой была, пока сердце мое не затронула.

Марьюшка, когда поняла, что угроза лишиться статуса любимой жены миновала, успокоилась и заулыбалась мне приветливо.

Мы еще битый час обменивались любезностями и в конце-концов расстались тихо и мирно. А Марьюшка даже пообещала помочь нашему работному дому, чем сможет. Нормальная оказалась девчонка. Мы потом даже подружились.

9

Шли дни. Обстановка в работном доме совсем изменилась. Бомжики привыкли к чистоте в спальнях, к дежурствам и регулярным уборкам. Уже не нужно было силком тащить их в баню, банный день стал самым любимым, потому что был еще и выходным.

Мы сколотили во дворе столы и скамейки, закрыв их навесом, и теперь неспешно трапезничали, по утрам обсуждая объем предстоящих работ, а вечером подводя итоги.

Не обошлось, конечно, без проблем. Несколько раз бомжики пропивали выданную им одежду, возвращаясь в работный дом в ужасном тряпье, подобранном неизвестно где. Нам пришлось закупить небольшой запас на такой случай и выдавать новую одежду. Хотя я, конечно, была против.

Случалось у нас и драки, и скандалы, и горожане приходили жаловаться на вороватых дворников. Несколько человек не выдержали новшеств и уехали с оказией в соседний город, где работный дом при храме все еще жил по старым порядкам. Вместо них пришли новенькие. Но вели они себя уже гораздо спокойнее, принимая наши правила.

А мы со святошей оба понимали, наш успех — это наше общее достижение. По отдельности у нас не получилось бы ничего, потому что я была кнутом, а святоша — пряником.

Я даже научила его игре в доброго и злого купца. И мы очень быстро доводили до искреннего раскаяния самых упертых мужиков и самых упрямых баб.

В остальном дела тоже шли неплохо. Город с нашей помощью преобразился. Теперь, въезжая в город, никто не рыгал у ворот от невыносимой вони.

Бомжики убирали и чистили улицы каждый день, расставили бочки для мусора, и горожане, не без помощи главы, быстро привыкли выбрасывать отходы и выливать горшки не в окно, а в бочки. Глава просто ввел огромные штрафы за такое правонарушение, и хорошенько пополнил казну города.

Мы все втроем: я, святоша и Светозар, решили, что пока не стоит вводить плату за уборку, пусть горожане привыкнут к чистоте. Наоборот, горожане, которые добросовестно относились к помощи, раз в месяц получали от нас подарок — пирог из храмовой кухни.

Снежный городок с горкой и катком очень быстро стал излюбленным местом для прогулки у всех горожан. Мы прямо у ворот храма установили огромные котлы, в которых был всегда горячий взвар. К пирогам мы давали его бесплатно.

Белавины пироги шли на ура. Покупали их не только, чтобы перекусить и согреться на морозе, но и на вынос. Через пару недель работный дом уже вышел на самоокупаемость по кухне, а недавно мы смогли позволить себе не только завтрак и ужин, но и обед.

Мои личное финансовое состояние тоже стало лучше. Пакеты, которые с моей нелегкой руки стали называть трусиками, мгновенно стали популярными среди знати. Я продала еще пять госпоже Летиции, она снабдила ими самые богатые семьи Летинска, в том числе и семью Главы.

Марьюшка, рассказывала мне о трусиках, захлебываясь от восторга, хотя ей довелось всего лишь

прикоснуться к столь дорогому аксессуару, который захватила себе первая жена Светозара.

Когда я узнала, сколько заплатил Светозар за пакет, немного расстроилась. Но с другой стороны Летиция установила такую высокую цену за мой товар, что теперь я смело буду просить у заезжих купцов не меньше пятнадцати фуртов. А здесь в городе трусики больше уже никому не нужны.

Фурты, полученные за трусики, я припрятала. Потратила совсем немного, купила себе красивое платье, бусы, как обещала проснувшейся во мне женщине, и еще повседневный наряд зажиточной горожанки. Решила что трепать вещи из будущего лишней раз не стоит. Когда-нибудь они мне пригодятся.

В общем-то жизнь наладилась. Я была всем довольна... почти...

Во-первых, меня очень тяготила необходимость проводить ночи запертой в деревянном ящике.

И, во-вторых, я так и не придумала, как привить местным любовь к трусам... то есть слипам. Я даже поделилась своим сокровищем с Белавой и Марьюшкой, но обе женщины так и не поняли прелесть такого белья, сколько я их не убеждала. Только ныли что натирает им, и горшком пользоваться неудобно.

А на днях Марьюшка притащилась ко мне с брошью, цветы на которой были сделаны из кружев, срезанный с трусов. И это меня убило окончательно, впервые в жизни вогнало в депрессию.

— Дитя мое, что с тобой происходит? Почему ты такая печальная в последние дни? — Мы обсуждали сегодняшнюю встречу с главой у святоши в келье. Той самой, которую я ошибочно приняла за кабинет. Под моим тлетворным влиянием, обстановка здесь изменилась. Теперь святоша спал на нормальной постели, на полу поверх соломы появились коврики, которые наши девочки-бомжики наvertsели из стиранных тряпок, бывших когда-то их одеждой. И от этого в келье стало намного уютнее и теплее.

— Ничего, святоша, — растянула я губы в подобии улыбки, — все хорошо...

— Все о Светозаре думаешь, дитя мое? Жалеешь, что не вышло у вас счастья семейного?

Я только головой помотала. О Светозаре я не думала с того самого момента, как оказалось, что у него четыре жены. Как отрезало. И даже красота его и обаяние на меня перестали действовать.

А вот мое на него еще влияло. И я беззастенчиво им пользовалась для достижения своих целей. А что? Легкий флирт укрепляет деловые отношения. Жаль, что женщина во мне проснулась только в этом мире. Я бы и там, дома, не постеснялась бы нужному человеку улыбнуться обольстительно. Только не умела.

— Василиса, — святоша вышел из-за стола и присел на край постели, стул-то для посетителей в кабинете был один, — я же вижу, что терзает демон душу твою. Надо тебе Малый Уд пройти, демонов из души изгнать.

— Да, как же они попали-то в меня? — усмехнулась я, — если вы сами меня каждую ночь в ящик запираете..

— Демоны, дитя мое, и днем вокруг людей рыщут. Только меньше их, и слабые они. Но в тело женское все равно проникают, и душу терзают на клочки раздирая.

— Святоша, — мне стало любопытно, — а почему мужчин эти демоны не терзают? Не поверю, что у вас никогда душа не болит. Но в кирку вы спать не лезете.

— Дитя мое, — рассмеялся святоша, — да как же они в тело мужское проникнуть-то могут? Нет у мужского тела входа...

— Не поняла, — прищурилась я, предположив о каком входе идет речь, но мне надо было уточнить, — как это у мужчин входа нет? А рот? И задница?

— Дитя мое! — возмутился моей распушенностью порозовевший от смущения святоша, но объяснил, — рот и... кхм... выход — предназначены для материальной пищи. Если демон в рот влетит, то... кхм... оттуда просто вылетит, и никак не сможет на душу повлиять. А вот тот вход, что есть только у женщин, связывает наш материальный мир с духовным миром. Дети ведь, дочь моя, дар божий.

— Да? — я фыркнула, — а я думала дети от мужского семени и яйцекл... ну, яйца женского зарождаются.

— Нет, дитя мое, — рассмеялся святоша, — откуда же у женщины яйцо? Она же не курица. Яйцо для семени мужского Господь в женское лоно посылает. Или инкуб... и ежели от божественного яйца дети человеческие рождаются, то от демонова — человекоподобные чудовища. А пока яйцо инкуба в теле женщины находится, места она себе не находит. Кричит и воет от страданий телесных и душевных. Ты это и сама помнишь... Вот от этого мы вас и бережем, в кирках запирая.

— Святоша, — прошептала я, боясь спугнуть тень идеи, мелькнувшей в моей голове, — а если мы не всю женщину в кирку запрем, а только лоно запечатаем?

— Но как же мы это сделаем без вреда для самой женщины? Вряд ли такое возможно, — попытался замять дело святоша. Как будто бы можно остановить танк Василиса-24, если она увидела впереди шанс избавиться от кирки.

Слипы произвели на святошу неизгладимое впечатление. Он растягивал их в руках, убеждаясь, что способны они прилегать к телу очень плотно. Я даже задрала юбку и показала, как это выглядит в деле. А чего стесняться-то? У святоши пару раз в неделю Большой Уд с леди Элеонорой. Да и другие женщины на его приступочку попадают. И я там уже была, и все видела. Да, я, пожалуй, еще ни одного мужчину так хорошо не рассмотрела, как святошу. А уж он-то на всяких женщин наглядился.

— Интересная штука, дитя мое, эти твои слипы, — святоша отдал мне трусы, за которыми я сбегала в кладовочку, и теперь задумчиво тер подбородок, — отец твой говоришь перед самой смертью привез? Любопытно... ежели нужные символы вот сюда нанести, — ткнул он пальцем в перемычку-ластовицу, — то может и сработать...

— Святоша, а давайте попробуем?

— Да, кто же рискнет душой своей, дитя мое, — огорченно покачал головой святоша.

— Я рискну, — я старалась не завизжать от радости. Еще бы! Это ведь мой шанс решить сразу две главные проблемы.

— Это опасно, дитя мое...

— Святоша, — воскликнула я, прижав руки к груди, — я должна это сделать! Ради памяти своего отца! Он же не зря отдал слипы мне! Он верил, что я смогу помочь женщинам избавиться от кирки! И потом, — я обольщала святошу не хуже змея искусителя, — вы же будете рядом... сможете помочь мне, если вдруг что-то пойдет не так... проведете Большой Уд... Я готова еще раз пройти через этот ритуал. Ради всех женщин! И мужчин...

— Мужчин? — переспросил он, — а при чем тут мужчины?

— При том, святоша, что спать вдвоем с любимой женой на брачном ложе гораздо приятнее, чем одному...

— Василиса! — сверкнул глазами святоша...

После долгих уговоров, испытания была назначены на сегодняшнюю ночь. И я страшно волновалась. Нет, конечно же я не переживала о своей безопасности ночью. Больше всего я переживала по поводу того, как увидит результат святоша. Я ему, конечно, доверяла больше, чем другим, но ведь в нашу первую встречу он увидел во мне демоново яйцо, хотя там его, очевидно, не было.

Вечером, когда все улеглись в кирки, я тоже залезла в гроб. Мы со святошей договорились, чтобы не шокировать женщин, я лягу спать в ящик, но святоша оставит его открытым. Весь день святоша пытался уговорить меня не рисковать, а я с трудом сдерживала смех радости и, делая скорбное лицо, отвечала, что должна это сделать ради отца.

— Дитя мое, в последний раз тебя спрашиваю, может передумаешь? — святоша, заперев всех женщин в гробы, подошел ко мне. Он явно нервничал. Надо же... вот дурень. Неужели настолько истово верит во весь этот бред с демонами?

Так что я отрицательно мотнула головой и придержала крышку рукой, не давая ее закрыть. Несчастный святоша повздыхал-повздыхал и вышел из спальни, оставляя меня спать на свободе. Впервые за последние пару месяцев.

Заснула я мгновенно, уверенная, что никакие демоны мне точно не помешают. Но внезапно, прямо среди ночи я почувствовала, что чья-то рука ползет по моей ноге вверх. Долго я не думала, резко встала и схватила слишком нагло лапающую меня конечность. И сжала изо всей силы, чтобы нарушитель не сбежал. Демон он или нет, но от меня эта тварь не уйдет.

В тишине рабочего дома раздался дикий, нечеловеческий крик...

10

Если демон думал, что я испугаюсь и отпущу, то он сильно просчитался. Нет, я испугалась, конечно. Что же я не человек что ли. Но страх, что этот проклятый инкуб избежит возмездия за свои измывательства над женщинами, был гораздо больше. И я схватила его второй рукой, чтобы точно удержать.

Запястье у инкуба оказалось мощное, еле-еле двумя руками обхватила. И хотела я уже на помощь звать, как дверь в спальню распахнулась и в комнату с гробами влетел святоша.

Мать моя женщина! От ужаса я забыла как дышать. Еще бы... демон-то не страшный, родной почти. Стоит себе тихонечко, возле кирки, руку выдернуть пытается и никого уже не трогает.

А у святоши ряса темно-синяя в темноте с обстановкой сливается, вместо лица большое белое пятно с черными провалами глаз, и руки, которые вокруг пятна мотыляются в разные стороны. Причем так быстро, что кажется будто крест с кровавыми каплями рубинов, в которых отражается неизвестно как попавший в спальню луч света, сам по себе в воздухе летает. И громкий шепот с подвыванием... потусторонний такой...

— Изы-ы-ди... Изы-ы-ди... Изы-ы-ди...

Тут не то что демон, тут я сама чуть не изошла...

— Мать... мать... мать... — выругался шепотом демон, выдергивая меня из кирки вместе со своей рукой и подхватывая, чтобы я не упала, — святоша... тише ты... тише... это же я...

Оп-пачки! А я инкуба-то знаю оказывается!

Через полчаса мы сидели в келье святоши все втроем: демон, я и святоша... Вернее, эти два олуха сидели, виновато понутив головы, а я готовилась произнести обличительную речь.

Потому что все оказалось довольно просто.

Святоша, чувствуя ответственность за меня, как пастух за свою глупую овцу, решил проявить бдительность и посторожить неразумное дитя, чтобы в нужный момент спасти от приставаний демона. Но сидеть всю ночь одному ему показалось скучным, и он подумал, что компания не помешает. Тем более вдвоем охотиться на демонов не так страшно. И позвал Светозара.

Светозар, который как и все мужчины этого мира, скучал по ночам в одиночестве, решил, что на трезвую голову караулить инкуба не интересно, и захватил с собой несколько бутылочек вина. Святоша, предсказуемо отказался от выпивки, и Светозар потихоньку, за разговором, выхлебал все вино сам. И захмелел. Прилично так... А когда святоша задремал, решил проведать, не приперся ли ко мне демон.

Демон же ко мне не приперся... то ли выходной у него... то ли приболел малость... то ли еще что...

И вот увидел пьяненький Светозар, что лежит прекрасная Василиса в гробу демоновой любовью обделенная. И решил исправить эту несправедливость. Помочь, так сказать, по-дружбе.

Нет, не мне. Святоше. Припугнуть он захотел глупую бабу невесть что о себе возмнившую. Ишь чего придумала, против традиций идти, против веры и Бога. Ну, это он так утверждал, когда рассказывал, как его рука очутилась сильно выше моего колена.

А когда я вместо того, чтобы завизжать от страха, вскочила и схватила его за руку, не придумал ничего лучше, как попытаться застрашать меня нечеловеческим воплем.

Святоша, услышав крик демона, забыл про Светозара и помчался меня спасать, напугав нас обоих до полусмерти...

— Итак, судари, — я скрестила руки на груди, — и что мы теперь будем делать?

— Дитя мое, — вздохнул святоша, — это недоразумение.

— Недоразумение, святоша, — грозно посмотрела я на священника, — это когда птичка, пролетая, на голову нагадила. А когда Глава города по ночам женщине под рубаху лезет, ее согласия не спрашивая, это совсем другим словом называется...

— Василиса, душа моя, да разве ж я смог бы, — прогудел Светозар. От представления устроенного святошей, он протрезвел мгновенно. И теперь прекрасно понимал, что происходит.

— Ну, не знаю, — протянула я, — Светозар-то, может быть, и не смог бы... А вот твою руку я сама лично под своей рубахой поймала... И, вообще, может ты и есть инкуб? Почему мне знать?

Светозар сбледнул. И торопливо перекрестился:

— Вот те крест, Василисушка, не демон я. Человек.

Я же только головой покачала. Мол, знать ничего не знаю.

Святоша виновато покосился на Светозара и попробовал вразумить меня:

— Дитя мое, ты совершенно зря подозреваешь Светозара... Не демон он, иначе в храм не вошел бы.

— Хорошо, — согласилась я, — допустим Светозар не демон. Но что тогда его рука делала под моей рубахой? Неужели вы думаете, что его вопли никто не слышал? Слышали, конечно, только мужики выйти испугались. А завтра шептаться начнут... слухи и сплетни разносить...

— Так я же, — вскинулся Светозар и понуро замолчал...

— Дитя мое, мы все расскажем людям и они поймут, что это было всего небольшое недор... происшествие, — исправился он.

— Святоша, — рассмеялась я, — вам никто не поверит. Вам даже я не верю, хотя видела все своими глазами и сама во всем этом участвовала. Совершенно точно завтра же пойдут слухи, что глава города, боярин Светозар — инкуб. Это гораздо более интересная и запоминающаяся новость, чем то, что он напился и решил изобразить демона, чтобы помочь вам утихомирить какую-то бабу. Или даже переспать с ней.

— Дитя мое...

— Права ты, Василиса, — Светозар схватился за голову, — ох, и права... не будет у народа веры мне... и ежели сразу на костер не потащат, как демона, то всю жизнь припоминать будут...

— Светозар, — снова попытался напомнить о человеколюбии святоша, но Светозар уже ни кого не слушал.

А я мысленно довольно потирала лапки. Я же не зря в эту сторону разговор повернула. Я еще, когда узнала последовательность событий, поняла, как можно эту ситуацию в свою пользу обернуть. Оставалось только сделать так, чтобы ни святоша, ни Светозар не отказались.

— Я знаю, как все исправить, — улыбнулась я, — люди будут носить вас на руках и прославлять многие века вперед...

— Я не буду врать! — возмутился святоша.

— И не надо, — пожала я плечами, — весь наш рассказ будет правдой, кроме одной маленькой детали...

— Какой? — с надеждой взглянул на меня Светозар...

А я хитро улыбнулась. Настала пора торговаться, а продать свою идею я хочу максимально дорого.

— Мы скажем, что инкуб пришел, но ничего не смог сделать. И крик, который все услышали, был воплем разочарованного демона, не сумевшего добраться до нужного входа, потому что слипы стали для него непреодолимой преградой. Услышав крик вы оба кинулись мне на помощь. Но демон уже исчез, и вы его не застали.

— Нет! — святоша решительно отверг мою идею, — это совершенно невозможно.

Я и не надеялась даже, что получится говорить святошу с первого раза. Упертый же он, как тысяча пятьсот баранов.

А вот Светозар мгновенно оценил все прелести такого варианта происшествия. Он мгновенно из негодяя или демона, что еще хуже, становится героем-спасителем прекрасных дам.

— Святоша, — взмолился он, — это может сработать! Иначе меня ославят, как демона, и сожгут!

— Нет, я не буду врать, — святоша был настроен решительно.

— Что же, — вздохнула я, — тогда вам придется объяснить не только людям, но и, полагаю, святому отцу, почему демон так легко обвел вас вокруг пальца. Ваши дружеские отношения с боярином Светозаром ни для кого не секрет... да-да, святоша, люди видят как много вы общаетесь. И позвали

вы сторожить инкуба не кого-либо, а именно боярина Светозара. И святой отец обязательно поинтересуется, как же такое случилось.

— Дитя мое, Светозар не демон. И святой отец легко в этом убедится, встретившись с ним.

— Святоша, — сам Светозар так не думал, — меня сожгут раньше, чем приедет святой отец. И вас заодно. Народную молву невозможно остановить. А святой отец не пойдет против мнения народа. Не так давно в Княже сожгли жену боярина, потому что народ пришел к святому отцу с требованием уничтожить ведьму. И он пошел им навстречу, опасаясь бунта, хотя до этого утверждал, что дочь его сестры не может быть одержима.

— Все было совсем не так! — возмутился святоша, — святой отец никогда бы не отправил на костер невинного!

— Угу, — мрачно ответил Светозар, — а про своего брата вы уже забыли?

Интересно, что за история с братом, от упоминания которой святоша побелел еще больше, чем когда бежал спасать меня от инкуба...

Пауза немного затянулась.

— Хорошо, — тихо и хрипло ответил святоша, — я согласен. Мы расскажем все так, как говорит Василиса. А теперь идите...

— Погодите, — подала я голос, — вы забыли еще кое-что.

Светозар вопросительно уставился на меня, а святоша... кажется, ему было все равно. Не знаю, что случилось с братом святоши, но я видела, ему больно. Очень больно. Но я пожалею его потом. Раз уж я начала все это, то надо идти до конца.

— Вы забыли получить мое согласие.

— Но, Василиса, — удивился Светозар, — ты же сама предложила!

— Я просто рассказала вам, как можно поступить, но я не говорила, что согласна соврать... просто так.

— И что же хочешь ты? — мертвым, безразличным голосом спросил святоша.

— Не так много, — улыбнулась я, усилием воли погасив желание пожалеть святошу. Сначала дело, потом эмоции, я в этом мире совсем одна и должна помочь сначала себе. — Вы, святоша, подтвердите, что слипы защищают женщину от проникновения в нее инкуба и его яйца так же эффективно, как и кирка.

— Хорошо, — согласился святоша. А мне показалось, что ему было все равно на то соглашаться. Сейчас он бы и на плаху взошел с таким же безразличием. И, вообще.

— А вы, Светозар, уговорите своих жен проводить ночи в вашей постели, обезопасив себя слипами. Лучше по очереди, — усмехнулась я. Иначе святоша меня никогда не простит. Пусть этот мир узнает о свальном грехе не от меня... ну, если еще не знает.

— Это невозможно, — вскинулся Светозар, — демон...

— Такой же, как явился ко мне? — перебила я его.

— Ну, может он еще не успел?

— Значит вы быстрее демона, а женщине ничего не угрожает. Слипы защитят ее тело и душу так же хорошо, как и кирка. Спросите у святоши. И, вообще, можно наконец-то избавиться от этих ящичков. И спать в нормальной постели.

— Василиса, душа моя, да ни одна женщина на это не пойдет... Кроме тебя, — резонно заметил Светозар.

— А я и не собираюсь настаивать, — зевнула я. Как же спать-то хочется, — пусть ночуют в своих гробах, если им так нравится. Главное, люди должны узнать, что слипы дают такую же защиту от инкубов, как и кирка, — повторила я в тридцать третий раз, — и вы с женами должны мне помочь доказать это.

— Хорошо, — нехотя согласился Светозар.

— Вот и отлично, — я снова зевнула широко раскрывая рот, — вам я слипы продам по дешевке.



Всего по пятнадцать фуртов, но вы скажете супружницам, что их цена — пятьдесят...

— Сколько?! — ахнул Светозар, — вы прогорите, Василиса. Уж не знаю, сколько у вас этих, — он поморщился, — слип, но за такую цену их никто не купит.

— Посмотрим, — я пожала плечами, — раз мы договорились, то давайте расходиться. Скоро утро уже, а я не выспалась.

Мы пожали друг другу руки, и разошлись. Но я не легла спать, у меня осталась еще одна проблема. Я сделала вид, что зашла в рабочий дом, но на самом деле спряталась за приоткрытой дверью, и дождалась, когда Светозар выйдет со двора храма. Но ему вздумалось подышать свежим воздухом и полюбоваться на звезды.

Светозар присел на скамью за нашими столами, достал откуда из-за пазухи глиняный кувшинчик с вином, с силой выдернул пробку и забросил ее в сугроб. А потом пил вино мелкими глотками, постукивая пальцами по столу и думая о чем-то своем.

Наконец-то кувшинчик опустел и полетел в тот же сугроб, что и пробка, а сам Светозар, покачиваясь, отправился домой.

Я совсем озябла, дожидаясь, когда он уйдет, но зато сон ушел совершенно, и я ощущала себя весьма бодро. Осторожно, стараясь не скрипеть дверью, вышла из рабочего дома и вернулась к святоше в келью.

Он так и сидел на своей приступочке, в той же самой позе, в которой его застала фраза про брата, и бездумно смотрел в угол.

— Святоша, — присела я рядом, — я не знаю, что у вас случилось, но если вы хотите, то можете поделиться со мной своей болью. Вам сразу станет легче. Мой отец всегда говорил, что расскажи о том, что терзает тебя, другу, и он заберет себе половину беды.

— У святош не бывает друзей, у святош есть только Бог и паства. Для Бога он ученик, а для людей учитель, — ответил он мне заученной фразой.

— Пф, — фыркнула я, — не знаю, как на счет остальных, но вы мне вы совершенно точно друг.

Он молчал, но я знала, это молчание было другим. Не таким тяжелым и болезненным. Святоша собирался мыслями, чтобы начать рассказ...

— Это случилось давным-давно... Я тогда только-только поступил в семинарию и вернулся домой на празднование рождества. Мой старший брат в тот год заканчивал университет, и я очень ждал его, чтобы рассказать о своей учебе. Но он приехал не один, а с другом. Он часто приезжал на праздники в друзьями, и это никого не удивило. Кроме меня. Потому что этот друг мне сразу не понравился. Он шепелявил, и не выговаривал половину букв, и это казалось мне отвратительным.

Святоша замолчал. Он неосознанно сжимал подол своей рясы так сильно, что костяшки побелели. Я молча ждала, не торопила, давая время собраться с духом.

— Ужин в тот день получился очень поздний, и перекусив мы сразу разошлись по комнатам. Я не мог побороть неприязни к гостю, и это чувство меня тяготило, не давая уснуть. Тогда я решил, что нужно поговорить с ним. Я же будущий священник и не должен относиться к людям с предубеждением. Каждый человек заслуживает любви Бога, и я решил найти в нем что-то хорошее.

Святоша снова замолчал, дыхание его сбилось и теперь он тяжело дышал, как будто бы только что пробежал стометровку. Ничего себе его трясет...

— Святоша, — я положила ладонь на сжатую руку, — посмотрите на меня. — Его взгляд на одну секунду метнулся ко мне и снова исчез, — святоша, я ваш друг, помните? Посмотрите на меня. И дышите. Медленно и глубоко. Вот так. — Я размеренно задышала. Святоша начал повторять за мной и расслабляться. Его глаза теперь смотрели на меня, и мы дышали вместе. Вдох... выдох... вдох... выдох... я почувствовала, что его кулак под моей ладонью стал разжиматься...

— Все, Василиса, мне уже лучше, — поблагодарил меня святоша и продолжил, — я пошел к нему в комнату и уже хотел постучаться, когда услышал там странные звуки. И когда я прислушался, с ужасом понял, что за дверью проводят ритуал призвания демонов. Этот «друг» моего брата творил заклинание, состоящее из ужасно длинных и труднопроизносимых слов, у которых не было смысла. Я тогда так испугался, что тут же, никому не сказав, прямо среди ночи сам лично побежал к святому отцу.

Святоша еще немного подышал, собираясь духом, чтобы закончить рассказ.

И я тоже. Ведь святой отец угрожает и моей безопасности. И если узнает откуда я появилась... гореть мне синим пламенем.

— Инквизиторы собрались быстро. И уже через полчаса мы вернулись в наш дом. Они ворвались в комнату к гостю, а там оказался и мой брат. Их забрали обоих. Даже особенно разбираться не стали. Они осмотрели всю комнату, но не нашли ничего запрещенного. Но ведь я был семинаристом, будущим священником. И именно мои слова легли в основу обвинения моего брата и его друга в вызове демонов.

Мы подышали еще немного. Мне просто надо быть более осторожной. Научиться молитвам и почаще и побольше креститься. Я живу при храме, среди божьих людей, а это дает мне некоторую защиту. Как же хорошо, что я не переехала из рабочего дома, когда у меня появились деньги.

— Я потом сам осмотрел комнату. То, что показалось мне языком для вызова демона, было медицинскими терминами. Друг моего брата повторяя их вслух, пытался исправить свою речь. Я попробовал объяснить инквизиторам свои догадки. Поехал к святому отцу, добился, чтобы он принял меня, и рассказал о своей ошибке.

Святоша снова замолчал.

— Вы не успели? — спросила я.

— Почему не успел? — вздохнул святоша. — Успел. Святой отец ответил мне, что даже если я и прав, то возможных демонологов все равно лучше сжечь. А Господь Бог сам разберется, кто прав, а кто виноват... и наградит вечностью в раю, если они были невиновны.

Вот нихр...чего себе... неудивительно, что после такого у святоши крыша поехала, и он стал таким правильным.

— Но, знаешь, Василиса, что самое страшное? — святоша всхлипнул, — самое страшное, что мой брат, во время казни, стоя на куче дров, кричал, чтобы я не смел винить себя, что он все равно любит меня. Понимаешь? Он даже не держал на меня зла за то, что я убил его. Я тогда многое думал, и когда закончил семинарию, решил стать простым святошей, чтобы быть ближе к людям. Чтобы не забыть о том, что ни ряса, ни сан не делают тебя безгрешным.

Святоша всхлипнул и вытер слезы рукавом рясы. Неправда, что настоящие мужчины не плачут. Иногда и им нужно оплакать тех, кто ушел.

И мне многое стало понятно в самом святоше. Это его истовая вера, что все люди хорошие, появилась не просто так. Эта вера стала его защитой и его же проклятием. Он каждый раз сомневался в том, что видел. И каждый раз вспоминал...

— Прости, дитя мое, — печально улыбнулся святоша, — это я должен давать тебе утешение, а не наоборот.

— Святоша, — улыбнулась я осторожно, — но кто-то же должен утешать и вас тоже. И мне совсем не сложно это сделать. Мы же друзья...

— Друзья, — эхом повторил меня святоша, — у меня давно не было друзей. Но зная тебя, я понимаю, у меня нет ни единого шанса отказаться от нашей дружбы.

— А вы хотите отказаться? — притворилась я удивленной, хотя прекрасно поняла о чем говорил святоша.

— Нет, — покачал он головой, — не хочу. Ты удивительная, я еще никогда не встречал таких людей. То, что ты делаешь, вроде бы так эгоистично и меркантильно, но почему-то в итоге всем вокруг становится лучше.

Я рассмеялась.

— Мой отец, — я уже привычно все свалило на него, — говорил, что это и есть невидимая рука рынка... ну, то есть хороший купец, делая что-то себе, должен стараться, чтобы это принесло пользу и другим тоже. И только в этом случае он может стать успешным.

— Твой отец был удивительно мудрым человеком, Василиса. Ты должна гордиться им.

— Я и горжусь, — не моргнув глазом, соврала я. А Адам Смит, экономист, который и придумал этот термин, наверное перевернулся в гробу от моей наглости.

— Святоша, — прервала я паузу, — а ваши родители? Они... Что они сказали вам? Они простили вас?

— Я не знаю, — пожал плечами святоша, — сначала им было не до меня, а я уехал из дома на следующий же вечер и больше никогда не возвращался.

— Но это же неправильно! — я подпрыгнула на приступочке, — они и так потеряли одного сына, а вы лишили их и второго! Они еще живы? — Он кивнул. — Вы обязательно должны их навестить, святоша! Это слишком жестоко с вашей стороны.

— Я не могу, — опустил голову святоша, — я не могу посмотреть матери в глаза. Понимаешь? Не могу. А если она меня не простила? Как я буду жить дальше?

— Думаю, она не держит на вас зла и будет рада, если вы вернетесь.

Но он только отрицательно помотал головой из стороны в сторону.

М-да... а ведь взрослый, образованный человек. Да еще и святоша. А не понимает таких элементарных вещей. Но ничего, мы же друзья, а друзья должны помогать друг другу.

И святоша прав, от моей помощи ему не отвертеться.

11

Утром, как я и предполагала, бомжики зашептались, что нынче ночью в работный дом наведася демон. Наша сказочка была принята на ура, и мгновенно ушла в люди. К обеду, я только еще успела закончить с распределением бомжиков на работы, раздать ЦУ (\*ценные указания), обсудить с Белавой завтрашнее меню работного дома и нашей торговой точки, выделить деньги и отправить свое доверенное лицо, бабу Пашку, на рынок, как ко мне прилетела Марьюшка.

— Василиса, ой, что я слышала! Говорят, к вам в работный дом инкуб наведася и половину баб перепортил. А святоша наш его поймал, на цепь в храме посадил, чтоб всем показывать, — она перевела дух и затараторила снова, не давая вставить ни слова, — ох, и орал, говорят, демон проклятый! Сены тряслись и потолок в мужской спальне рухнул. Всех мужиков передавил. Это правда?!

— Ну, как тебе сказать, — рассмеялась я, — в этих словах есть доля истины... очень маленькая. А на самом деле все было совсем не так, — рассказала я правильную версию истории, которая должна была уйти в народ устами бабки Паши. Я ведь нарочно ее с утра раннего за покупками отправила. Но кажется, кто-то успел раньше. — И теперь мы точно знаем, что слипы защищают от демона ничем не хуже кирпичи, — закончила я свой рассказ...

— Слипсы? — Марьюшка побледнела, вспомнив испорченные трусы. И наехала на меня, — ты почему мне сразу не сказала, что обережные они? Да разве бы я их на брошь пустила бы? А ежели кружева обратно пришить, действовать будут?

— Не знаю, — пожала я плечами и продолжила тихим шепотом, — но Светозар грозился купить их, и провести ночь с каждой женой, чтобы убедиться, что слипы на самом деле защищают от демонов.

— Ужас, — протянула Марьюшка, — я не хочу... я боюсь...

— Не будь душой, подруга, — я склонилась ближе к ее уху, — Светозар демона не испугался и меня спасать кинулся, так неужели, думаешь, тебя не спасет? А вот если ты сделаешь, как я говорю, то муж твой каждую ночь будет к тебе возвращаться, а про остальных жен и думать забудет. Так как? Тебе рассказать? Либо Мирославе секрет открыть, чтобы она вас, младших жен, и вовсе со свету сжила?

— Вот еще! Фигу с маслом мымре этой, а не секреты, — фыркнула Марьюшка, — говори давай, что делать надо!

— Мужика, Марьюшка, в постели надо соблазнять, — прошептала я так тихо, как только можно. И провела краткий курс по сексуальным играм. Секс в этом мире не был табуирован так, как в нашем средневековье, но все же по части разнообразия наш мир ушел далеко вперед. — И, поверь, твой муж никогда не охладет к тебе...

— Откуда ты все это знаешь? — подруга прижала ладони к горящим от смущения щекам.

— Муж научил, — улыбнулась я, — он ведь тоже купцом был, по разным странам поездил, вот и... — развела я руками.

Беседовали мы прямо во дворе, погода сегодня была довольно приятная. Солнце грело совсем по весеннему, и уже хотелось распустить завязки на тулупчике. Я зажмурилась от удовольствия. Марьюшка умчалась уговаривать Светозара не тянуть с покупкой слипов. Ей не терпелось воспользоваться моими советами и получить еще больше любви супруга, а значит влияния в их

полигамной семье. Теперь оставалось только ждать...

— Сударыня, — тихий голос отвлек меня от созерцания яркого, как всегда в феврале, светло-голубого неба, — сударыня, а эти ваши слипы, правда защищают от демонов так же, как кирка?

Я оглянулась. Одна из бомжиков, ее звали Варуха, стояла в отдалении и смотрела на меня умоляюще. Варуха даже в иерархии бомжей была, что называется ниже плинтуса. Тупая, ленивая, вечно сонная баба, которая не в состоянии была даже махать веником на кухне. Ее даже бабка Пашка не ставила на дежурство, и она большую часть времени проводила в храме, отсыпаясь в каком-нибудь углу неопрятной кучей тряпья.

— Правда, — кивнула я и встала, собираясь уходить. Ну, не с Варузой же вести интеллектуальные беседы.

— Сударыня Василиса, — кинулась она ко мне в ноги, обхватывая их и вцепляясь, как клещ, — умоляю, дайте мне их! Я для вас все, что угодно сделаю, сударыня. Умоляю!

— Варуха, — удивилась я, — а тебе-то они зачем?

Все оказалось довольно просто, у несчастной было что-то типа клаустрофобии, и она каждую ночь с вечера до утра, тряслась от страха в кирке. И поэтому днем ходила сонная и тупая. И мне ее, конечно, стало жалко. Но не дарить же ей трусы, которые я могу продать за пятьдесят фуртов?

— Хорошо, — решила я, — я сошью тебе слипы, которые будут защищать тебя от демонов так же, как кирка. Но ты должна кое-что сделать для меня...

Я выдала Варухе задание и она с непривычным рвением умчалась в город выполнять то, что я велела. А я пошла к святоше. Надо было обсудить еще один вопрос. Надеюсь, он меня не выпрет за такую идею.

Слипов у меня сейчас еще много. И с такими ценами на мой товар я могу, вообще, не париться и всю жизнь прожить, как у Христа за пазухой. Но с другой стороны, как только мои бережные слипы станут более-менее популярны, тут же найдутся ушлые белoshвейки, которые повторят их и предложат свои варианты слипов всем слоям населения.

А это значит, что я, рискуя своей жизнью и практически стоя одной ногой на костре, провожу разъяснительную работу, убеждая в эффективности защиты слипов от демонов, а они потом придут на готовое и загребут себе большую часть прибыли. У меня трусы, конечно, шикарнейшего качества, но зато их ограниченное количество. А вот сшить можно хоть миллиард слипов. И даже если продавать по фурту, а то и дешевле, получается гораздо выгоднее, чем у меня.

А значит нужно самой открывать мастерскую по пошиву слипов, и не абы как, а при храме, потому что это повысит доверие к бережным слипам и, самое главное, позволит установить монополию на этот вид деятельности. А десять процентов в такой огромной монополии гораздо лучше, чем сто в маленькой мастерской. Главное, все правильно оформить. Все швейные мастерские при всех храмах открывались исключительно через меня. Да, я буду жертвовать храму большую часть прибыли, но зато можно не бояться, что кому-то придет в голову обвинить меня в ереси.

И еще, если получится, я усмехнулась, инквизиция у меня будет с рук есть. Как и святой отец.

— Нет! — решительно отверг мою идею святоша, — нет и нет! Храм — это не лавочка!

— Обязанность храма думать о своей пастве, — возразила я, — а несчастные женщины, страдающие каждую ночь в кирке, тоже часть этой паствы. И вы обязаны позаботиться об их комфорте.

— Ты можешь шить свои слипы сама, — не уступал мне святоша, — зачем тебе храм?

— Потому что храму нужны деньги, — пожалала я плечами. Ну, не могу же я сказать, что хочу приручить святого отца и инквизицию?

— Храму не нужны деньги! — воскликнул святоша, — храм живет на пожертвования!

— Не нужны? — прищурилась я, — а напомнить, как жили бомжики в работном доме до того, как стали зарабатывать для храма? А не помните ли вы, святоша, о рыночных беспризорных мальчишках и девчонках, для которых храм мог бы построить сиротский приют? А рассказать вам сколько людей в городе едва сводят концы с концами, и как храм мог бы помочь им, выдавая продукты и одежду?

— Храм должен заботиться о душе, а не о теле, — буркнул святоша, но я видела, еще немного и он сломается. Я же знала, что для него важно, и давила именно туда.

— Если человек голоден, то вряд ли он способен думать о своей душе, святоша. Мой отец говорил, —

снова нагло соврала я, — что в первую очередь человек думает о том, как утолить голод и жажду, потом — как обеспечить собственную безопасность. И только когда удовлетворены эти потребности, начинает думать о Боге.

— Человек всегда должен думать о Боге...

— Давайте мы только попробуем? А если вам не понравится результат, то я выкуплю у храма мастерскую и лавку, — при этих словах святоша вздрогнул, — за двойную цену. Идет?

Святоша молчал. Я ждала. Я знала, что он согласится.

— Идет, — наконец выдавил он. И тут же заворчал себе под нос, — пусть только появятся эти два брата, которые тебя ко мне привезли... Как же я прекрасно жил, пока тебя не было, Василиса.

Я пожала плечами и рассмеялась.

Варуха не просто так бегала по городу отрабатывая обещанные слипы, она добывала мне информацию. У нее обнаружился недюжинный талант к сбору и анализу сплетен. Вот что значит правильная мотивация.

Именно от нее я узнала, что купец, держащий лавку на центральной площади, прямо напротив храма, на грани краха. За зиму у него пропало три каравана, причем на последний он брал деньги у ростовщиков. И теперь кредиторы осаждали его требованием вернуть деньги.

Святоша выл от негодования, когда отсчитывал мне шестьдесят фуртов. Но выдал, хотя я немного переживала, что придется свои деньги тратить. Я бы, конечно, их потом забрала бы с первой же выручки, но мы же не зря подписали договор о том, что храм полностью финансирует открытие мастерской по пошиву обережных слипов, и за это я обязуюсь жертвовать храму девяносто процентов прибыли.

Точно такой же договор у нас был подписан и на уборку городских улиц, поэтому святоша даже не подозревал о моих далеко идущих планах. По факту мастерские принадлежали мне, храм участвовал только финансами. Но при этом даже самый жадный святой отец не позарится на мои десять процентов, получая девяносто. И всесторонняя поддержка храма позволит мне спокойно жить и зарабатывать в других отраслях.

А пока я разрабатывала лекала и, купив отрез самой дешевой ткани из тех, что шли на пошив нижних рубашек, пыталась сшить трусы, которые бы прилегали к телу, как можно плотнее. Это оказалось непросто — в этом мире не было даже самой простой бельевой резинки. И мне пришлось «изобрести» крючки, которыми и застегивались трусы по бокам.

«Испытания» прошли успешно. Счастливая Варуха, избавившись от кирки, впервые за много лет начала спать ночами. Через неделю женщину было не узнать. Оказалось, что она совсем молодая, весьма симпатичная и к тому же, далеко не глупая и не ленивая.

С помощью Варухи, для которой я стала ближе отца, матери и Господа Бога, я переманила пятерых подмастерьев-белощвеек из тех, что хорошо работали, но в силу обстоятельств не могли рассчитывать на повышение.

Девчонкам я пообещала зарплату по пять фуртов. А чего жалеть-то, если пока платит храм, а потом эти девочки станут у меня бригадирами и отработают каждый вложенный в них фурт? Зато за такие деньги они готовы были работать с утра до ночи.

Поселила я их прямо в лавке. Первый этаж был слишком темный, и я, не долго думая, переоборудовала жилые помещения второго этажа в мастерские. Святоша долго ругался. Он-то надеялся, что я перееду жить в свой дом, раз уж теперь мужчина для запирания кирки мне не нужен. Но я решила пока еще немного пожить при храме.

Нет, мне, конечно, хотелось спать в своей, а не в общей, спальне, но костер инквизиции все еще горел рядом со мной.

Это пока зима и купеческие караваны ходят между городами, доставляя товары и новости, довольно редко. Но через месяца два, когда снег растает и высохнут дороги, надо ждать высшее храмовое руководство в гости. А если святой отец не одобрит мои слипы? И назовет их происками демона? От этой мысли у меня холодело под ложечкой. Нет уж, пока не получу официальное одобрение святого отца, буду поближе к Богу.

И, вообще, я стала регулярно посещать службы и молиться. И пусть я не слишком верю, что Ему это нужно, но с меня не убудет. Но зато репутацию я себе создам весьма положительную. А репутация в бизнесе — наше все. Тем более, если бизнес так тесно связан с храмом.

Тем временем Светозар и Марьюшка с успехом выполнили свою роль в продвижении слипов. Только с легкой руки Марьюшки, которая после первой же ночи помчалась по подружкам, третьим-четвертым женам бояр, рассказывать, как покорить мужа так, чтобы он тебя с ложа отпускать не хотел, слипы превратились в обереги. Потому что забыла она «это дурацкое слово». Я даже не расстроилась. Какая разница, как назвать трусы, если они не могут быть трусами?

И уже на вывеске, которую я заказала практически сразу, после покупки лавки, огромными буквами, видными с другого края площади, было написано «Оберег от нечистой силы»

Первый покупатель появился уже к вечеру, я еле успела оформить витрину. Выкладывать все трусы сразу мне не хотелось, вот и пришлось потрудиться, чтобы десяток оберегов на всю лавку не смотрелись убого.

Пожилой, толстый боярин и лучезарно улыбающаяся, юная красотка, примчались в храм и потребовали у меня самый лучший оберег. Выбирали долго, но ушли довольные. А потом пришли другие... третьи...

Потихоньку, в течении недели ко мне наведались все местные богатеи способные выложить пятьдесят фуртов за слипы-обереги. И я понимала, теперь их можно не ждать еще долго. У нас не столица, доход боярина редко больше пятисот фуртов в год.

Но у меня уже на подходе трусы местного пошива. Первые несколько штук будут готовы через пару дней. Хотя, как ни крути, а дешевле чем, десять шилгов, или пол фурта, я их продавать не буду. На один оберег у каждой швеи уходило не меньше двух световых дней, потом что зимой они очень короткие. Можно было, конечно, заставить шить и при лучине, как все остальные мастера, но тут поднял голову мой современный менталитет, не позволив портить зрение своим же сотрудникам.

Я думала, что спрос на обереги будет расти постепенно, все же это значило отказ от многовековых традиций спать в кирке. Но я просчиталась. В первые же дни существования моей лавки собралась длинная очередь из горожанок, желающих приобрести новое обережное средство. Пришлось купить пергамент и вести запись.

Святоша, к которому подходили с вопросом, правда ли, что обереги защищают от демонов, поджимал недовольно губы, но согласно кивал, подтверждая действенность нового способа защиты от демона.

Вообще, в последнее время святоша сильно изменился. Если раньше он был как-то особенно безмятежен и смотрел на мир с легкой покровительственной улыбкой, то теперь в его глазах все чаще мелькали растерянность и недоумение, а еле наметившиеся морщины обозначились сразу и резко. Он часто хмурился, с недовольством глядя вокруг, а еще старательно избегал меня.

Пока мне было некогда, я не особенно обращала на это внимание. Но когда работа лавки более-менее наладилась, наше отчуждение стало заметным.

— Святоша, — заглянула я к нему в келью после службы, — что случилось?

— Ничего, дитя мое, — попытался уйти от ответа святоша.

Но от меня не так-то легко избавиться. Я вцепилась в святошу, как клещ в собаку. И он раскололся.

— Понимаешь, Василиса, — вздохнул он, — с тех пор как ты появилась в моем храме все пошло наперекосяк. Эти твои бомжики... чистота в городе... обереги... сколько времени прошло с твоего приезда? Около трех месяцев. А как все изменилось. А ведь я при этом храме уже десять лет... и всегда считал, что очень много делаю для своей паствы.

— Но ведь это так и есть, святоша! — воскликнула я, — все горожане вас любят, уважают и почитают за то, что вы способны помочь словом и молитвой каждому. И в городе не горят костры.

— И я так раньше думал, — грустно улыбнулся святоша, — а сейчас вижу, что делал я ничтожно мало... Я тут, — он запнулся, но договорил, — попробовал спать в кирке...

— Да вы что? — рассмеялась я, — и как впечатление?

— Это ужасно, — передернул он плечами, — тесно, неудобно... я не понимаю, почему никто раньше не задумывался над этим. Мы прятали наших женщин в ящик и даже не искали другие пути решения этой проблемы. И почему ни одна женщина до тебя не донесла до своего отца, брата, мужа, что им там неудобно?

Я промолчала. Потому что ответ на этот вопрос для меня был слишком очевидным, а для местных слишком преждевременным. Они меня просто не поймут.

Но святоше и не нужен был ответ. Ему просто хотелось выговориться.

— А бомжики эти... сироты... вдовы, которые тащат на себе детей... я ведь даже не замечал их. Как будто бы у меня пелена на глазах была. А сейчас они все время перед глазами. Ты ведь права, люди помогают храму, а храм должен помогать людям. И не только молитвами.

— Ну, — я похлопала святошу по плечу, — все хорошо, вы теперь этим и будете заниматься. Откроете сиротский приют, социальный центр для малоимущих...

— Социальный центр? — перебил меня святоша, — что это такое?

— Это место, где нищих и малоимущих кормят бесплатно, дают им одежду и ночлег, — улыбнулась я, — что-то вроде нашего рабочего дома. Но сейчас мы помогаем только тем, кто там живет, а Центр сможет охватить гораздо больше людей.

Святоша замолчал, переваривая новую информацию. А потом сокрушенно вздохнул и сказал:

— А знаешь, что самое неприятное, Василиса?

— Что?

— Что на все это показала мне какая-то купчиха. — Вот тут я просто дар речи потеряла. — Я всегда презирал купцов, считая их самыми бездушными людьми. Цель их жизни — деньги. Этот презренный металл... Они ничего не делают, только покупают и продают...

— Ну, знаете ли, — зашипела я, обретя дар речи через долгие несколько секунд, — это уже переходит всякие границы, святоша. «Какая-то купчиха»? — возмущение во мне достигло предела и хлынуло через край. — Да, вы! Вы! Святоша! — обозвала я его и, хлопнув дверью, выбежала из кельи.

Он что-то кричал мне вслед, но я не слушала. Во все кипело. Ярость требовала выход, и больше всего хотелось вернуться и набить морду этому гаду. Ишь, нашелся праведник! Какая-то купчиха! Сволочь в рясе!

Но вместо этого я отняла лопату у старичка Ерофея, вяло скребущего храмовый двор, и принялась кидать снег, чтобы успокоиться.

Ну, и черт с ним! Ну, и пусть я «какая-то купчиха»! Мне бы только дожидаться одобрения святого отца для продажи и производства турсов-оберегов, а потом я просто уеду из этого храма. В столицу! И никогда больше не увижу этого... святошу!

12

Обида на святошу не проходила. И это было странно. Да, я всегда была невоздержанной на эмоции и вспыльчивой. Но стоило выпустить пар, как вся злость моментально проходила и я готова была простить все, что угодно.

Но вот слова «какая-то купчиха» забыть никак не удавалось. И крышечка моего внутреннего чайника дребезжала каждый раз, когда я смотрела в сторону храма. А уж когда святоша попадался мне на глаза, я еле сдерживалась, чтобы не высказать этому чертову праведнику все, что я о нем думаю.

Останавливала меня только необходимость поддержки храма в моем бизнесе. Но я дала себе слово, как только получу одобрение святого отца, перед отъездом в столицу отвешу этому святоше по полной. За все свои страдания расплачусь. Все выскажу и о нем, и о его ненаглядной леди. Пусть потом сидит в своем медвежьем углу и страдает. А я буду блистать в столице!

Леди Элеонора, возлюбленная нашего святоши, молодая вдовушка, вернувшаяся в Летинск к отцу, заявила в мою лавку почти сразу после открытия.

— Сударыня Василиса, — она смотрела на меня глазами в которых стояли слезы, готовые пролиться при первой же необходимости хрустальными каплями, — умоляю, мне нужен самый лучший оберег. Проклятые демоны, — замахала она длинными, густыми и противно-коровьими ресницами, — не оставляют меня в покое и терзают мою душу. Помогите мне, умоляю, — протянула она ко мне руки...

А я смотрела на эту ледю и с поразительно спокойной, ледяной яростью отмечала, что она хотя и не худая, но стройная, уточненная и элегантная. И она не дура, хотя и притворяется глупышкой, а еще отлично умеет пользоваться своими женскими чарами... тварь! Ненависть к ней была непонятной, но холодной и кристально четкой.

У нее есть все, чего у меня никогда не было, да и не будет. Даже несмотря на проснувшуюся во мне

женщину. И я впервые в жизни почувствовала себя обделенной, как будто бы мне что-то недодали. Давным-давно, скорее всего еще в утробе матери.

Появилось необъяснимое желание взять в руки лопату и огреть эту ледю по голове. Потому что нельзя быть на свете красивой такой... и такой элегантной... и, вообще... приперлась тут.

Обереги я ей, конечно, продала. Выбрала самые убогие, трикотажные «парашюты» с пошлым красным сердечком на всю задницу. Нам их, вручили бесплатно, в качестве сомнительного бонуса.

Негодование на леди Элеонору бурлило во мне до самого вечера и требовало выхода. И я, закрыв лавку, помчалась в гости к Марьюшке. А с кем еще обсуждать эту ледю, не с кухаркой же, и не с Варухой.

— Ты представляешь, — возмущалась я, жуя какие-то засахаренные медовые фрукты и запивая чаем, — приперлась! Дай мне, говорит, самые лучшие обереги! Ты представляешь?! Самые лучшие! Ага! Бегу, спотыкаюсь и падаю! Да кто она такая, вообще! Возомнила из себя невесть что!

Марьюшка понимающе кивала головой и поддакивала.

— И, главное, с виду сама невинность, — вещала я, размахивая руками, чтобы выразить глубину своего недовольства, — ах, помогите! Ах, спасите! Демоны меня мучают! Я так хороша, что даже инкуб забыть не может мои сомнительные прелести! — изобразила я писклявый голос леди Элеоноры, — вот ведь гадина какая!

— А ты знаешь, — зашептала Марьюшка, — что ее родители хотели замуж за нашего святошу выдать? Они с детства знакомы...

— Что?! — я даже подавилась. — А ты откуда знаешь?

— Светозар рассказал, — сдала мужа Марьюшка, — он с ними вырос. Только он старше немного. Поэтому когда Светозар Главой стал, а святошу отец из семьи изгнал...

— Вот змеюка подколотная, — выругалась я на леди Элеонору, пропусти мимо ушей половину рассказа Марьюшки, — теперь понятно чего это она к святоше зачастила. У-у-у! Как я ее терпеть не могу. Ненавижу тварь!

— Да-да-да, — согласилась Марьюшка, — я тоже старших жен Светозара ненавижу. Особенно, когда они жалобится начинают, что муж наш охладел к ним совсем и каждую ночь только меня на ложе берет, пока они в кирках томятся.

— Но ничего, — захохотала я, снова прослушав то, о чем говорила подруга, — я в столице к самым женам Великого князя пойду, — я уже знала, что в здесь вместо королей были Великие князья, — и предложу им самые красивые обереги. Отдарю так, что они мужу своему обо мне расскажут и встречу нашу устроят. А уж что Великому князю предложить, я придумаю. И стану не «какой-то купчихой», а самой богатой и известной купчихой, самым Великим князем уважаемой. И пусть тогда святоша локти кусает! — выдала я заключение, совершенно упустив из виду, зачем оно мне, вообще, нужно. Нужно и все! Пусть страдает!

План возмездия был готов, и я с чистой совестью отправилась в работный дом придумывать бизнес-идею, которую должен оценить сам Великий князь.

Вернее, идея уже была, теперь мне надо было придумать, как воплотить ее в жизнь.

Рассуждала я так: кто такой Великий князь? Это глава государства. Что такое государство? Это армия чиновников с бумажками и указюльками. Вот бумажки для указюлек я и должна обеспечить. И это гарантирует мне славу и почести.

Про бумагу я подумала не просто так, я примерно знала, как ее делать. А все моя двоюродная сестра, унылая заучка, которую всегда ставили мне в пример. Я ненавидела ее почти так же, как леди Элеонору. Хотя более непохожих друг на друга людей найти сложно.

Сестра каждый год приезжала к нам погостить, и каждый вечер за ужином вещала о своих гениальных идеях, которые смогут спасти мир. А я жевала котлеты и думала, что больше всего хочу спасти себя от этих нудных лекций.

А вот моя мама восторженно ей поддакивала и заставляла меня участвовать в реализации этих идей. Вот так я однажды помогала сестре делать бумагу из листьев... и если я вспомню этот процесс и смогу его повторить, то можно будет забыть о дорогом пергаменте и штамповать указы на дешевой бумаге.

Да за это меня и Великий князь и его чиновники будут на руках носить и прославлять мое имя в



веках. Когда про святошу уже никто и никогда уже не вспомнит.

До приезда святого отца было еще месяца полтора, как минимум. Самое время заняться экспериментами, чтобы потом, когда я приеду в столицу, проверить все как можно быстрее. Я не могу ждать возмездия и торжества справедливости десять лет. Тогда будет уже не так сладко.

Идея с листьями оказалась провальной. И для такого вердикта мне даже не понадобились эксперименты. Достаточно было по пути к рабочему дому вспомнить, что сейчас зима. Листья появятся вместе со святым отцом, а сестра делала бумагу осенью, до которой еще больше полугода.

Но я весь вечер думала о том, что бумага — это реальный шанс разбогатеть, раз уж идею трусов пришлось почти подарить храму за возможность спать не в гробу, а на нормальной кровати, и возможность жить и зарабатывать не опасаясь костра инквизиции.

А на бумаге можно не только указы писать, но и рекламные листовки, буклеты, газеты, журналы, книги печатать, и... тут я просто подскочила на месте... На бумаге можно печатать деньги! У меня даже голова закружилась от открывающихся передо мной перспектив. К черту указы и книги, если я могу сразу печатать деньги! Я зажмурилась, представив, как в моих руках зашелестели бумажные купюры... очень много бумажных купюр... огромные стопки и стеллажи бумажных купюр... в животе забурчало, мне стало жарко, а воздух в легких вдруг закончился. Я закашлялась и только тогда вспомнила, что забыла о необходимости дышать от такой прекрасной и волнующей картины.

И между мной и огромными горами денег, причем это вовсе не метафора, стоял только рецепт бумаги. Ха! Да с такой мотивацией, я обязательно придумаю, как делать бумагу из чего-нибудь еще.

Я же помню, бумага — это целлюлоза, которую получают из...

— Василиса! — отвлек меня от раздумий крик бабки Пашки. Мы сидели за столом во дворе рабочего дома и торопились по быстрому проглотить моментально остывающую еду. Вернее, все торопились, а я невидяще уставилась в полную тарелку и думала о деньгах. И падающие с неба мелкие снежинки уже перестали таять, попадая на мою кашу. — Ты чего такая смурная-то? Случилось что?

— Нет, — мотнула я головой, — все в порядке. Просто аппетита что-то нет. — я обвела взглядом пожирающих ужин бомжиков. До культуры поведения за столом им было, как до Китая раком, но я уже привыкла. — Кто доест мою кашу?

Тарелка молниеносно опустела. Я даже не заметила, кто именно ее выскреб. И то, как бабка Пашка, озабоченно поджав губы, кивнула вопросительно глядевшей Варухе, тоже не заметила.

Все уже закончили ужинать и разошлись. А я все сидела и думала о деньгах, бумаге, целлюлозе и деревьях. И о том, как найти недостающие звенья в этой цепочке...

— Дитя мое, — святоша, наблюдавший за задумчивой мной долгие несколько минут, накинул мне на плечи свой тулуп, — ты совсем замерзла. Что случилось?

— Ничего, — буркнула я, поведя плечом, чтобы тулуп упал с меня прямо в снег. Ничего мне от этого святоши не нужно! Я же «какая-то купчиха»! Вот пусть свою ледя тулупами накрывает! — Все хорошо. Не беспокойтесь. Я же купчиха, — не смогла не вернуть я, — подумаешь, заболею и помру. Мир только чище станет.

Рядом со святошей стояли, сверля меня взглядом, бабка Паша и Варуха. Предатели! Побежали гаду этому жаловаться.

— Василиса, — святоша со вздохом поднял тулуп, — прости, если я тебя невольно чем-то обидел. Ты самый удивительный человек, которого я встречал в своей жизни. И ты достойна уважения, потому что единственная из всего купечества думаешь о людях, а не о деньгах.

Я зарычала просто. Он явно надо мной издевается!

— Я думаю о деньгах! Вот прямо сейчас я думаю о деньгах! — заорала я, — да, я такая! Меркантильная и люблю деньги! И идите вы, — я хотела сказать к черту, но вовремя одумалась, — в храм, и оставьте меня в покое! Видеть вас не могу!

— Святоша-святоша... — укоризненно произнесла бабка Паша и недовольно покачала головой. А Варуха тяжело вздохнула...

Обиженная моя внутренняя женщина — это страшно. Я даже не пыталась остановить ее, когда раскричавшись, она разрыдалась и кинулась в рабочий дом. Рухнула ничком на постель и редела, подвивая и кусая уголок подушки, чтобы вой не был таким уж громким... а моя основная ипостась с

удивлением отмечала, что такой истерики у меня не случилось еще ни разу в жизни.

Успокаивала меня Варуха. Она гладила меня по голове и что-то шептала. А я сама не заметила, как выложила ей все свои обиды. На святошу за дурацкие слова. На леди Элеонору, за то, что ей повезло в жизни больше, чем мне. На деревья, которые никак не хотят превращаться в то, что мне нужно...

Я так и заснула, прижимаясь к Варухе, как к самому близкому человеку. А утром мне было страшно стыдно за тот концерт, который я устроила. Но это привело к совершенно неожиданному результату. Все вокруг стали вдруг такие предупредительные! И бомжики на работы ушли без привычного уже возмущения и ворчания. И Белава с утра расстаралась блинов напекла. И бабка Паша у меня ничего не спросила ни разу, хотя каждое утро дергала вопросами кого отправить на дежурство. И девочки-белошвейки как-то притихли и не щебетали о всяких пустяках, мешая мне сосредоточиться на главном.

Может быть не так уж и бесполезны подобные эмоциональные выбросы? Женщина знает, что делает. Ибо святоша всю службу смотрел на меня виновато, а потом сам подошел ко мне, выхватывая из толпы за локоток:

— Подожди, Василиса. Прости, я сам не знаю, что несу. Я не хотел тебя обидеть.

С этого дня все пошло как прежде. Хотя я не простила святошу сразу и еще несколько дней демонстративно отворачивалась, от чего он чувствовал себя виноватым, и был необычайно покладистым. Я даже получила у него разрешение на строительство бани... Вернее, бань... Общественных бань для всех горожан, у которых нет возможности помыться дома.

Ну, не зря же говорят, куй железо пока горячо. Вот я и ковала. Пока святоша не передумал, выбила у Светозара место для строительства, заключила договор с каменщиками на добычу и доставку камня для общественных бань. Большую часть расходов взял на себя храм.

Но храму по факту это не стоило ничего. Мои сшитые обереги считали с прилавка быстрее, чем белошвейки успевали завязать последний узелок. И очередь желающих избавиться от кирки только росла. А я, как договаривались, жертвовала девяносто процентов прибыли. Это оказалось не так легко, но я напоминала себе про святого отца и политые маслом дровишки у меня под ногами.

13

Последний месяц зимы пролетел быстро. Я занималась подготовкой к строительству бань, контролировала уборку города и работу швейной мастерской.

Горожане очень быстро привыкли к тому, что бомжики убирают снег и поддерживают чистоту в городе. И хотя некоторые особо упорные негодяи все еще выкидывали мусор прямо на дороги, большинство жителей все же не считали за труд донести содержимое горшков до мусорных бочек и осуждали тех, кто этого не делает.

А к тому, что ночи теперь можно проводить с женой, а не в одиночестве, мужчины, пожалуй, привыкли гораздо быстрее, чем женщины. Да, спрос на обереги был такой огромный, что я наняла еще пару десятков женщин из тех, что умеют держать ножницы и иголку в руках, и сделала то, что до меня в этом мире никто не делал — организовала конвейерный пошив оберегов, разделив весь процесс на простейшие операции.

Первый цех занимался раскройкой. За счет того, что обереги держались на теле за счет крючков по бокам, кроить можно было почти без учета размеров. Их у меня стало всего три: большие, средние и маленькие.

Раскроенные детали попадали в первый швейный цех, где детали сшивались между собой. Вторым швейным цехом обрабатывал швы, а третий пришивал крючки и отглаживал обереги чугунными утюгами.

В каждом цехе операции делились еще мельче между сотрудницами. Например, при раскройке одна женщина гладила и складывала ткань в три слоя, вторая обводила детали углем по деревянным лекалам, третья вырезала, а четвертая раскладывала детали в стопки и уносила к швеям.

Такое разделение труда позволило шить огромное по местным меркам, конечно, количество достаточно качественного белья. Ведь теперь, не нужно было несколько лет учиться, чтобы досконально узнать весь процесс все от начала до конца. Достаточно выучить пару нюансов, чтобы стать специалистом в своем деле.

А четыре девочки-белошвейки, всего пару недель поработав по старинке, встали во главе цехов.

Пятая, самая бойкая, занималась закупкой ткани, тесьмы и крючков. А продавцом я наняла Злату, молоденькую, но очень шуструю дочку, разорившегося купца. Того самого, у которого я и купила этот дом.

Общее руководство все еще было за мной, но я уже думала, что через пару месяцев, смогу поручить это кому-нибудь из своих девочек. Я ни на секунду не забывала, что мне с работы мастерской причитается всего десять процентов прибыли. А значит, в идеале, я не должна тратить на ее работу больше, чем пару часов в неделю. Пока у меня так не получалось, конечно, но зато я знала к чему мне стремиться.

А еще я терзала свою память «изобретением» бумаги. Я записала на пергаменте все, что смогла вспомнить про бумагу. О ее изготовлении и применении. Если бы я знала, как мне пригодится идея двоюродной сестры, то я бы не мечтала скорее сбежать к друзьям, которые как раз в те дни нашли за гаражами, где мы тусили, оценившуюся суку. И пока сестра изводила меня своей бумагой, я больше всего мечтала подержать в руках маленьких слепых щеночков. И вот их я помню совершенно четко и ясно. А про бумагу — только противный голос сестры и что-то тяжелое в руках. И потом как раз с этого тяжелого сестра и сняла толстый, грубый и желтоватый лист рыхлой бумаги. И положила под пресс. Его я тоже помню, потому что после этого мама отпустила меня на улицу.

Но постепенно мои усилия принесли свои плоды. Выжав свою память почти досуха, я накидала примерный процесс производства бумаги. Сырье, в нашем случае это листья, смешиваются в водой и режутся как можно мельче. Мы, вообще, рубили листья в блендере, и я только сейчас поняла, почему потом мама ворчала, что мы его изгадили. Затем туда же добавляется клей ПВА, перекись водорода. Смесь выкладывается на мелкую сетку, натянутую на деревянную раму. Вся конструкция несколько раз погружается в воду, так чтобы масса распределилась по сетке как можно ровнее, затем будущий лист бумаги прижимается дощечкой, чтобы выжать лишнюю воду, и полученный пласт отправляется под пресс, а потом на сушилку.

Пластиковой сетки у меня не было, но я натянула на деревянную рамку мешковину. По идее, она должна справиться с поставленной задачей, удержать мелкие частички листьев для формирования пластины.

Листья я попробовала заменить мелкими опилками, клей ПВА — клейстером из муки, который меня научила варить Белавя, а перекись водорода ничем, но то, что у меня получилось походило на лист ДСП, а не на бумагу. Рецепт я, конечно, все равно записала, в будущем пригодиться. Но вот поиски сырья для бумаги продолжались.

До тех пор, пока Злата не спросила у меня:

— Василиса, а что такое «хэбэшка»? Ты про все ткани говоришь «это же хэбэшка», это какое-то обозначение качества? Я о таком ни разу не слышала.

— Хэбэшка, — рассмеялась я, — Это значит хлопчато-бума...

Я запнулась и ошарашенно уставилась на Злату... Мать моя женщина! Вот он ответ на мой вопрос. Он всегда был перед моими глазами, а я его не видела! Я мгновенно вспомнила, что помимо макулатуры на переработку принимали и хлопчатобумажную, то есть хлопковую и другую натуральную ветошь... потому что это тоже целлюлоза. И из нее можно делать бумагу.

Хэбэшных лоскутков в мастерской у меня было воз и маленькая тележка. И я не стала откладывать испытания в долгий ящик. И в тот же вечер получила первый в этом мире лист бумаги...

Да, она была рыхлая, толстая и не слишком хорошая, и технологию придется изменять и дорабатывать, но это была именно бумага. Самая настоящая бумага.

— И-и-и! — я с визгом влетела в келью святоши и повисла на нем, не в силах сдержать эмоции. — У меня получилось! Святоша, у меня получилось!

— Что получилось, Василиса? — Улыбнулся святоша, едва удержавшись на ногах.

— Не скажу пока, — заявила я, отцепляясь от святоши, и сбежала обратно в лавку, чувствуя какую-то неловкость. Ничего же такого у меня к нему нет... Он только друг. И святоша к тому же.

А мне просто слишком далеко было бежать до Марьюшки, и слишком сильно хотелось поделиться своей радостью хоть с кем-то. И святоша просто был ближе всех моих друзей в этом мире. Но уши все равно горели.

Снег растаял стремительно. Всего пару дней назад черные, грязные сугробы источали вонь тех дней, когда бомжики еще не взяли на себя миссию по наведению чистоты в городе, а сейчас уже все подсохло, мы выскребли последние уголки города от прошлогоднего мусора и вывезли все на

помойку за город.

И вот тут меня поджидала неприятность, о которой я даже не подумала. Всю зиму мои бомжики поступали точно так же, как и раньше: вывозили отходы за город и сваливали прямо вдоль дороги, где попало. И когда все это стало активно таять, ветер принес в город такую вонь, что я прикрывала нос куском ткани. Глядя на меня, мои работницы тоже похватали лоскутки. И вскоре весь город ходил, прижимая к носам тряпочки.

И тогда я изобрела носовой платок... А чего теряться-то? Нормальных платков тут ведь не было. Были утиральники по размеру похожие скорее на небольшое полотенце. Такой с собой носить не будешь.

Чтобы повысить защитные свойства носового платочка, а значит и привлекательность в глазах покупателей, я решила пропитывала ткань настоем сосновых почек. Моя бабушка всегда ополаскивала им постельное белье и полотенца, чтобы они пахли хвоей, и я помнила, как его делать. Тем более, весна самое подходящее время для сбора сырья для такого настоя.

Платочки от вони очень быстро вошли в моду, тем более стоили они довольно дешево. А ко мне в кубышечку, наконец-то, полился тоненький, но стабильный ручеек моих собственных копеечек... Ну, то есть пен...

Но вопрос с вывозом отходов надо было решать. Смысл наводить чистоту в городе, если выкидывать мусор сразу за его стенами. И я отправилась к Светозару. Нам нужен был участок за городом для организации свалки.

Писарь был рад снова видеть меня в ратуше.

— Сударыня Василиса, — расплылся он в улыбке и заглянул мне через плечо, — а вы сегодня одна? А где святоша?

— Да, я сегодня одна. А Светозар там? — я кивнула на дверь и, получив ответный кивок, игнорируя возмущенный всхлип писаря, распахнула дверь, для приличия стукнув пару раз костяшками пальцев.

— Василиса? — Поднял голову Светозар и заглянул мне за спину, — ты одна? А где святоша?

Где-где... там! Я досадливо поморщилась. Плохо, что все привыкли видеть нас вместе. Как бы не вышло, Василиса, что собственного авторитета у тебя и нет вовсе. Только святошин.

А вот сейчас и проверим. «Эй, — тряхнула я спящую, как обычно, женщину, — просыпайся, работа для тебя есть. Надо Светозару поулыбаться.» Но, не тут-то было. Эта негодяйка открыла глаза, посмотрела вокруг затуманенным взором, равнодушно скользнув по Светозару, и снова заснула.

Это что было-то?! Не поняла я. Да совсем недавно она тут перед ним стелилась и мешала мне работать! Что за саботаж?! Живо просыпайся! Пнула я ее снова. Нам тут надо у Светозара участок выбивать! Но моя женщина плевать хотела на участок и на Светозара. Вот всегда знала, что нельзя надеяться на эту часть меня. Где я, а где женщина... Эх! Придется по старинке переть танком для достижения своей цели.

— Василиса? Что ты молчишь? Что-то со святошей? — подскочил встревоженный Светозар.

— С ним все хорошо, Светозар. А вот у нас с вами все плохо. Все наши труды насмарку из-за помойки, которую мы все устроили за стенами города. Да, к нам даже подъехать нельзя, глаза слезиться начинают. И мы должны это исправить.

Говорила я долго. Вдохновляла, убеждала, не давая Светозару вставить ни словечка, потому что видела его недовольный взгляд и складочку между бровями, которые все никак не исчезали.

Попутно несколько раз попыталась построить глазки сама. Без этой беспечной нахалки, которая продолжала дремать, игнорируя мои мысленные очень гневные крики. Но меня так перекосило, что в глазах Светозара ко всему прочему появился испуг. А он все таки вставил свое слово:

— Василиса, с тобой все в порядке? У тебя что-то болит?

Через час, вымотав и себя, и Светозара, я получила разрешение устроить помойку в ближайшем овраге в лесу. Как раз рядом с сосновым бором, где мои бомжики добывали для меня сосновые почки. Мы уже все равно негласно возили мусор и отходы именно туда. Это была победа!

— Василиса, — остановил меня Светозар, когда я уходила, — а со святошей-то что? Как он?

— Да, откуда же я знаю, — пожала я плечами, — я его уже пару дней не видела. Но вроде ничего.

— Хм... ну, ладно... — Светозар явно выглядел удивленным. Станный... Нет, ну, я конечно, взяла зимой шефство над святошей, но сейчас-то он уже сам справляется. Не мерз, не голодал по несколько дней, как раньше. Так что я с чистой совестью сложила с себя добровольные обязательства.

Организованная помойка и субботники в окрестностях города, на которые я выгоняла всех бомжиков, обогатив местный лексикон еще одним словом, спасли ситуацию. И к тому времени, когда установилась теплая погода, а дороги окончательно просохли, из города снова исчезли неприятные запахи. Но вот ароматизированные платочки, к моей радости, все так же пользовались спросом.

Одновременно с устройством свалки началось строительство бань. Дело это оказалось хлопотное и нервное. А все началось еще зимой, когда мы со святошей получили участок под бани.

Тогда святоша порекомендовал мне нанять архитектора. Я еще посмеялась, зачем для бань архитектор? Мы же не собирались строить вычурную местную достопримечательность. Просто прямоугольная коробка, с двумя отделениями: мужским и женским. В каждом одна общая раздевалка, большая помывочная и небольшая парилка.

Но оказалось, здесь архитектор не только готовит проект, но и руководит всеми процессами строительства. Вроде нашего прораба. И это было совсем другое дело. Такому архитектору и денег не жалко заплатить. Я-то думала, мне придется дневать и ночевать на стройке, чтобы строители чего не напортачили.

Архитектора нашел сам святоша. Пожилой, но еще крепкий, мужичок, с забавным именем Гостомысл, внимательно слушал мои советы, кивал, но при этом всегда поступал по-своему. А когда я злилась, молчал и прятал улыбку в пышных усах. И говорил:

— Ты, дочка, не злись. Святоша ваш добро дал.

И этот нехороший человек, всегда подтверждал его слова. Хотя я уверена, он даже не вникал в то, что я говорю. И от этого я злилась еще больше. Но это было единственным недостатком Гостомысла в остальном меня все устраивало.

А еще горожане пришли к святоше с просьбой организовать игровую площадку вроде той, что была зимой и летом тоже. Пришлось срочно делать примитивные качели, в виде палки перекинутой через камень, песочницу и скамейки для родителей. Но зато к пирожкам мы стали продавать квас и холодный отвар.

В общем, забот было столько, что мне даже некогда было подумать о приезде святого отца. А он явно было не за горами, ведь купеческие караваны уже вовсю мотались по стране, развозя новость, что в Летинске женщины вместо кирки используют обереги.

Вот тогда я, кстати, и оценила уровень доверия святоши ко мне и моим задумкам. А заодно и уровень доверия горожан святоше. Купцы не спешили ко мне за оберегами, потому что за пределами Летинска ни один святоша не рискнул подтвердить, что обереги защищают женщин от демонов ничуть не хуже кирки. И бедные женщины продолжали маяться в ящиках, ожидая вердикта святого отца.

В тот день я возилась в своем кабинете в лавке, проводила очередную серию опытов по изготовлению бумаги. Мне нужно было придумать несколько составов: для писчей бумаги, для упаковочного картона и для денег. Картон у меня уже получался, а вот с над остальными рецептами я пока работала.

— Сударыня Василиса, — вбежала ко мне Варуха. Ей единственной было разрешено тревожить меня за работой. — Вас святоша ищет. Я слышала, — добавила она шепотом, — гонец прискакал... от святого отца. Завтра уже будут.

Мать моя женщина! От таких новостей у меня рамка выпала из рук, а сердце ухнуло в пятки, заколотив там как сумасшедшее. Одно дело знать, что он придет и все решится, и совсем другое, когда это все случается на самом деле.

Я вытерла руки, скинула фартук и помчалась в храм, к святоше.

— Василиса, завтра придет святой отец. Будь готова, что он наведается и в рабочий дом, и на детскую площадку, и на стройку, и в твою лавку. И будет задавать вопросы, — святоша мерил шагами келью.

— Хорошо, — кивнула я, стараясь, чтобы никто не заметил, как мне страшно. Хватит одной истерички — святоши. Пусть он и делает вид, что ему все равно, но я то вижу, что несчастный пергамент с письмом святого отца садистски скручен и заброшен в самый дальний угол кельи. А руки у святоши трясутся и голос срывается явно не потому, что он абсолютно спокоен.

— Дитя мое, — подскочил он ко мне и схватил за руки, — не бойся, я не дам тебя в обиду. Все будет хорошо.

— Хорошо, — снова ответила я, пожимая плечами, — и вы не переживайте, святоша. Святой отец, если не полный дурак, очень быстро разберется, что к чему. Доходы от продажи оберегов такие, что он не сможет отказаться от моих пожертвований.

— Верно, — через силу улыбнулся святоша, — ты жертвуешь в храм гораздо больше всех остальных. Святой отец, я уверен, будет на нашей стороне.

— Святоша, — я сжала его ледяные руки в своих теплых ладонях, — вам не стоит так нервничать... все будет хорошо.

— Дай-то Бог, Василиса, — вздохнул святоша, — дай-то, Бог... Вместе со святым отцом наш город посетит и Великий князь...

— Великий князь приедет завтра?! — ахнула я. Вот тут я заволновалась. Чувствовала я себя так, как Магомед, к которому совершенно внезапно пришла гора, пока он собирался пойти к ней.

— Да, — выдохнул святоша, — это он прислал мне письмо...

Мать моя женщина! Я быстренько попрощалась со святошей и помчалась обратно в лабораторию. У меня есть всего одна ночь, чтобы довести до ума состав бумаги. Я буду дурой, если упущу такой шанс.

Все же цейтнот стимулирует умственную деятельность. А иначе как можно объяснить, что за одну ночь у меня получилось сделать то, что я безуспешно пыталась сделать несколько недель. А все потому, что у меня закончились лоскутки, и я добавила в бумажную смесь предыдущие листы, мелко порубив их на кусочки. Уж не знаю, что за магия сыграла, вроде бы и там и тут одно и то же, но бумага получилась намного лучше качеством, чем раньше.

Это был прорыв. Такие листы уже не стыдно было нести самому Великому князю. Осталось только дожидаться, когда они хорошо спрессуются и высохнут. Но ведь он, наверное, не на один день приехал.

Когда взошло солнце, и я уже засыпала, прикорнув прямо на лавку, вдруг вспомнила, что у Великого князя есть жены, которым всенепременно нужно подарить обереги. Пришлось вставать и идти копошиться в своем бауле, выбирая трусы достойные королевы. И упаковывать их в пакеты-трусики, чтоб было красиво и достойно сделать подарок княгиням. Интересно, а сколько их? И сколько он привезет с собой? Надеюсь, не больше семи... а то я приготовила в подарок набор-неделку. Не хотелось, бы чтобы супруги перессорились, а меня посчитали виноватой.

14

Поезд с Великим князем и святым отцом мы вышли встречать за город.

Святоша, Светозар со всеми четырьмя женами и я, затесавшись в их компанию стояли на дороге в метрах ста от моста через ров, ограждающий город. Храмовые послушники, перепуганные бомжики и все остальные горожане теснились позади нас.

Солнце жарило совсем по летнему, и если бы не прохладный ветер, то мы сдохли бы на этой дороге всем городом от жары. Что за идиотский обычай кланяться Великому князю в чистом поле?

Ждали мы долго. Часа три не меньше. Я так устала за эту безумную ночь, что дремала прямо стоя, не обращая внимания на ноющие ноги. И, заснув, пропустила момент, когда поезд показался на горизонте. Как они подъехали и остановились в десяти шагах от святоши и Светозара — тоже. И даже явление святого отца и Великого князя перед народом, я тоже проспала.

— Василиса, — проснулась я от шипения Марьюшка, — кланяйся!

И только машинально согнувшись в пояском поклоне, прижимая руку к левой стороне груди, я окончательно пришла в себя. Такой поклон в обычной жизни не употреблялся, им приветствовали только Великого князя и святого отца. И я нарочно тренировалась каждый вечер, чтобы не отличаться от местных, доводя поклон до автоматизма. И хорошо, а то бы стояла столбом одна среди всей толпы, не сообразив спросонья, что нужно делать.

— Приветствую вас, люди добрые, — обратился к нам Великий князь.

— Приветствую вас, дети мои, — эхом повторил святой отец.

Святоша и Светозар что-то отвечали, а я дернула Марьюшку за рукав. Но она, не поворачиваясь, шикнула на меня. И я промолчала.

Хотя мне страшно хотелось спросить, а не братья ли святой отец и Великий князь? Очень уж сильно они были похожи друг на друга. Не близнецы, Великий князь явно был старше, но все же.

А тем временем Светозар и святоша закончили витиевато радоваться приезду таких высоких гостей и отошли в сторону, оставляя нас в первом ряду. Я дернулась было уйти тоже, но Марьюшка железной рукой и тихим шипением остановила меня. Первая жена Светозара недовольно взглянув на нас, повела плечами и выплыла навстречу гостям:

— Великий князь, — легко склонилась она, касаясь кончиками пальцев земли, — святой отец, — повторила поклон... как с нее украшения вне не попадали... она-то ими, как елка новогодняя, увешана была.

Потом пошла вторая жена, третья, Марьюшка выпустила меня и отправилась кланяться в свою очередь, а я бочком-бочком попыталась исчезнуть. Но не тут-то было.

— А ты кто, дитя мое? — Святой отец смотрел прямо на меня, — Светозар, неужто ты еще раз женился? Почему же о жене не заботишься, негодник?

— Нет, отец, — прогудел Светозар, — отказала мне Василисушка.

— Хм, — хмыкнул он плотоядно оглядывая мою фигуру. Мне прямо стыдно стало, будто бы я посреди улицы голая стою. Женщина во мне недовольно зашипела, а у меня зачесались кулаки, так захотелось святому отцу фейс поправить. Вот ведь, старый охальник. Ведь мне в отцы годиться, а все туда же. А еще святой отец! Но я вовремя вспомнила про костер под ногами и сдержала злость. От этого, правда, покраснела так, что со стороны казалось, будто бы раздевающий взгляд святого отца, меня страшно смутил.

— Хватит девиц смущать, святой отец, — густым, сочным и гулким басом ответил Великий князь. У меня даже женщина встрепенулась и заинтересованно посмотрела в сторону князя. Этот голос будоражил, волновал и задевал какие-то струны в самом сердце. И тут я покраснела не от злости, а от того самого смущения.

— Уж, кто из нас, Великий князь, — фыркнул Святой отец, — девиц смущает. — И обратился ко мне, — иди сюда, дитя мое, не бойся. Можешь ты нам поклониться. Позволяем.

Что?! Да, больно надо! Думала я, выступая вперед и стараясь не идти, а плыть, как Светозаровы жены. Не знаю, что уж получилось, за спиной раздались сдавленные смешки, а Великий князь и святой отец, заулыбались, но я подползла ближе и склонилась в поклоне, приветствуя дорогих гостей. Не время качать права, подо мной разгораются дровишки, а у меня в мастерской сохнет бумага для будущих денег... ради такого можно и прогнуться.

А женщина еще умудрилась сверкнуть глазом Великому князю.

Он едва заметно улыбнулся и кивнул:

— Василисушка, — заговорил он, — отобедай сегодня с нами, красавица. А ты Светозар, вели женам платье для Василисушки получше подобрать.

Интересно, а чем им платье мое не угодило? Я, между прочим, самый лучший наряд для этой встречи надела.

— Прошу прощения, Великий князь. — пока я возмущалась, женщина взяла все в свои руки и снова поклонилась князю, касаясь рукой сердца, — но негоже человека судить по наряду. Святой отец в простой рясе рядом с вами стоит, а по силе и влиянию ничуть вас не слабее. Главное не то, что надето, а то что в сердце и душе человеческой. Красивое платье не изменит порочную душу, а убогий наряд не испортит чистую... позвольте мне остаться в своем платье, и я с радостью развлеку вас интересной беседой во время обеда.

— Хм, — хмыкнул Великий князь и кивнул, принимая мои условия.

— Хм, — эхом повторил святой отец и толкнул локтем князя, — хороша девка...

— Хороша, — ответил он, улыбаясь.

— Великий князь, святой отец, — спас меня святоша, — Светозар приготовил вам покои, где вы сможете отдохнуть перед обедом...

— Да, — согласился Светозар, — милости прошу в мой город...

На этом встреча закончилась и поезд потянулся за стены Летинска, длинной змеей прополз по улицам, теряя по дороге хвост, потому что жители потихоньку рассеивались, и втянулся во двор Светозарова дома.

Я тоже хотела было исчезнуть, но Марьюшка, как схватила меня в самом начале пути, так и не выпустила. Но зато пока шли, я все же смогла удовлетворить свое любопытство. Великий князь и святой отец на самом деле оказались братьями.

— Василиса, — возмущенно зашептала моя подруга, волоча меня за собой, — из какой дыры ты вылезла, что не знаешь о родстве святого отца и Великого князя? Даже в нашей деревне, самый убогий крестьянин знал об этом.

Марьюшка была права. Поэтому я прикусила язык и больше ничего не спрашивала. Нельзя, чтобы кто-то заподозрил, что я не местная.

Светозар специально провел гостей длинной дорогой, умудрившись за один раз показать все: и нашу организованную свалку, и будущие бани, и детский городок у храма и мою лавку. А чистые улицы и бочки для отходов, они заметили и сами.

Я так и шла сразу следом за гостями и святошей со Светозаром, вместе с его женами, поэтому все видела и слышала. Наши новшества, если и не привели в восторг высокую инспекцию, но все же понравились. И это вселяло надежду, что обереги будут приняты благосклонно.

А потом я принесу им бумагу... ее-то еще даже святоша не видел. Сюрприз будет для всех.

Как только мы вошли во двор, Марьюшка утащила меня к себе. И откуда в ее руках столько силы? Я же всю дорогу пыталась вырваться из ее хватки, но у меня ничего не получалось. Вот и сейчас, она швырнула меня на табуретку перед перед столиком, на котором стояли крошечные горшочки с местными красками. Зеркала только не было.

У Марьюшка была полированная металлическая пластина, которая заменяла здесь зеркало, но только маленькая. Примерно с тетрадный лист. И хранилось это «зеркало» в сундуке в мягкой тряпице. Жаль я не знаю, как делать стекло и зеркала. Дали бы мне время подготовиться к переселению, я бы не баул трусов собой захватила, а баул с учебниками.

— Василиса, — Марьюшка достала из сундука платье, — вот это тебе, кажется впору будет. Примерь. Сейчас мы из тебя такую красоту сотворим, сам святой отец не устоит.

— Нет, — покачала я головой, — спасибо тебе, подружка, но я, пожалуй, в своем пойду. Я же обещала гостей беседой развлекать, а не взгляд радовать...

Ага... а то я не знаю, что женщина, в представлении мужчин, может быть либо умной, либо красивой. Лично для меня в этот раз предпочтительнее быть умной. Мне же нужно им еще про бумагу задвинуть так, чтобы они мне поверили.

Как же я ошибалась... Но поняла я это только тогда, когда села за стол.

Великий князь и святой отец сидели во главе стола. Рядом со святым отцом расположился святоша, а за ним еще какие-то мужчины в рясе. Наверное, они тоже приехали, потому что их я в городе раньше не видела.

Светозар сидел со стороны Великого князя. А за ним все его жены. Потом бояре и приближенные, и только потом я... Фактически мое место оказалось прямо напротив гостей, но слишком далеко, чтобы вести беседу.

Праздничный обед должен был плавно перейти в ужин, и я вяло ковыряла еду в тарелке. Есть уже не хотелось, хотелось пойти в лабораторию и посмотреть, что там с моей новой бумагой. Но вместо этого я сидела и слушала неясный гул и смех на другом конце длинного стола и готовилась потихоньку слиться из пиршественного зала.

Мои соседи увлеклись беседой. Святоши слева на полном серьезе обсуждали сколько демонов могут поместиться на кончике булавы.

Справа, бояре из свиты Великого князя спорили о том, как низко должны им кланяться простолудины.

А я улучила момент и незаметно выскользнула из-за стола. Хватит. У меня уже уши в трубочку сворачиваются и смех разбирает.

Но сбежать не удалось. Только я тихой сапой вылезла из-за стола, как раздался голос Святого отца:

— Куда же ты, Василиса? Неужто наше общество тебе не по нраву?

Вот ведь! И ведь даже не смотрел в мою сторону! Как заметил. Но раз уж так, то...

— Даже не знаю, — сокрушенно вздохнула я и потупила глазки, — что вам ответить, святой отец. От



моего места, — я кивнула опустевшее место на скамье, — до вашего общества слишком далеко, чтобы оценить его привлекательность.

Приехавшие святоши разом возмущенно ахнули, бояре посмотрели недовольно, а святой отец с Великим князем переглянулись и расхохотались.

— Есть истина в твоих словах, — согласился со мной святой отец, когда отсмеялся. И кивнул святоше из своей свиты, сидевшему рядом с нашим святошей, — пересядь! А ты, Василиса, — махнул он рукой, подзывая меня, — иди сюда. И то верно, держать такую языкастую да красивую девку лучше под рукой.

Вот это уже другое дело! Я радостно поскакала на новое место. Там я, во-первых, буду знать, что они говорят о моих новшествах, во-вторых, смогу по необходимости вставить словечко, и, в-третьих, наведу мосты по поводу бумажных дел.

— Василиса, — Великий князь обратился ко мне, как только я примостила попу на место, — Светозар говорит, что идея привлечь нищих и бродяг к уборке города, расставить мусорные бочки и вывозить мусор строго в одно место принадлежит тебе?

— Великий князь, — склонила я голову, — я бы могла сказать, что это так и есть, и вы никогда бы не узнали правду. Но я не хочу вам лгать. Я просто дочь купца, и всю свою жизнь прожила в деревне и не видела ничего, кроме окрестных лесов и полей. Но вот мой отец, упокой Бог его душу, объехал весь белый свет и повидал много стран и народов. Все, о чем вы говорите, это его идеи. Он рассказывал мне о них, возвращаясь из путешествий. А я всего лишь попыталась воплотить их в жизнь...

Свалила я вину на папочку. А чего? Он же должен когда-то принести мне пользу? Вот пусть теперь отдувается.

— Кхм-кхм, — кашлянул Великий князь и взглянул на меня с подозрением, — но купцов, Василиса, много. Однако, никто из них не додумался до того, что ты сотворила.

Он не сказал, но я четко поняла, что речь не о чистоте в городе... вернее, не только чистоте, но и об берегах тоже.

— Князей, Великий князь, тоже много, — улыбнулась я, — но Великий только один. Мой отец был купцом, но он умел видеть то, что скрыто от глаз других людей.

— Ох, и хитра ты, купчиха, — фыркнул святой отец, — ты, брат, посмотри, как ловко вывернулась. А мне что скажешь, Василиса? Почему береги твои от демонов защищают не хуже кирки? Может это происки дьявола, чтобы род человеческий извести?

Началось! Я незаметно вдохнула, и слегка обозначила улыбку, хотя внутри все затряслось от страха. Святой отец дружелюбно улыбался и делал вид, что все это не больше, чем шуточная беседа. Но я видела, как на мгновение блеснули холодным, расчетливым льдом его глаза из-под маски доброго священника. Нет, святой отец, отправляющий людей на костер, а я помнила рассказ святоши, не может быть добрым. Никак. Никогда. Он может только претворяться веселым шутником, хохочущим над глупыми шутками.

И от того, что я сейчас отвечу, будет зависеть мое будущее. Либо я буду работать и зарабатывать деньги себе и храму, либо меня просто напросто сожгут, как ведьму.

— Святой отец, — я снова начала медленно и осторожно переводить стрелки на других, — а разве женщин кирка деревянная защищает, а не крест святой, которым святоша в храме ящик осеняет? Разве не молитва святоши покой женщин хранит? Разве не Бог людей от демонов бережет?

Великий князь, внимательно слушавший нас, громко фыркнул в точности, как брат до этого:

— Хитра купчиха, твоя правда, брат...

— А почему храму девять десятин прибыли отдаешь? — перебил его Святой отец, подозрительно глядя на меня. А я порадовалась своей предусмотрительности.

— Потому что береги мои без благословения святоши всего лишь кусочек ткани, святой отец. Так же, как кирка — всего лишь деревянный ящик. И каждый получает то, что заслуживает. Я за ткань, а храм за веру.

Великий князь стукнул по столу и расхохотался, бояре сдержанно улыбались, святоши же молча ждали реакцию святого отца. А он смотрел на меня пристально и молчал.

И я тоже не отводила от него глаз. Если уж мне придется попасть на костер, то я лучше сдохну, чем

буду умолять о снисхождении. Да, это было глупо и безрассудно, но когда я злилась, мне было плевать на доводы разума. А сейчас я злилась.

— Ты не похожа на остальных женщин, — задумчиво произнес он.

— Сомневаюсь, святой отец, что вы знакомы со всеми, чтобы это утверждать.

Он удивился. Я четко это увидела.

— А ты не боишься, что я отправлю тебя на костер?

— Боюсь, — честно ответила я, продолжая смотреть прямо ему в глаза, — но думаю, что могу принести гораздо больше пользы храму и лично вам, если останусь жива. Я уверена, святоша говорил вам о наших планах по поводу сиротских приютов и социальных центров. Это укрепит веру. Но это еще не конец. Идеи моего отца, — я постучала пальцем по виску, обозначая место их хранения, — еще не закончились.

— Говорил, — кивнул святой отец, — но мне нужны гарантии, что ты не обманешь, не бросишь храм на полпути, выйдя замуж за какого-нибудь купца.

— Я не пойду в монашки! — воскликнула я, мгновенно сообразив, что свяжет меня с храмом на веки вечные. Вот уж точно, лучше сразу в костер.

— Нет, — покачал он головой, — не пойдешь. Не годишься ты, Василиса, в монашки. — Я с облегчением выдохнула. — Ты пойдешь за меня замуж.

Что?! Замуж за святого отца?! Челюсть стукнулась об коленки и упала на пол. Мозг пребывал в ступоре, пытаюсь понять — а не заснула ли я за столом после бессонной ночи?

А вот общество восприняло слова святого отца неоднозначно. Великий князь смотрел на меня с пренебрежением. Светозар открыл рот и с интересом ждал, что я отвечу. Наш святоша уставился в тарелку и скреб вилкой, как будто бы там ко дну прилипла золотая гинна.

Но никто не был удивлен. И это было еще большим шоком. А что так можно было?! А вдруг я все же ослышалась?

И только женщина во мне не потеряла самообладания.

— Простите, святой отец, — мягко и, как обычно, слегка растянуто произнесла она и виновато улыбнулась, опустив глаза, — но я вынуждена вам отказать.

И взгляд полный сожаления и раскаяния за содеянное прямо на священника. И тот заморгал, проглотив слова, которые собирался произнести.

Светозар довольно фыркнул. Великий князь вскинул бровь, а святоша наконец перестал царапать тарелку. А моя женщина с той же жалобно-печальной интонацией продолжала:

— Ваше предложение, огромная честь для меня, святой отец. Но, увы, сердце мое отдано другому.

И тут до моего ошарашенного мозга дошло! Раз святой отец может жениться, значит и святоша тоже! Я изо всех сил пнула святошу под стол и решительно сказала, перехватывая инициативу:

— Святой отец, мы со святошей решили пожениться, — Я еще раз незаметно пнула своего «жениха», чтобы он не смел отказываться. — Мы любим друг друга, и он буквально вчера сделал мне предложение.

От такой новости «жених» поперхнулся и закашлялся. И Светозар тоже... И святой отец... И даже Великий князь... а этот-то чего?

Нет, я замуж за святошу, конечно же не собиралась. Но это единственное, что пришло мне в голову, в качестве уважительной причины для отказа святому отцу. Ибо, не дура, поняла, что на от такого предложения не отказываются. Это даже не Светозар, это целый святой отец! Но замуж за этого старика?! Да ему лет больше, чем моему вымышленному отцу-путешественнику! И в жизни не поверю, что он до сих пор не женат. А значит быть мне сто пятисотой женой. Ну, уж нет. Пока отмажусь так, типа, помолвка со святошей, все дела... а потом, простите-извините, не вышло... разбежались, бабки врозь. Ну, какая из меня попадья? Вот-вот... Такое даже в самом страшном кошмаре не приснится.

Лишь бы святоша подыграл. И я затараторила, глядя на него и подмигивая обоими глазами:

— Мы решили объявить о помолвке чуть позже, а свадьбу сыграть по первому снегу, да, милый?

Правда, чтобы святоша на меня посмотрел, пришлось пнуть его под столом в третий раз.

— Д-да... — выдавил святоша и привел лицо в должный вид. А то оно у него слишком удивленное было, — д-да... Василиса говорит правду, святой отец... — Только смотрел он при этом почему-то не на того, к кому обращался, а на Великого князя.

Светозар заулыбался и подмигнул мне. Святой отец молчал, пристально глядя на нас обоих. А вот Великий князь с силой швырнул приборы и, ни слова не говоря, выскочил из-за стола... За ним сбежала его свита... Ничего не понимаю... Чего это он так разнервничался?

— Хм, — отмер святой отец, взглянул на опустевшую половину, — эта новость очень неожиданная, сын мой, — обратился к святоше, — но я поздравляю вас. А сейчас я должен вас покинуть...

Вторая половина гостей исчезла так же быстро, как и первая. И за длинным столом остались только мы со святошей, Светозар и его жены.

— Василиса, — кинулась ко мне обниматься Марьюшка, — поздравляю! И вас, святоша!

— Ну, ты дал, друг, — загудел Светозар, — а ведь мне совсем другое говорил...

— Марьюшка, — я с силой отцепила визжащую младшую жену и зашептала ей на ухо, — не дури. Никакой свадьбы не будет.

— Как это не будет? — удивленно округлила глаза подруга.

— Обыкновенно. Мы со святошей только притворились, чтобы святой отец не обиделся на отказ.

— Притворились? — снова не поняла она.

— Ну, да! Сама подумай, какие между нами могут быть чувства?

— Любовь? — выражение лица Марьюшки из удивленного снова стало восторженным и одухотворенным.

— Ага, — фыркнула я, — ненависть! Да, он же теперь меня не может!

Марьюшка внимательно посмотрела на меня, вздохнула и произнесла:

— Васька, ты иногда такая дура.

— Сама дура, — зашипела я.

— А почему вы нам не сказали? — Светозар закончил витиеватое поздравление и теперь начал задавать вопросы святоше.

— Не было подходящего случая, — встряла я. Не дай Бог, святоша проболтается, что я все это придумала, а кто-нибудь донесет святому отцу, и все... гореть мне в огне. Гореть в аду за обман святого отца я не боялась. Это, во-первых, когда еще будет! Я как минимум лет пятьдесят собираюсь прожить. И счастливо, а не младшей женой в гареме святого отца. А во-вторых, если помру, то мне уже какая разница, что там дальше... да?

— Великий князь зовет вас к себе, боярин, — в дверь трапезной заглянул слуга, — велел поторопиться.

Светозар попрощался и, забрав жен, исчез, оставляя нас со святошей наедине.

15

Мой «жених» все это время так и просидел, держа у руках вилку и расстроено глядя в пустую тарелку. Еще бы, вздохнула я, и гинны там не оказалось, да еще и я его в неприятности втянула.

— Святоша, вы сердитесь? — присела я рядом и положила ладонь на руку, в которой была вилка. На всякий случай. Чтоб не ударил ненароком. — Ну, мне просто больше ничего в голову не пришло, а обижать святого отца отказом не хотелось.

— Нет, я не сержусь, — улыбнулся он. А потом и вовсе расхохотался. — Ох, Василиса, откуда ты такая на мою голову свалилась?! Вот скажи, как ты умудряешься в один короткий миг все с ног на голову перевернуть, а? Да еще и так, что злиться на тебя просто не за что?

— Да, что я опять сделала?! — возмутилась я. И добавила, — не собираюсь я за вас замуж. Можете не беспокоиться. Только подыграйте мне чуток, а? Пожалуйста! — Взмолилась я. — А как святой отец уедет, все будет по-старому... я сама по себе, вы сами по себе, со своей... ледью, — тут я

немного не выдержала и добавила в голос презрения, обозначая свое отношение к леди Элеоноре.

А святоша посмотрел на меня ехидно и фыркнул.

— Меня Златослав зовут... а то уже невестой стала, а имя до сих пор не просила.

Мне так хотелось добавить, что даже секс не повод для знакомства... Но я промолчала. Ну... мало ли... Зачем быка красной тряпкой дразнить.

А имя у святоши красивое... денежное....

Весь этот день я так и провела у Светозара в доме. Святошу почти сразу после вызвал к себе святой отец, передав мне наказ никуда не уходить.

И я сидела в покоях у Марьюшки, пила бесконечный чай и мучилась от безделья. И это при том, что у меня столько важных дел! У меня там бумага сохнет, которую надо Великому князю показать. И трусики с оберегами, то есть пакет с трусами, часа своего ждет. А еще надо один такой же приготовить для жен святого отца... ну, раз уж они есть.

А я вместо этого сижу за столом, пью чай и пытаюсь игнорировать эмоциональную речь моей подруги. Она никак не могла успокоиться, и выговаривала мне по очереди за то, что я обманула святого отца, за то, что я обманула святошу... вот тут я, вообще, ничего не понимала. Как я его обманула-то? За то, что я ничего не понимаю в мужчинах, раз не вижу, как святоша на меня смотрит.

Но я-то как раз вижу... ну, всегда видела. Смотрит он на меня, как на кусачую букашку, которая мешает жить спокойно. Я же перевернула его жизнь с ног на голову. Создала кучу проблем и, вообще, устроила суматоху, которую он терпеть не может. Ему нравится, когда жизнь течет медленно, неспешно, как река на равнине. А теперь ему приходится бежать, чтобы остаться на месте. И это при том, что я еще почти ничего не сделала.

У меня вон к осени строительство сиротского приюта запланировано, если у Светозара место выбью. Я ему уже намекала, но он пока еще не понял, о чем я говорю. И все это делается же от храма... И хотя я сама занимаюсь всеми вопросами, но это же временно. Я же всего лишь ненастоящая невеста. Вот пусть его ледя там потом работает. Мне главное легализоваться в новом мире, и я в столицу укачу. Там все же цивилизации побольше, наверное.

Марьюшка уже пошла по десятому кругу, а я дремала, закрыв глаза и облокотившись об стол, неспешно перекатывая в голове мысли, когда в дверь постучали. От Великого князя пришел посланник и велел мне идти к нему.

Вот что интересно, время другое, мир другой, а начальство везде одинаковое. Помариновать подчиненных в приемной — это же любимое дело.

— Василиса, не буду тянуть время и скажу тебе сразу. — Великий князь сидел за столом в кабинете Светозара и приглашающе махнул рукой, указывая на стул. Он был весьма раздражен и даже зол. А вот это очень плохо. Кто-то постарался, раздраконил Великого князя, а я теперь отдувайся?! — Свадьбы не будет! Мне плевать на ваш детский лепет о чувствах. Я запрещаю вам со Златославом жениться.

Я присела на стульчик и пожала плечами. Мол, ладно, не стоит так злиться и, вообще, с чего столько беспокойства?

— А ты выйдешь замуж за святого отца, раз уж ему так нужно привязать тебя к храму. — жестко закончил Великий князь.

— Не выйду! — Вырвалось у меня прежде, чем я успела что-то осознать и подумать. А когда подумала... да, черт с ними с бумажными деньгами! Бумагу я и на золото могу обменять. Обойдусь без помощи Великого князя. Как-нибудь справлюсь, а потом он сам ко мне с поклоном придет и с моих рук есть будет. И вот тогда я отыграюсь. Он мне золотыми гиннами заплатит за свою недалекость. Ишь, захотел меня к старику в гарем сплавить! Не бывать такому!

— Выйдешь, я сказал! — Рывкнул он так, что со стен посыпалась штукатурка... или глина. Бог его знает, чем тут стены мазали. А бедный писарь что-то уронил в соседней комнате.

Великий князь не привык отступать. И давил на меня так, что я физически ощущала его стремление заставить меня сделать так, как хочет он. Но и я уже закусил удила и уперлась, как танк на последнем рубеже.

— Не выйду! Я дала клятву отцу перед лицом Бога, что не буду очередной подстилкой в гареме, — зарычала я. — И я сдержу свое слово, чего бы мне это ни стоило!

— Выйдешь! Святой отец способен освободить тебя от этой клятвы, — Великий князь вскочил и навис надо мной закрывая половину неба. Но я уже не контролировала себя, как всегда во время вспышки гнева.

Вскочила тоже, уперлась об стол кулаками, приподнимаясь на цыпочки, чтобы выглядеть побольше и постаралась тоже нависнуть над врагом, запугивая его своей яростью.

— Не выйду! — зашипела я тихо, но очень выразительно. — И, вообще, кто вы такой, чтобы запрещать нам жениться?! Ладно бы святой отец был против, как никак начальник. Но он-то за! А вам не должно быть до этого никакого дела!

Я с трудом сдерживала крик, остатками мозга понимая, что это была бы роковая ошибка. Вряд ли князь простит, если какая-то купчиха начнет на него орать. Давно никому не удавалось вывести меня до такого состояния, меня просто колотило от эмоций.

— Хватит напоминать о моей ошибке! — взвился Великий князь и заорал, — я был зол! — От крика у меня даже уши заложило. — И у меня была для этого причина! Но сколько бы я потом к нему не ходил, он так и не простил меня! Меня! Хотя это он должен умолять меня о прощении!

Что за чушь он несет? Я даже не нашлась, что ответить. И хорошо. Потому что следующая фраза отправила меня в нокаут:

— А я его отец! Даже если он об этом уже забыл!

Я плюхнулась на стул и замерла, открыв рот. Но и сам Великий князь после этих слов резко остыл и сел на место, и закрыл лицо руками...

— Я его отец, — прохрипел он сорванным от крика горлом. — Отец...

— Отец? — переспросила я... а вдруг мне все же послышалось.

— Он тебе даже не сказал? — вскинулся Великий князь, его голос слегка хрипел после крика, и добавил вкрадчиво, почуяв слабинку, — значит не так уж он тебе и доверяет, Василиса. Если он скрыл, кто его родители, значит он может скрыть от тебя и что-то другое. Например, то, что ты у него совсем не первая жена, и даже не вторая.

— Что?! — опешила я. Святоша женат?! Да еще, поди, на этой своей леди, чтоб ей пусто было! Вот ведь гадука какая! Мне безумно захотелось свернуть шею этой наглой и бесстыжей «лебледи» прямо сейчас. Я ощутила, как трепещет в руках ее толстая и жирная шея с тремя подбородками. Ладно, с неохотой призналась я сама себе, два из них я придумала. Но все равно, пусть эта коза только появится в моей лавке, уж я ей такие обереги продам, что святоша с криками из спальни сбежит!

Я была страшно зла и совсем забыла, что сама-то замуж за святошу не собиралась. Но ведь это же не повод жениться на этой мымре, леди Элеоноре?!

— Да-да, — прибодрился Великий князь, — если ты выйдешь замуж за Златослава, то нарушишь обет данный своему отцу. И я гарантирую, святой отец откажет тебе в снятии клятвы, даже если Златослав сам придет простить его об этой милости. По-родственному.

Невольно я представила, как святоша просит что-то у святого отца, так же, как в прошлый раз...

— Не удивительно, Великий князь, что святоша забыл о вашем родстве, — я встала со стульчика и сделала шаг назад, — на его месте я бы тоже предпочла забыть об этом. — Мне вдруг стало так мерзко. Как Великий князь может так спокойно общаться с человеком, который отправил его ребенка на костер? И я сделала еще шаг назад, приближаясь к двери, — вы обвиняете Златослава в смерти брата, но при этом сами очень мило улыбаетесь тому, кто даже не стал разбираться виноват его племянник или нет. Простите, но я тоже, как и мой жених, считаю, что вы недостойны быть его отцом, и предпочту забыть ваши слова о родительской, — выделила я интонацией, — воле.

Я понимала кому и что говорю. И вполне может быть, что за эти слова и за отказ отменить свадьбу, меня отправят на костер. Но обида за святошу и неприязнь к его отцу была столь велика, что мне стало все равно.

Я сделала еще шаг, выскочила за дверь и столкнулась нос к носу со святым отцом. Он смотрел на меня с легкой улыбкой, и я точно знала, он все слышал. Все, до единого слова.

— Василиса, стой! — Святой отец попытался остановить меня, но я увернулась от его объятий и помчалась домой. Надо собрать вещи и валить... куда-нибудь... в другую страну, например. А может мне повезет и получится в другой мир?

Но сбежать мне не удалось, меня поймал чертов писарь. Схватил своими лапищами и с силой сжал, у меня все косточки затрещали. Надо предложить святому отцу, некстати мелькнула мысль, изгонять так демонов яйца. Тогда некоторые охочие до Большого Уда курицы перестанут к чужим женихам таскаться.

— Пусти, гад!

Я попыталась вырваться, разжав стальную хватку воина пера и бумаги... тьфу... пергамента, но он держал крепко, и сил мне хватило только на один палец — мизинец. Я осознала, ничто не спасет меня от костра, и тут моя женщина неожиданно завизжала, выдав звуковую волну предельной частоты и громкости. Даже я вздрогнула, а бедный писарь выпустил добычу из рук и затряс головой. Надо же, я с уважением посмотрела на женскую половину себя. Не знала, что она такая опасная.

— Василиса, — святой отец перегородил мне выход, воспользовавшись моментом. Нечего было даже думать о том, чтобы обойти его, — когда случилась беда с моим племянником, я не был святым отцом. А мой брат не был Великим князем.

— Мне все равно, — выпалила я, — выпустите меня!

— Я не позволю Златолаву жениться на безродной купчихе, — Великий князь недовольно сверкнул глазами на брата, — либо ты сам женишься на ней, либо я отправлю ее на плаху за оскорбление Великого князя.

Я мысленно охнула, чувствуя, как задрожало по коленкам. Мало мне было костра. Так теперь еще и плаха?

— Не спеши, брат, — улыбнулся святой отец, — давай сначала расскажем девочке, как все было.

— Мне не интересно, — снова огрызнулась я, усаживаясь поудобнее.

А святой отец только насмешливо фыркнул и начал рассказ:

— Ты была слишком мала и не помнишь, в тот год от рук заговорщиков погибли оба наследника правящей семьи: и княжич, и святоша, а сам Великий князь выжил чудом, и очень долго находился между жизнью и смертью. Всем стало понятно, что смены правящей династии не избежать, и началась борьба между княжескими родами за возвышение. Наш род один из самых древних и уважаемых, и с самого начала наши шансы были очень велики. Тем более мы с братом сумели сохранить дружеские отношения, несмотря на то, что жили разной жизнью: он мирской, а я духовной.

Святой отец сделал паузу и прокашлялся, давая мне время понять, что же случилось на самом деле. И подтвердил мою догадку:

— И в этот момент Златослав отправился к святому отцу, который терпеть не мог нас с братом, и сообщил, что наследный княжич нашего рода балуется демонологией. Как ты думаешь, были ли у него шансы на честный суд? — спросил он у меня. И сам же ответил, — ни единого, Василиса. Я пытался остановить его, но в тот момент я был всего лишь святошей, пусть и в столичном храме. — он вздохнул.

Великий князь сидел за столом и молчал, а мне было жутко стыдно за то, что я так плохо про них подумала.

— Мой брат, — закончил рассказ святой отец, — вышел из себя и отрекся от Златослава. Потом он, конечно, понял свою ошибку и попытался все исправить, но мой племянник упрям, как тысяча ослов, и ни в какую не соглашается на примирение. И если ты нам поможешь вернуть его в лоно семьи, мы позволим вам пожениться...

Я открыла было рот, чтобы сказать, что фигешки пойду замуж за этого казанову. Пусть вон со своей ледью счастливо живет. Но потом закрыла. Я же все равно замуж за святошу не собираюсь. Это же понарошку... А вот Великий князь не смолчал:

— Нет! Я не позволю моему сыну жениться на купчихе!

— Ну, нет, так нет, — развел руками святой отец и обманчиво мягко улыбнулся, — пусть не женится. Пусть остается святошей в этом городке и отказывается от наследства дальше. А после нас на Великокняжеский престол войдет другой род, раз уж оба наших наследника остолопы.

— Я найду способ вернуть Златослава, — рыкнул Великий князь.

— Хорошо, — снова улыбнулся святой отец, — допустим. Но посмотри, что мои люди нашли у этой

девочки. — он сунул руку в рясу и вытащил оттуда мою бумагу.

Я просто задохнулась от возмущения... Да, что он себе позволяет?! Это мой кабинет! Да я даже Варуху туда не пускаю!

— Бумага?! — Великий князь тщательно ощупал листок, — странная. Грубее, чем ситайская... Твой отец привез ее? — обратился он ко мне.

Но с другой стороны, я улыбнулась и мысленно потерла лапки, вот он мой шанс продать бумагу как можно дороже.

— Да, Великий князь, — склонила я голову в легком поклоне, — мой отец возил бумагу из Ситая, но кроме того он привез еще и рецепт ее изготовления. Эти листы я сделала сама, по технологии, которую мне передал мой отец.

— Это правда? — перебил мою презентацию Великий князь. Он тербил лист бумаги и смотрел не на меня, а на святого отца.

— Правда, — кивнул он, — я сам лично видел, где она ее делала.

— На бумаге можно записывать указы, печатать книги, рисовать. Из нее даже можно делать деньги, — продолжала я, но меня никто не слушал. Или делал вид, что не слушает.

— Сколько бумаги ты можешь изготовить? — теперь меня перебил святой отец.

— Столько, сколько нужно, — улыбнулась я как можно шире, — производство несложное, уже через месяц мы сможем делать по несколько сотен листов в день.

— Ситайцы не продадут тебе столько шелка, — возразил Великий князь и сам же себе ответил, ощупывая бумагу, — хотя это точно не шелк...

— Нет, — кивнула я, — сырье местное и к тому же весьма дешевое.

— Но я все равно против, чтобы Златослав женился на купчихе! — Великий князь смял драгоценный листочек и швырнул в угол. — Женись на ней сам!

— Нет, — хором ответили мы со Святым отцом.

— Я не пойду за него замуж!

— Златослав не простит нас, если я заберу его невесту, — Святой отец улыбнулся и подмигнул мне, — но я знаю, как сделать так, чтобы и овцы целы и волки сыты. Мы можем выдать боярскую грамотку, брат. Но не ей, — он махнул в мою сторону, — а ее отцу. Мол, за заслуги перед отечеством. Так будет и честнее, ведь это он выкрал рецепт бумаги у ситайцев, и Василиса получит титул по-наследству.

— Мой отец давно умер, — сочла нужным напомнить я. Грамотку-то я хочу, но где сейчас отца им возьму? У меня его отродясь не было.

— Вот-вот, — кивнул Святой отец, — и грамотку мы ему выдадим задним числом, и станешь ты Василиса наследной боярыней. А это, брат мой, совсем другой статус. Такую невесту и княжичу взять не стыдно. А уж святоше тем более. Никто и слова не скажет против.

Великий князь задумался. А я молча ждала его решения, боясь словом вспугнуть удачу. Боярыня — это прекрасно. Намного лучше, чем купчиха.

— Хорошо, — сломался Великий князь и впился в меня взглядом, — но у меня будет несколько условий. — Я внимательно слушала. — Первое, ты будешь делать бумагу на те же условиях, что сейчас шьешь обереги. То есть девяносто процентов княжеству, десять — тебе.

Я скривилась. У Великого князя губа не дура. Вот ведь наглый какой! Нет, ну ладно храм, там мне хотя бы костер грозил, а здесь всего лишь придуманное замужество. Нет уж, без боя я свои позиции не сдам. Не для того я мучила с бумагой, чтобы отдать все Великому князю на блюдецке.

— Я не согласна, — мотнула я головой, — но я готова поделиться с вами десятью процентами моей будущей бумажной мануфактуры.

Святой отец фыркнул и отвернулся, пряча улыбку.

— Купчиха, — зарычал недовольно Великий князь... и из его уст это прозвучало, как ругательство.

Торговались мы долго. Великий князь рвал и метал, грозя отправить меня на плаху, но я знала, что

он это не сделает. Ему нужна была бумага. И он вынужден был уступать. Мы спорили до хрипоты по каждому пункту, и в конце-концов сошлись на пресловутых пятьдесят на пятьдесят... Что же... это лучше, чем десять. И чем ничего.

Достигнутые договоренности мы скрепили подписями на первом бумажном договоре. Я заставила писаря написать его в двух экземплярах и один забрала себе.

— Чтобы было, — пояснила я свои действия Великому князю, — это нормальные деловые традиции. Бумага стоит намного дешевле, чем слова, которые на ней записаны. И теперь я не буду переживать, что вы уничтожите договор, оставив меня с носом.

— Что?! — Засверкал глазами Великий князь, — ты сомневаешься в моей честности?!

— Нет, ну что вы! — соврала я, — я боюсь, что сама что-нибудь забуду и буду думать о вас плохо.

— Купчиха, — снова выругался Великий князь и недовольно забарабанил пальцами по столу, — И второе мое условие: ты уговоришь Златослава принять сан после моего брата...

— Э-э-э, — не поняла я, — какой сан? Святого отца? Не думаю, что это такая уж проблема. Святоша...

— Наш святоша, — перебил меня Святой отец, — вбил себе в голову, что став святым отцом, он потеряет чистоту души, потому что должен будет решать судьбы людей. И не хочет брать на себя такую ответственность. И ты должна убедить его изменить свое мнение.

— Хорошо, — согласилась я, — я попробую. Но если у меня не получится?

— Значит свадьбы не будет! — рубанул Великий князь.

Это меня более чем устроило. И я с легким сердцем согласилась.

— Вот и отлично, — Святой отец довольно потер руки, — помолвку проведем прямо завтра. Я сам лично проведу обряд.

Я пожалала плечами. Завтра, так завтра. Какая разница когда? Это все равно временно. Как только высокая делегация уедет, мы ее и разорвем. И будем жить как раньше. Только у меня уже будет договор на открытие бумажной мануфактуры и боярская грамота.

— Иди, — кивнул Великий князь, отпуская меня, — обрадуй Златослава. И помни, что ты должна сделать.

И я пошла...

16

Первым делом хотела я навестить святошу. А то планов-то настроила, а его даже не спросила. Нехорошо как-то получилось. Он, конечно, добрейшей души человек, но вот возьмет и завтра в самый неподходящий момент откажется. И как я тогда буду выглядеть в глазах Великого князя и святого отца?

Но святоши в келье не оказалось. И, вообще, в храме я его не нашла. Поймала мальчишку-послушника, велела, чтоб сообщил мне, когда появится святоша, а сама по делам помчалась. А то с этими делегациями запустила все. А у меня там и баня строится, и обереги с платочками шьются, и чистота в городе наводится, и, вообще, надо обдумать, где сырье для бумаги брать. Его-то теперь много надо. Одними лоскутками из своей швейной мастерской не обойдешься. Надо заключать договора и с остальными, чтобы они свои отходы не выбрасывали в мусор...

Вот тут я прямо споткнулась... Это что же получается, мой мусорный бизнес не только про чистоту, но и про сырье для бумажной мануфактуры?! Я вспомнила сколько тряпок мы сами выбросили, когда бомжиков переодевали. А ведь можно организовать отдельный сбор мусора! И сортировать то, что вывозим из города на нужное и не нужное.

И доходность моего бизнеса сразу подскакивает до небес. Мне платят за то, что я мусор собираю и вывожу, я бесплатно получаю сырье для своей бумажной мануфактуры, делаю из него бумагу и получаю доход еще раз. Шикарно! А с учетом заинтересованности Великого князя в бумаге. Он ведь может прямо обязать всех жителей заключить договора на вывоз мусора со мной.

А потом начнут выкидывать и бумагу. И ее я тоже смогу собрать и снова пустить в дело. От перспектив у меня дыхание сперло. И когда прибежал мальчишка-послушник и сказал, что святоша вернулся, я уже забыла, что хотела с ним поговорить. Отмахнулась от мальчишки и продолжила обдумывать свою бизнес-модель.



А утром в работный дом заявила Марьюшка. Я еще даже не проснулась.

— Василиса! — заорала она с порога, разбудив всех бомжиков, — ты почему еще спишь? У тебя помолвка сегодня в полдень, а ты еще не проснулась! Живо вставай!

— Отстань, — попыталась я повернуться на другой бок. Но не тут-то было:

— А за кого это наша Василиса замуж собралась? — вскинулась бабка Паша. И остальные бомжики загалдели, подтверждая, что их тоже дюже интересует этот вопрос. — Неужто за боярина Светозара?

— Нет, баб Паш, — Марьюшка так часто приходила в работный дом, что давно стала здесь своей, — за святошу нашего.

Она вцепилась в мое одеяло и пыталась стащить его. Пришлось держать крепко. И при этом еще делать вид, то я сплю. Вот надоест им меня будить, оставят меня в покое, и я посплю немного. Главное не открывать глаза.

— За святошу?! — всплеснула руками бабка Паша, — а что ж молчала-то, Василиса? Да как же так-то? Ты ж, почитай, отсюда замуж пойдешь! А мы ж со всем старанием тебя проводим!

Я поморщилась и накрылась одеялом с головой. Как-то перестала мне нравится эта идея с помолвкой. Это сколько времени убить придется, вместо того, чтобы с Великим князем обсудить новые мусорные законы.

— Это только помолвка, — пробубнила я. Марьюшка, подруга такая, вырвала таки одеяло и теперь я просто сжалась в комочек всем видом показывая, что я сплю... ну, не сволочи же они, чтобы так мучить сладко спящего человека?!

— А! — догадалась бабка Паша, — муж-то твой только зимой помер. Траур у тебя же... Так! — хлопнула она в ладоши, — бомжики, живо за работу! Надо нам в работном доме и в храме чистоту и порядок навести, чтоб Великого князя в гости позвать не зазорно было! Василиса, а ты ж, поди, Белаве-то тоже не сказала?! — охнула бабка и запричитала, — да как же мы все успеем-то?! Варуха, лети к Белаве, скажи, что у Василисы и святоши помолвка сегодня. Живо за работу, бездельники, — заорала она, и принялась раздавать команды, распределяя бомжиков по участкам.

Мгновенно заголосили, зашумели все вокруг. Стало ясно, поспать мне не дадут.

— Марьюшка, — я открыла глаза и со стоном села, спустив ноги со своей приступочки, — иногда я тебя ненавижу.

— Я же для тебя стараюсь! — возмутилась Марьюшка, — и немного для святоши.

Терзали меня подготовкой к помолвке часа три, не меньше. Я сначала пыталась сделать вид, что мне не интересно, а потом выпустила свою женщину. Они с Марьюшкой сразу заговорили на одном языке, и я смогла подремать немного под их выразительный щебет.

Но стоит признаться, получилось у них великолепно. Пусть платье было Марьюшкино, пусть украшениями со мной тоже поделилась она, но я выглядела, как царица. Я, когда увидела себя в большом полированном металлическом зеркале, чуть дар речи не потеряла. Даже помахала руками, чтобы убедиться, что это я. Такой я не была никогда в жизни.

Я шла по дорожке к храму с Марьюшкой... должна была с мамой, но раз уж ее нет, то эту миссию взяла на себя верная подруга. Светозарова мымра, первая красавица в городе, рядом со мной вдруг поблекла, а сам Светозар с досадой вздохнул.

А святоша смотрел на меня так, что у меня закружилась голова и ослабли колени. Марьюшка довела меня до жениха и вложила мою руку в его ладонь.

— Дети мои, перед лицом Бога, — сияющий радостью святой отец забормотал слова незнакомой молитвы, но я ничего не слышала.

На нас смотрели тысячи глаз, собравшихся в храме горожан, но я ничего не видела.

Весь мой мир сосредоточился только на одном человеке, на святоше. Я чувствовала, как подрагивает его приятно-холодная рука. Я видела его огромные, черные, как ночь, глаза, в которых, оказывается, горит такой жаркий огонь, что мне становится горячо только от того, что я смотрю на него. Я слышала как бьется в груди его сердце. Как будто бы птица, попавшая в силки, как будто бы хочет вырваться из клетки ребер и улететь далеко-далеко вместе с моим. Ведь оно колотилось точно так же.

А еще в его зрачках отражались мы обе: я и моя женщина... Да-да, она набиралась мощи от огня,

полыхающего в нашем теле, и вставала рядом со мной, как равная. И это я сейчас была растеряна и даже немного напугана тем, что со мной происходит. Не дура же, сообразила уже, что, кажется, святоша мне не совсем безразличен, если я так реагирую на его присутствие рядом со мной. А вот моя женщина чувствовала себя на своем месте. Она впитывала в себя восхищенный взгляд Златослава и становилась все сильнее.

— Согласен ли ты, Златослав, назвать Василису своей невестой? — торжественно спросил святой отец.

Толпа позади нас стихла, словно ожидая ответа.

— Да, — ответил святоша, — не отрывая от меня взгляда, и толпа облегченно выдохнула.

И вот тут мне стало жутенько. По двум причинам.

Во-первых, появилось у меня ощущение, что сейчас моя женщина просто выпрет меня из собственного тела. Такая уж у нее сила появилась от того, как на нее Златослав смотрит, что я себя чувствовала маленькой, перепуганной девочкой рядом с всемогущей королевой.

А, во-вторых, какая-то странно подозрительная помолвка... Ну, с чего бы, вообще, задавать такие вопросы? Помолвка же — это, типа, вышли перед всеми и сказали, что когда-нибудь поженимся... может быть... И вспомнились мне и кирка, и трусики пресловутые. Как бы не вышло, что и помолвкой здесь что-то другое называется. И почему я об этом раньше не подумала?

— Согласна ли ты, Василиса, назвать Златослава своим женихом? — спросил у меня святой отец.

Женщина уже открыла рот, чтобы ответить «да», но я, вложив все силы в этот последний рывок, вытащила ладонь из рук святоши и, подхватив юбки, помчалась прочь из храма. Бежать! Быстрее! Я не хочу замуж! Это должно было стать всего лишь притворством. Но попой чую, вляпалась я не по-детски. А все потому, что посчитала себя умнее всех остальных. Умнее святого отца и Великого князя.

Но ведь святоша не позволил бы мне женить его на себе? Я ведь не леди Элеонора. Но прежде чем ответить на вопрос Святого отца, я должна выяснить все точно. И поэтому я сбежала.

Толпа ахнула, но расступилась.

— Василиса! — святоша отстал всего на мгновение и кинулся вслед за мной.

Мы прорезали толпу, собравшуюся поглазеть на нашу помолвку, как горячий нож масло. Я вылетела за двери храма на крыльцо, и вторая толпа приветственно заревела. Оказывается, не все поместились в храме и на площади людей было гораздо больше, чем внутри.

Я замешкалась всего на секунду, как раз на ту самую, на которую от меня отстал святоша.

— Василиса! — Не успела я сделать шаг вперед, как он схватил меня сзади за плечи, развернул и прижал к себе. — Василиса...

— Святоша, — зашептала я, — пустите! — Но только его руки стали отпускать меня, как моя женщина, опомнилась и, зашипев от негодования на меня, обвила шею Златослава. — Златослав... Нет! — закричала я и попыталась снова взять свое тело под контроль.

— Василиса, — святоша взглянул мне в глаза, — что-то не так? Тебе нужна помощь?

— Все хорошо, Златослав, — мурлыкнула сильная женщина, а я отчаянно смотрела на святошу, понимая, что проиграла. Все. теперь она займет мое место, — святоша, — прошептала я из последних сил.

И что-то мелькнуло в его глазах. Как будто бы он что-то увидел. Он подхватил нас на руки и занес в храм. Но не туда, где все ждали нас, а в свою келью. Там мы были только вдвоем, без всех остальных людей. И смотрел он при этом не на нее, а на меня. Я это четко знала. И знала она, моя женщина, которая сейчас томно вздыхала и пыталась поцеловать святошу. И от его взгляда у меня появились силы.

— Уходи, — велела я ей, — ты мне не нужна, и я видеть тебя больше не желаю!

А она рассмеялась, подошла и вдруг обняла меня:

— Василиса, неужели ты не видишь, я — это тоже ты.

— Нет, — замотала я головой, — ты — не я, ты — другая. Ты, вообще, только недавно появилась, когда Светозара увидела.

— Василиса? — Святоша вопросительно смотрел на меня, — ты с кем разговариваешь?

— С женщиной, — призналась я со вздохом, — с моей женщиной.

Мы стояли в келье святоши, близко-близко, друг напротив друга, и от этого мне было немного не по себе. И не только мне.

— С-с кем? — не понял святоша и слегка отступил назад.

— Ну-у, — протянула я и осторожно, чтобы не испортить прическу, почесала затылок, — с женщиной...

Понятнее, конечно же, не стало, и святоша все так же вопросительно смотрел на меня. Хорошо, запоздало дошло до меня, не сбежал с криками, что демон вселился, и яйцо забитое между ног не увидел, и на Большой Уд меня не потащил...

— Ну-у, — снова протянула я, пытаюсь не то что объяснить, а хотя бы самой разобраться в том, как рассказать святоше о своей второй половине, — понимаешь, мой папа ждал мальчика, — нашла я крайнего, — и, когда родилась я, он воспитывал меня как сына. Поэтому я такая вот неугомонная и получилась.

Я вздохнула. Как же трудно объяснить то, что со мной происходит. Особенно, когда сама понимаешь, что это похоже на бред сумасшедшего.

— А когда, — я запнулась, — она во мне проснулась... женщина... мы с ней оказались совсем разные.

— Василиса, — святоша шагнул ко мне и снова обнял за плечи, — ты и есть эта женщина. Самая лучшая и самая прекрасная. Прости, что не сказал тебе об этом раньше, но я люблю тебя. Именно тебя, Василиса, такую неугомонную, шуструю и предприимчивую купчиху. Ты, конечно, красивая женщина, но таких красавиц вокруг очень много. А женщину с таким характером я встретил впервые. И я очень рад, что мы с тобой связываем наши жизни. И я клянусь, что никогда не буду запрещать тебе работать и зарабатывать. Ты научила меня, что даже презренное золото может служить на благо людей, что не каждый человек, стремящийся к богатству, готов забыть о тех, кто вокруг него, думая только о деньгах.

Я опустила глаза. Мне стыдно было смотреть на святошу, которые прямо сейчас открыл мне свою душу.

— И вот сейчас мы с ней, с моей женщиной, немного разошлись в желаниях. Она хочет на самом деле стать твоей невестой. А я хочу просто притвориться. На время. Чтобы не выходить замуж за святого отца.

— Притвориться? — Святоша смотрел мне в лицо, пытаюсь найти ответ на свои чувства. И в его глазах мелькнуло что-то... от чего мне стало не по себе.

— Притвориться, — вздохнула я. И уточнила, — я, вообще, не хочу замуж. Ни за кого.

Моя женщина застонала и отвернулась.

Святоша медленно отошел и сел за стол.

— А зачем тогда ты огласилась на помолвку? — спросил он глухим, безжизненным голосом.

— Я думала, мы потом отменим все, — вздохнула я, — ну, святоша, я же вас тогда под столом пнула, чтобы вы мне подыграли. Я же понимаю, что на самом деле вы совсем не хотите на мне жениться. И я благодарна, что вы поддержали мою игру...

Мы молчали. Я осталась одна, моя женщина исчезла, заявив напоследок, что я непроходимая дура, а святоша сидел за столом и теребил пергаментный свиток, на котором были какие-то жития святых.

— Ты не знала, что помолвку, заключенную в храме, расторгнуть невозможно? — от звука его голоса сжалось сердце, но я ответила честно.

— Нет, — мотнула головой. Вот ведь чувствовала же, что что-то тут не так! Как удачно во мне взбунтовалась женщина. — Не знала. Простите, — прошептала, — я не хотела вас обидеть.

Он кивнул, отбросил в сторону свиток:

— Святой отец теперь от нас так просто не отстанет. У них с Великим князем, кажется, есть какие-то тайные намерения по поводу нашей свадьбы...

— Есть... но не тайные, — вздохнула я и рассказала о наших договоренностях. Я уже поняла, что сама вляпалась во всю эту историю из-за излишней самоуверенности, из-за самонадеянности и завышенного самомнения. Я привыкла думать, что здесь отсталое время, и я умнее все остальных. Но это оказалось совсем не так.

— Жаль, что ты не рассказала мне все это вчера, — святоша встал из-за стола, — пойдем, я скажу святому отцу, что помолвки не будет.

Он встал и подошел к двери. Это было правильно. Это было то, что я хотела. Но я не могла сдвинуться с места. Да, я даже рукой и ногой не могла пошевелить. И не потому, что моя женщина снова попыталась занять мое место. Нет, она, вообще, испарилась, как будто бы ее и не было.

Но я смотрела на святошу и не могла заставить себя сделать шаг вперед. Я вдруг поняла, что причинила ему боль. Самую сильную боль, которую только можно себе представить. И хотя он не показывал, но я знала, я ударила по нему почти так же сильно, как когда-то отец. А может быть, даже сильнее.

Он ведь признался, что любит меня. Такую, какая я есть. Бестолковую дуру, которая так до сих пор и не поняла, что он тоже ей нужен. Потому что я не хочу с ним расставаться... Пусть будет нерасторжимая помолвка. А поженимся мы попозже. Когда я свыкнусь с этой мыслью и пойму, что готова. Ведь святоша, пожалуй, единственный мужчина, который будет ждать столько, сколько нужно.

— Святоша, — мяукнула я, все еще не понимая, что должна... нет, что хочу сделать.

— Идем, — он распахнул дверь и вышел, оставляя меня одну в келье.

— Златослав, — позвала я его по имени, — подожди.

Он обернулся. Погасшие от того, что я сделала, черные глаза безучастно смотрели на меня.

— Златослав, — я облизнула губы, решаясь произнести вслух, — я хочу за тебя замуж... попозже...

Святоша невесело усмехнулся:

— Это снова женщина пытается занять твое место?

— Нет, — я наконец-то отлепилась от стены и сделала шаг навстречу, — это я... сама... у нее ничего не получится... потому что она — это я. Просто умнее. А еще, — я сглотнула комок в горле, как тяжело заставить себя произнести то, что ясно поняла только что. — Потому что я, — я сделала еще шаг вперед, приближаясь вплотную к своему жениху, — я тоже тебя люблю...

Златослав молчал и, не отрываясь, смотрел в мои глаза. А я вспомнила, что глаза — зеркало души и из всех сил попыталась раскрыть перед ним свою душу. Чтобы он увидел, это мои мысли, это мои чувства, а не какой-то недавно проснувшейся женщины.

Я еще никогда и ни на кого не смотрела так долго. И еще никогда мир вокруг меня не исчезал, оставляя наедине с тем, кто внезапно оказался самым близким человеком во всем мире.

17

Через полчаса мы уже были женихом и невестой. Вернее, по-местным порядкам, недомужем и недоженой.

Нет, ну, какие люди все же хитрые создания! Норовят облапошить даже самого Бога. Помолвка оказалась чем-то вроде светского брака. То есть мы для всех, кроме Бога, теперь муж и жена. Можем жить вместе, вести общее хозяйство и все остальное тоже можем. И даже детей рожать. Хотя это не поощряется, люди верят, что в таком случае душа ребенку достается случайная и часто не самая подходящая.

Оказывается, здесь считают, что души у Бога делятся так же, как и люди в обществе. К примеру, у князя дети получают княжеские души, у купчих — купеческие, а у крестьян — крестьянские. И потому мезальянсы здесь приветствуются.

Но и тут некоторые особо предприимчивые личности, не будем пальцами показывать, пытаются надурить Бога, выдавая покойным отцам купчих грамотки о боярстве... Нет, ну какие хитрецы мой свекор и его брат?! Они что полагали, у меня душа поменяется задним числом? И вместо купеческой вдруг станет боярской?

Вот, кстати, а где моя грамотка?

Но я ничего не успела спросить, как после помолвки нас потащили праздновать недосвадьбу.

Светозаровы старшие жены постарались и организовали банкет в очень сжатые сроки. Нет, ну, молодцы, конечно. Я даже не ожидала. И поздравляли они меня вполне искренне.

Вообще, все местные были на самом деле рады нашему воссоединению. Пока мы от храма до Светозарова дома шли, горожане кричали радостно, руками махали, цветами в нас кидались.

И это вызвало у меня какую-то неловкость. Я-то обмануть всех хотела, а оно вон как вышло. Хотя недомуж у меня теперь, я покосилась на привычно спокойного Златослава, самый лучший. И другого мне не надо.

Кто бы мог подумать, что вот так вот получится?

И почему у меня с мужчинами все всегда не по человечески?

Хотела одного, вышла замуж за другого, которого чуть не потеряла прямо на почти свадьбе и только тогда поняла, что люблю его по настоящему. Говорят, чужая душа — потемки, а для меня и моя не светлее. Ничего не понятно. Если придется выбирать девиз для моего боярского герба, возьму статус «Все сложно».

Пока мы сидели за столами, ели, пили и слушали поздравления, гулял весь город. Светозар выкатил на площадь несколько бочек недорого вина и выставил незамысловатые закуски в виде хлеба и жаренного мяса.

Недосвадьба отличалась от знакомого мне торжества по случаю бракосочетания. Во-первых, никто не голосил «Горько». Целоваться на людях слишком неприлично. Даже молодоженам. Во-вторых, не было тамады и свадебных забав и игр. Не могу сказать, что мне нравятся такие развлечения, но без них было несколько скучновато. И, в-третьих, никто не делал нам никаких намеков на продолжение рода. К счастью. Меня всегда напрягала эта часть празднества. Как будто бы молодые в срочном порядке обязаны забеременеть и родить.

А в остальном: речи, тосты, подарки — все было вполне себе привычно. Дарили все подряд, и домашнюю утварь, и украшения, и комплекты постельного белья, и сервизы. Я каждый раз с трудом сдерживала смех. А Златослав сжимал мою руку под столом и смотрел строго, намекая, что ржать над подарками некрасиво.

Поздравляли здесь наоборот, сначала гости, и только потом близкие родственники и родители. Я уже устала сидеть и только радовалась, что не нужно каждый раз вставать и кланяться, благодаря за всякую ерунду.

Помню, как у Ирки на свадьбе она каждые три минуты вскакивала. У нее потом левая нога посинела и болела так, что молодожен вместо брачной ночи повез ее в больницу. Оказалось, тромб. У нее и раньше из-за веса проблемы с сосудами были. И пришлось ей почти весь медовый месяц на больничной койке провести.

А у меня сегодня брачная ночь. Я тихонько млела, представляя, как все будет у нас с Златославом, а недосвадьба пела и плясала своим чередом.

Наконец, поздравления почти завершились. Остались только святой отец, то бишь дядя, и Великий князь. Мой, жуть какая, свекор...

Первым взял слово святой отец:

— Дети мои, — торжественно провозгласил он, — как дядя Златослава я очень рад, что мой племянник наконец-то обрел свое счастье, одумался и вернулся в семью. — Тут я услышала, как мой недомуж скрипнул зубами. Странно, чего это он? — Но, как Святой отец, я хочу напомнить вам, что ваш союз еще не одобрен Богом, а потому прошу не забывать о целомудрии и чистоте души.

Он говорил еще что-то, но я уже не слушала. Это что же получается, мне сегодня брачная ночь не светит?! Нет, ну я еще сегодня утром ее не хотела, но ведь сейчас все изменилось! А тут я еще представила, как я буду без сладкого, а мой недомуж в это время будет Большой Уд проводить с это ледью Элеонорой?!

Вон она как на него смотрит с дальнего конца стола, по глазам вижу, припрется сегодня с яйцом демоновым между ног. Я еле сдержалась, чтобы курице этой в космы не вцепиться. Вот бы радости у людей было, невеста на помолвке с бывшей любовницей дерется. Не знала, что я так сильно ревновать умею, никогда раньше ничего подобного не чувствовала.

— Златослав, — дернула я святошу за руку, чтобы он посмотрел на меня, и зашипела одними губами, — даже не думай! Никаких больше Больших Удов!

А Златослав только хмыкнул, улыбнулся довольно и пальцы мои посильнее сжал. Мол, не

переживай, сам знаю, что делать.

Я хотела было возмутиться, но тут все ногами затопали, в ладоши захлопали: святой отец речь свою напутственно-поздравительную закончил. А я от переизбытка негативных эмоций прослушала, что он нам в подарок преподнес. Все же близкий родственник... да при должности... должно же быть что-то полезное! А не шелковые ситайские халаты для меня и Златослава, которые Светозар с женами вручили. Вот зачем они нам?

Пока я крутила головой, пытаюсь увидеть полезный подарок, а не хлам всякий, встал Великий князь. Пришлось отвлечься. А то сейчас снова все пропущу.

К счастью Великий князь был немногословен:

— Сын мой, Златослав, я отписываю тебе с невестой твоей, Василисой, дом каменный со всем убранством, по соседству со Светозаром. Живите дружно...

Я непроизвольно ахнула. Вот это подарок, так подарок! Княжеский! Наконец-то хоть что-то хорошее! У меня от радости дыхание перехватило, и я слова выдать не смогла, чтобы поблагодарить свекра. А зря...

Потому что недомуж, баран мой упертый, поднялся и спокойно, но четко, на всю трапезную заявил:

— Нет! Нам не нужны твои подарки!

— Что?! — я просто обалдела. Нет, что он несет?! И почему это он за меня решает, что мне надо, а что не надо?! Да я готова от всех предыдущих подарков отказаться... ну, кроме того, который святой отец подарил. Вдруг там тоже что-то стоящее.

Вместо ответа Златослав положил мне руку на плечо и тихонько сжал. Мол, сиди, недожена, молчи в тряпочку, пока я тут имущества тебя лишаю. Ага, нашел дуру! Промолчи один раз, а потом по миру с протянутой рукой пойдешь.

Поэтому встала я не мешкая, обняла нежно недомужа за талию и улыбнулась Великому князю:

— Златослав хочет сказать, что благодарность наша беспредельна, но мы хотим сами построить дом для нашей семьи. По своему вкусу. — И незаметно, но изо всех сил, ущипнула идиота принципиального за бок... он даже подпрыгнул и зашипел сквозь зубы. Синяк, наверное, будет. Но должна же я была как-то показать, что со мной надо считаться. Я ему не Марьюшка Светозарова. Знал, кого в храм вел. — Поэтому, Великий князь, готовый дом нам не нужен, но мы будем рады получить от вас денежную сумму равную стоимости подарка, чтобы как можно быстрее начать строить дом нашей мечты. Ведь нам с женихом уже очень хочется продолжить наш славный род. Но не в келье храма Божьего этим же заниматься, — нарочито обиженно-виновато вздохнула я.

И улыбнулась лукаво. И об недомужа тихонько потерлась. И прогнулась еще посильнее, грудь выпячивая. Все прилично, но гости, с выпученными глазами следившие за нашим диалогом, отмерли и в ладоши радостно захлопали, и засвистели, и затопали, одобряя наши намерения заняться детопроизводством. Ну, еще бы! Миры разные, а люди одинаковые. Никто от сплетни пикантной не откажется. Так что не удивлюсь, если завтра в городе будут говорить, что Златослав меня прямо на столе разложил, чтобы, не откладывая дело в долгий ящик, порадовать Великого князя внуками.

Или я его...

Великий князь, смотревший хмуро и сердито, от чего сразу было видно, кто мой свекор, слушал внимательно. А когда я закончила, улыбнулся, стирая недовольство с лица, и кивнул:

— Хорошее желание. Да, будет так! Казначей я к вам по приезду отправлю. А строить начинайте уже. Не откладывайте. Светозар вам одолжит на первое время. Понял? — взглянул он на главу города. Тот кивнул со вздохом... Светозар не дурак Великому князю отказывать. Понимает, чем немилость княжеская грозит.

— Благодарим вас, Великий князь, — склонила я голову. И выдохнула с облегчением. Получилось. Лишь бы только Златослав сейчас чего не ляпнул.

Не ляпнул. Мой недомуж просто окаменел, челюсти сжал, так что скулы на щеках обозначились. Лицо маской застыло. Взгляд неживым стал. И сел-то только потому, что я его вниз дернула. Прильнула посильнее и на ухо зашептала:

— Если ты еще раз позволишь себе решать такие серьезные вопросы, не посоветовавшись со мной, — сделала я паузу, чтобы неизвестная угроза казалась страшнее, и продолжила, — я сделаю так, как хочу, без оглядки на тебя. Как сейчас. Хотя такой путь мне не нравится. Я предпочитаю

мирно договариваться, а не спорить. Тем более с тобой, любимый, — жалобно заныла.

И в ушко жарко подышала. И по уду незаметно рукой провела... вроде как невзначай. А чего стесняться-то теперь. Пусть недомуж, но мой же.

Златослав вздрогнул и покраснел, как мальчишка на первом свидании. Ух-ты, Боже мой! Какой неиспорченный современным миром мужчина мне достался. Я умилилась просто.

Но он быстро справился со смущением, не мальчик уже. И незаметно для всех, скользнул рукой за спину и жестко прижал меня к себе:

— Если ты еще раз будешь вести себя так же, — он тоже помолчал... просек фишку с угрозой... и добавил, — я мужчина. И я сам буду решать, что лучше для моей, — подчеркнул он, — семьи.

— Решай, — пожала я плечами, а чего спорить-то. Хочет мужик за семью отвечать, так пусть. Не мне же на себя эту ношу взваливать. — Конечно, ты же лучше знаешь, что для твоей, — выделила я, — семьи лучше: жить в крошечной келье при храме или в нормальном доме.

— Я сам могу купить или построить дом какой ты хочешь, — зарычал тихо Златослав, — и не нуждаюсь в его подачках! Он мне не отец!

— Тем более, — улыбнулась я. Очень уж забавен был сердитый Златослав. Никогда его таким не видела. Невольно загордилась собой. Ну, вот смогла же вывести из себя недомужа прямо за недосвадебным столом! — Значит подарок нам сам Великий князь, — опять обозначила я интонацией это слово, — сделал. Не был бы он твоим отцом, разве ты посмел бы отказаться?

— Посмел бы, — огрызнулся он. Но уже для порядка, без злости. Успокоился, понял, что я права.

А я только фыркнула и глаза закатила. Ага, мол, так я и поверила. И пока моя вторая недополовинка рядом пыхла возмущенно, пытаюсь ответить на несказанное, успела я увидеть довольное лицо святого отца. А он еще как заметил, что я на него смотрю, так улыбнулся уголком рта и кивнул. Мол, поддерживаю. Как будто бы слышал о чем мы тут говорим. Или просто хотел напомнить о моем обещании помирить Златослава с семьей... Чую, нелегкая это будет миссия.

Что же там на самом деле между отцом и сыном произошло. Вот не верю я, что Златослав просто так обиделся. Не такой он человек. Значит серьезный конфликт случился. И я должна выяснить какой.

И неплохо бы узнать, что там святой отец подарил. А то отвлеклась я от важных мыслей, пока с недомужем ссорилась.

Я дернула его за рукав и зашептала:

— Златослав, а что нам всякой отец подарил?

Мой недомуж посмотрел на меня удивленно, а потом тихо рассмеялся и к себе прижал нежно... Ну, да... такая вот я. Меркантильная... купчиха...

Недосвадьба подходила к концу. Я вяло кивала на поздравления и мечтала уже свалить отсюда. А еще мне было обидно. Если подсчитать сколько Светозар потратил на эту недосвадьбу... Надеюсь, он с нас денег не попросит, ему же все равно пришлось бы пир устраивать для Великого князя и святого отца. Вот пусть из городской казны и оплатит. Проведет, как торжество в честь высокой делегации. А то где мы со Златославом столько денег возьмем? Даже если распродать все бестолковые подарки, то не хватит.

Да, не окупилась наша недосвадьба! И это было главной причиной моих страданий.

А все потому, что святой отец нам икону подарил! Икону! На свадьбу! Любимому племяннику! На кой ляд она нам нужна, если у нас теперь милостью этого самого племянника и дома-то нет.

А святой отец мог бы и на машину расщедриться... ну, выезд в смысле... лошади, повозка... Уж я бы нашла им применение. Открыла бы, например, первое конное такси. Все бы польза какая была. И копеечка в кубышку.

Сидела я, вздыхала печально, пытаюсь концы с концами свести в семейном бюджете. Уж очень шатко оказалось наше финансовое состояние из-за этой недосвадьбы. Угораздило же меня в святошу-бессребренника влюбиться. Не могла, что ли, кого побогаче выбрать. И ведь до самого последнего момента не знала, что вляпалась. Вот ведь какая подлая у женщин натура. Я шмыгала носом, до слез жалея себя.

И что мне теперь делать? Как жить-то? Ну, ладно, даст нам Великий князь денег на строительство. А потом? Дом-то содержать нам самим придется... вернее мне... недомуж-то мой святым духом готов

питаться, лишь бы золото-серебро его чистой души не касалось.

— Василиса, — главный возмутитель моего спокойствия склонился и зашептал на ухо, — потерпи, родная, еще немного осталось. Отдохнешь скоро.

И это «родная» последней каплей стало. Всклипнула я и разревелась. Ну-у-у, как разревелась? Целых две слезинки из глаз выкатилось. Впервые в жизни не от физической боли, а от избытка чувств. Какой же мне недомуж хороший достался.

Нет, умом-то я понимала, что купилась за грош, но ведь ласковое слово и собаке приятно. А мне слова эти ласковые еще никто вот так тепло и нежно не говорил. Кроме мамы...

Порыдала, слезы вытерла, к Златославу прижалась. Проживем как-нибудь... Главное вместе.

Тем более, если дело с бумагой выгорит, то я одна столько заработаю, что и себе, и правнукам жизнь безбедную обеспечу. А Златослав пусть сеет доброе и вечное... Кто-то же должен это делать.

Только успокоила я себя, как все засвистели и ногами затопали. Я головой во все стороны закрутила, пытаюсь понять, что происходит. А это оказывается нас из трапезной выгоняют. Мол, солнце заходит, нечего почти молодоженам за столом сидеть. Пора делом заняться. Важным.

Отвели нас в покои в Светозаровом доме, да вдвоем оставили. Хорошо, что не стали толпой ждать и под дверями шептаться.

— Василиса, — взял меня за руку Златослав прямо у порога, — если ты не готова, я пойму. И подожду сколько нужно.

— Почему это не готова? — Удивилась я и его за другую руку взяла. — только вопрос меня мучает один. — Недомуж внимательно смотрел на меня и молчал, ожидая продолжения. — Вот думаю я, что стоит нам с тобой в мою лавку переехать. Не в келье же теперь вдвоем жить. И по-отдельности я не хочу. Я мастериц своих потесню, пару комнат освободим, и если в коридоре дверь дополнительную поставим, то будет у нас с тобой почти отдельная квартира... жилье, в смысле...

Златослав сначала фыркнул, а потом расхохотался. И так долго ржал, что я чуть не обиделась. Я, значит, за наше будущее переживаю, а ему смешно? Да, он, вообще, не готов к семейной жизни! Ни о чем, кроме молитв своих, думать не может! Не был бы он так красив, когда смеется, точно бы надулась.

— Какая ты у меня забавная, — заявил он, когда отсмеялся.

— Это ты забавный, а я забочусь о нашем будущем, — буркнула я, — кто-то же из нас двоих должен о нем думать.

— Пойдем, — открыл дверь Златослав и потянул меня из комнат, — я тебе кое-что покажу.

А я что? Пошла. Посмотреть на кое-что я всегда готова. Надеюсь только, он меня не на закат и звезды любоваться ведет. А это «кое-что» материальное, и хотя бы немного ценное.

Гости еще гуляли. Из трапезной слышались крики, смех и музыка. Кажется, без нас веселье вышло на новый уровень.

— Когда жених и невеста уходят со свадьбы, принято шуметь как можно сильнее, чтобы молодые не смущались, — пояснил мне Златослав. — Разве у вас не так было? Когда ты в первый раз замуж выходила?

— Нет, — мотнула я головой, — не так... Отец уже умер тогда, — придумывала я на ходу. Надеюсь, мое вранье не противоречит тому, что я уже говорила. Или хотя бы недомуж не заметит нестыковки. — У меня и свадьбы не было. Просто перевезли с приданным в дом мужа и все.

Прокатило. Златослав сокрушенно покачал головой и сочувственно вздохнул.

Мы вышли из дома Светозара и куда-то пошли. В сторону храма. Я уже успела расстроиться, что недомуж меня молиться ведет, но он потащил меня дальше, мимо дверей.

Кругом колесничали народ. Орал песни, жег костры, ел и пил... Если бы не темнота, нас бы быстро опознали, а так мы шли неузнанные. Метров через сто от храма Златослав остановился и сказал:

— Вот, — и рукой махнул вперед, — смотри.

Я вгляделась в темноту, но ничего не увидела. Вот ведь пакость. Мне тут недомуж первый в нашей семейной жизни сюрприз устроил, а я его даже не вижу. Надо придумать освещение в городе, решила я. Не дело вот так в темноте блуждать.



— Ничего не видно, — вздохнула огорченно, — давай утром придем.

— Дом, — улыбнулся Златослав и пояснил для бестолковой меня, — это мой... наш дом, Василиса.

18

Дом? Я подняла взгляд с земли на строение, к которому мы подъехали. Дом. Небольшой, совсем на Светозаров не похож, скорее на мою лавку, но ведь это дом! Наш дом! И он гораздо лучше двух комнат в моей мастерской...

Я завизжала от радости и на шее недомужа повисла. Как же хорошо, что в этом мире, даже совсем некрупный, по сравнению с другими, Златослав рядом со мной вполне себе крепкий мужчина. А то бы я его свалила. Сто плюс кг, а то и больше, весов-то здесь нет, и диету я не соблюдала, это вам не фунт изюма.

Дом и изнутри оказался почти таким же, как моя лавка. Наверху небольшой коридорчик и несколько комнат, а внизу, вместо торгового зала и небольшой топочной, находились довольно просторная гостиная, к которой больше подходило слово «горница», мне кто-то рассказывал, что раньше так называлась чистая половина избы; приличных размеров кухня квадратов на пятнадцать-двадцать и такая же кладовая. Посреди кухни стояла огромная печь, для готовки и отопления дома.

В доме явно не жили несколько лет. Слой пыли на горизонтальных поверхностях можно было свернуть в рулончик и продать, как особо мягкую и нежную шерсть... Ну, я так думаю. Пока в темноте казалось, что просто все вокруг обросло каким-то мхом. Но если его тронуть, он сминался, оставляя поверхности чистыми.

Я обошла все комнаты. Подергала двери, потеревала оконные рамы. В темноте толком ничего не увидеть, но мне показалось, что домик довольно крепкий. Отмыть и можно заселяться.

Златослав все это время таскался со мной и, слушая мои восторженные вопли, довольно улыбался. А потом, на выходе я его к стенке приперла, мол, признавайся, недомуж мой любимый, какое еще имущество ты от недожены своей прячешь. А он расхохотался довольно и ответил:

— Василиса, я же княжеский сын. Пусть я из семьи ушел, но ведь мне с самого рождения много принадлежало. Так что не переживай, родная, я достаточно богат, чтобы ты ни в чем не нуждалась.

— Ничего себе, — ахнула я, — и ты молчал?!

Нет, мне тут даже обидно стало. Я, значит, переживаю, что нам есть нечего, пора суму на плечи и побираться идти, а он от меня имущество свое скрывает?

— А разве это имеет значение, — улыбнулся Златослав, — главное мы вместе...

Боже ж мой, мысленно закатали я глаза, и откуда такое чудо вылезло?

— Конечно же имеет! И очень больше, — заявила я, — если бы я знала, что ты богат, я бы тебя еще больше любила. — Златослав рассмеялся. — Так что у тебя еще есть? Кроме дома?

— Земля, — он потянул меня к себе, вынуждая сделать шаг вперед, чтобы остановиться близко-близко друг к другу, почти касаясь носами, — поместье... здесь, недалеко, всего два дня пути, — он склонился надо мной, и теперь его губы касались моих. У меня в голове зашумело, и я сглотнула... если бы он не говорил про деньги, я бы, наверное, перестала слышать, — небольшой домик, в несколько раз больше этого, в столице, — он на мгновение прижался губами к губам, скорее обозначая поцелуй, чем целуя, — и пару сундуков с золотом...

Я невольно ахнула, представив себя запускающим ручки свои загибающие в целые сундуки золота:

— Большие? — жарко выдохнула я, прямо в губы недомужа. Вдруг там сундучки с коробку из под обуви...

— Очень большие, — прошептал Златослав, — а может их уже не два... может уже и больше, — добил он меня окончательно. И наконец-то поцеловал.

У нас со Златославом была самая лучшая почти-брачная ночь. Я еще никогда в жизни не была настолько влюблена и довольна. Мой недомуж самый лучший мужчина. Только вот обманчиво мягкая многолетняя пыль — жесткая...

Проснулись мы утром на полу. Грязные, заляпанные паутиной и мусором, но абсолютно счастливые. Златослав обещал мне, что я, если захочу, буду управлять всем его имуществом. Вернее, управлять управляющим, который работает на моего недомужа уже больше десяти лет. С тех самых пор, как он ушел из семьи.

И вот разве я могла после такого остаться равнодушной? Нет, конечно. Я теперь моего недомужа из рук точно не выпущу. Любовь любовью, но когда к ней прилагается небольшое богатство, семья становится гораздо крепче.

После брачной ночи мы отправились в храмовую помывочную... да, так рано утром там никого не было, но мне все равно не понравилось. Надо нам свою, отдельную баньку построить, чтобы я от каждого шороха не вздрагивала, и не боялась, что какому-то послушнику придет в голову помываться перед работой.

— Златослав, — мы одевались на лавочке в предбаннике чистые, умиротворенные и счастливые, — а что за конфликт у тебя с отцом на самом деле случился? Прости, но не верю я, что ты мог сам из семьи уйти. Не похож ты на того, для кого семья не самое важное... Расскажешь?

И мосечку пожалобнее, чтобы Златослав не заподозрил меня в планах хитрых. Нужно же мне договор с князем выполнять.

— Не сам, — вздохнул Златослав, — выгнал он меня, Василиса. Он тогда на великокняжеский трон нацелился. Думал, что брат мой Великим князем после него останется, а я святым отцом стану. И самыми опасными соперниками для него был тот род, что в то время трон занимал. А я, считай, по глупости врагам помог... донес на брата. Потому никто и не разбирался, брата сожгли не за веру, а чтобы лишить отца наследника и вышибить из борьбы за власть. И он мне не простил именно этого... что я помешал ему трон занять. Я тогда понял, что мы для него всего лишь способ достичь своей цели. И больше ничего... А ведь я любил его, восхищался им, думал, он самый лучший... а ему было все равно.

Златослав снова вздохнул, обнял меня, будто бы черпая силы в объятиях, и закончил:

— Он тогда кричал, что пропаду я без него, что через несколько дней назад проситься стану. А я справился. Я смог. И теперь отец мне не нужен. И я никогда не прощу ему, что из-за его трона убили брата.

М-да... хитрец Великий князь... горазд чужими руками жар загребать. И как я теперь мирить их должна?

Но пробную удочку я закинула.

— Златославушка, — прилепился я к нему, как банный лист, — так может в честь праздника помиришься с отцом, а?

Он на меня вздохнул мельком, покачал головой и спросил:

— Великому князю обещала? А что взамен? Я?

Тут я немного обиделась. Как он, вообще, может считать, что я его на что-то променяю?!

Я надулась и помотала головой их стороны в сторону.

Ну, и что, что это правда! Все равно, он должен обо мне хорошо думать. Чтобы я хотела стать лучше, чем сейчас.

Я надулась еще больше. А что он так быстро меня раскусил? Но головой в этот раз покивала. И добавила справедливости ради:

— Но больше всего их бумага заинтересовала. Поэтому они и позволили нам жениться с такими условиями. А еще, — нажаловалась я, — грамотку обещались дать, что отец мой боярин. И не дали...

И это оказалось последней каплей. Я хлюпнула носом и вытерла слезы рукавом. А что? Я же тоже не железная.

— Рачительная ты у меня хозяйшшка, — фыркнул Златослав и по спине погладил, — но больше не давай обещаний, которых выполнить не сможешь.

— Не будешь мириться, да? — всхлипнула я.

— Не буду, — согласно кивнул Златослав, — даже ради тебя, Василиса, не буду.

— А на меня не сердишься?

— Нет, — рассмеялся он, — я слишком хорошо тебя знаю.

Я расстроено кивнула и в бок недомужа уткнулась. Ну, я и не рассчитывала, что все так просто будет. Однако, вода камень точит. Подожду. Времени у меня много, мне Великий князь его не

ограничивал.

Дом мне отмывала Варуха. Не сама, конечно, бабка Паша выделила ей пару бомжиков. Великий князь и святой отец благополучно укатили к себе домой. А мы со Златославом наслаждались медовым месяцем.

Нет, он по-прежнему проводил службы в храме, и даже Большой Уд... хотя с этим мне было смириться сложнее всего. Я шила ароматизированные носовые платки, обереги, убирала улицы, строила общественную баню и усовершенствовала процесс изготовления бумаги. Теперь, когда у меня была технология, мне нужны были инструменты для механизации процессов. Можно, конечно, посадить бомжиков, которых у нас существенно прибавилось, резать ткань на мелкие кусочки ножницами, но я-то знала, что это будет очень нерентабельно. Проще изобрести что-то вроде мясорубки. Но пока рабочей модели у меня не вышло.

А вот вечером, когда заканчивали работу, мы наслаждались обществом друг друга. И оказалось, что не только Златослав знает меня, как облупленную, но я и его тоже. Оказалось, что мы давно и очень близки с ним. А недосвадьба всего лишь помогла нам открыться друг перед другом. Свадьбу мы решили сыграть следующей весной. Как раз у меня по легенде закончится траур по безвременно ушедшему первому мужу.

Эта тайна немного напрягала меня, но Златослав сам предложил не лезть в прошлое друг друга, и я этим беззастенчиво пользовалась. В отношении себя. В его прошлое я все же лезла. Осторожно, исподволь вкладывая в его упрямую голову мысль, что с отцом все же стоит помириться. Как ни крути, а он отец.

Тем временем домик наш засверкал чистой, и я принялась обставлять его. Все же в этом мире все гораздо проще. Не нужно по магазинам мотаться, каталоги и сайты разглядывать. Позвал мастера, он тебе набросал варианты, образцы резьбы для украшения и отделки принесли... и все. Можно было бы между столярами-краснодеревщиками выбирать, но в Летинске такой только один оказался. Не слишком много здесь тех, кому нужна не просто функциональная, но и красивая мебель.

Только вместо этих ужасных приступочек, уговорила я столяра сделать нам нормальную кровать. Еле-еле уговорила. Если бы мой муж не был святошей, обвинили бы меня в ереси, не иначе.

После этого я себя еще раз по головке погладила, ну, какая же я молодец, так удачно мужа себе отхватила: сын Великого князя и уважаемый во всем городе святоша. Вот уж повезло, так повезло. Можно, что хочешь придумывать, с таким крепким тылом.

Я и придумывала. Для размельчения тряпок изобрела что-то вроде промышленного шредера: два деревянных валка, в который рядами ножи вбиты. Если установить их в ящике так, чтобы ряд одного попадали в междурядья второго, то резать будет очень мелко. Так как нужно. А ручки к валкам с двух сторон вывести. Два человека крутят валы, а лоскуты в мелкое крошево рубятся.

А дальше все просто. Сваливаешь порубленное сырье в котлы и варишь. Еще с сетками повозиться придется, но тут я пока даже придумывать ничего не буду. Все вручную сделаем. Не такой-то это тяжелый труд уже.

А вот дальше, для прессования снятых листов можно еще одну такую же машинку сделать. Только без ножей. Прокатывать листы между двумя валками, чтобы они были плотнее и тоньше.

Чтобы сделать линию по производству бумаги мне нужен был мастер на все руки. И помещение.

Все, как всегда. Где бы ты ни открывала бизнес, люди, который будут на тебя работать, и помещение — самые важные вопросы... ну, после покупателей, конечно... В этом плане мне повезло.

Найти помещение для бумажной мастерской оказалось сложнее, чем думала. Оно должно было быть недалеко от швейной мастерской, чтобы не возить туда-сюда лоскуты. Вот если бы в моей лавке был подвал... Но, увы, подвалы в Летинске не строили, слишком близко грунтовые воды.

Я ломала голову над проблемой, и не находила решения. Сделать пристрой? Но тогда строить его нужно будет с фасада дома, ведь с остальных трех сторон уже стояли дома соседей. А это совсем не хорошо. Нечего покупателям через мастерскую шастать. Тем более, неизвестно, как на такой пристрой отреагируют соседи и Глава города.

Решение пришло неожиданно, когда я возвращалась со строительной площадки. Бани уже были почти готовы и сейчас строители занимались внутренней отделкой и следить за тем, чтобы прораб ничего не напутал приходилось гораздо тщательнее. И вдруг мне навстречу попала наша телега из тех, что занимались вывозом мусора на свалку.

И в этой телеге горой лежали какие-то обрывки ткани.

— Стой! — махнула я вознице, — откуда везешь? — кивнула я на мусор.

— Дык, сударыня Василиса, — возница, одни из наших бомжиков, почесал затылок, — в бочках лежало... Вчерась, леди Элеонора, туалеты свои старые, стало быть, служанкам пожаловала... Вот и, — он развел руками, — бабы приоделись, да тряпье выкинули...

Как интересно?! Вот нельзя себя дурой называть, а хочется... И по голове постучать, как следует, чтобы в ум пришла. Лоскуты, мастерские... покупать буду...

Мусор!!! Вот мое главное богатство! Там же тряпья разного не навалом. Мы сами, когда бомжиков переодевали, два воза тряпья на помойку вывезли. И все, между прочим, натуральное, для бумаги подходящее.

То есть я и себя сырьем обеспечу, и ни копейки на это не потрачу, так мне еще и за вывоз хлама приплатят. И производство бумаги надо открывать не при швейной мастерской, а при мусорке! И организовать отдельный сбор мусора и его сортировку. Видела я как-то подходящее видео.

Поставим не по одной, а по две бочки. Одну для сухого мусора, вторую для влажного. Тряпки, кожу, металл, дерево, стекло и бумагу в будущем — в одну емкость, а все остальное — в другую. А возле мусорки сортировочный цех.

Приехала телега и сбросила груз на конвейер. Вдоль конвейера несколько бомжиков стоят и сухой мусор по видам сортируют... а тряпье и бумагу потом ко мне в цех на переработку.

Простенький конвейер я смогу сделать даже здесь и сейчас. Там ни скорость не нужна, ни точность. Поставлю лошадку, пусть ходит и крутит барабан, от которого и будет двигаться лента, сшитая из кожи...

Осталось самая малость — найти толкового механика в этом доисторическом мире. Задача похлеще поиска иглы в стоге сена.

Мы со Златославом каждый вечер после ужина выходили на крыльцо нашего дома, подышать свежим воздухом, посмотреть на звезды, спокойно подвести итоги прошедшего дня и составить планы на завтра...

Садились рядышком на ступеньки и разговаривали. Златослав рассказывал мне о том, как прошел его день, а я — как прошел мой. И сегодня я поделилась с ним своими мыслями по поводу отдельного сбора мусора и оборудования механической линии по его сортировке.

— Василиса, — рассмеялся он, — твои придумки иногда такие непонятные. Зачем тебе собирать мусор? Выбросить его, вот и вся недолга. Тем более, сама подумай, кто захочет ковырять в чужих отходах? А Великий князь вряд ли будет пользоваться бумагой из помойных тряпок. Ты сама говорила, чтоб дело было успешным, оно должно нести пользу всем людям, а не только одной очень милой купчихе.

Я почесала затылок. Как объяснить человеку из средних веков, что такое экология? Хотя для этого мира проблемы экологии пока не актуальны. У них-то в средние века пластика нет, и стекла не особенно много, так что весь мусор просто перегнивает в земле без следа. Пусть не очень быстро.

— Ну-у, — протянула я, — Великому князю мы не скажем из чего бумагу делаем. Это не обман, — торопливо добавила я, увидев, что Златослав набрал в легкие воздуха, чтобы возразить, — если он спросит — признаемся. А если не спросит — будем молчать.

Недомуж фыркнул, но согласно кивнул.

— А про пользу, — я помолчала, — ты хотя бы представляешь, сколько мусора производит наш небольшой город? Мы отсюда по пять телег в день вывозим. У нас овраг уже почти заполнился, — сильно преувеличила я для лучшего понимания, — и что? Через пару лет у нас в округе все будет завалено нашим же мусором, гниющим и воняющим. А если его сортировать, то тряпье пойдет в мастерскую, дерево можно использовать, как дрова, железо — продать кузнецам, стекло — стеклодувам... понимаешь? И я заработаю, и всем остальным хорошо будет. А еще наши дети нам спасибо скажут, ведь мы не загадим территорию вокруг города.

— Хм, — теперь затылок чесал Златослав, — если все так, то ты права... откуда ты все это знаешь? Почему никто, кроме тебя до такого не додумался раньше?

— Не знаю, — пожала я плечами, отвечая на оба вопроса, — теперь бы еще человека найти, который мои идеи по оборудованию воплотить сможет. Я уже ко всем кузнецам подошла, так они отмахиваются. Ерунду, говорят, ты, сударыня Василиса, задумала. Не будет работать твоя

механизма. А я знаю, что будет.

Я вздохнула и прижалась к Залтославу. Ночи уже стали прохладными и я немного замерзла...

— Ты, Василиса, — недомуж обнял меня и прижал к себе, — к Светозару подойди. Он любит механические игрушки. Еще в детстве, помню, отцовскую коллекцию ситайских механических зверей разобрал и своих сделал таких же.

19

— Ну, Светоза-ар! Ну, пожалуйста! — ныла я в кабинете главы уже второй час. Он страшно бесился, но из кабинета меня не выгонял. Вот до чего мужчины любят, чтобы их поугovarивали. Я же видела, как у него в глазах интерес появился, когда я обратилась с просьбой о помощи. Он и чертежи мои кривые рассматривал минут двадцать, потом тысячу вопросов задал, а после моих ответов заявил, что ему некогда. Мол, обязанности главы занимают все время. — Пожалуйста-пожалуйста...

— Василиса, — в конце-концов вышел из себя Светозар. Он сидел за столом точно так же, как в самый первый день нашего знакомства и корпел над какими-то бумагами, — что же ты ко мне, как репей пристала? Поди прочь, женщина, пока окончательно меня из себя не вывела. У меня и так от циферок этих голова болит.

— От каких циферок? — заинтересовалась я, чувствуя, как в воздухе запахло деньгами.

— Отчеты казначея проверяю, — несчастно вздохнул глава, — чую ворует, негодяй, а поймать не могу. Цифры эти, проклятые, — он в сердцах толкнул от себя разлинованную на квадраты доску, на которой стояли камушки с нарисованными на них кракозябрами. Я раньше думала, что это игра, вроде шахмат. — Лучше с недовольными горожанами встречаться, чем цифры на досках пересчитывать.

— Э-э-э, — я с удивлением смотрела на «игру», — ты на этой штуке считаешь? — ткнула я в нее пальцем, чтобы Светозар про что другое не подумал.

— Василиса! — рыкнул он, — ну, не на пальцах же! Я неплохо владею счетом на абаке. Но не как мой казначей, конечно, — вздохнул он.

— Светоза-ар, — снова протянула я, расплываясь в улыбке, — а мой отец для подсчетов использовал счеты, а не абак. Говорил, что это гораздо проще, — кивнула я на заинтересованный взгляд Светозара и добила, — я и сама на них считаю.

Ну, да... в счетах-то ничего сложного нет. Я их уже давно сделала. Правда, не совсем такие, к каким привыкла в нашем мире, а из подручных материалов. Я натянула на деревянную рамку самые крепкие нитки, которые здесь нашла и нанизала на них бусины. А как иначе строить финансовые планы и, самое главное, следить за их выполнением? Без учета никак.

Светозар почесал затылок:

— Мой казначей говорил, что для женщины ты считаешь необычайно быстро и хорошо. Покажи свои счеты...

— Покажу, — кивнула я, сделав вид что не услышала сомнительный комплимент, — мне не жалко. А вот считать буду учить, только если ты обещаешь помочь мне с оборудованием. И, кстати, — осенило меня, — мы можем начать не с моего оборудования, а со счетов. Думаю на них спрос большой будет. Любой купец будет рад от этого ужаса, — я кивнула на абак, — избавиться. Та как, Светозар, откроем совместную фирму?

— Совместную что? — не понял меня средневековый глава средневекового города.

— Ну, мастерскую, — пояснила я с улыбкой, — вкладываемся деньгами поровну, мои идеи, твои разработки, работяги делают, я продаю, а доход пополам? Так как?

— Ты сначала счеты покажи, — фыркнул Светозар, сдерживая смех. И чего они всегда ржут? Ну купчиха я, везде свою выгоду вижу.

Не откладывая дело в долгий ящик, сбегала я за своими счетами. Мы быстро на них отчет Светозаров проверили, причем к концу, он сам довольно уверенно двигал бусины. Казначей оказался честным, а глава согласился сделать мне на пробу первые нормальные счеты. Вернее две штуки нормальных счет: ему и мне.

А если я смогу заполучить десяток заказов, то согласился открыть совместную фирму по инновациям.

Слово это Светозару очень понравилось. Мне Марьюшка жаловалась потом, что и в постели ее муж инноваций потребовал. Я ей подсказала немного... мир-то неискушенный. То нельзя, это грех... Пообещала, что святоша им все грехи постельные скопом простит, ежели они к обоюдному удовольствию будут.

Первое в этом мире общество с ограниченной ответственностью «Инновация» с двумя равными долями в уставном капитале было открыто через неделю.

Такой формы собственности в мире тоже, конечно, не было, но зато Светозару так понравилась формулировка, что он гордо втыкал ее куда следует и не следует, невольно рекламируя и распространяя новшество по городу.

Еще через месяц обществ с ограниченной ответственностью в Летинске насчитывалось больше двадцати. Каждый купец и ремесленник норовил присовокупить к названию своей лавочки модную аббревиатуру «ООО»

Под это дело заказов на счета было столько, что нам пришлось нанимать две бригады рабочих, которые круглосуточно делали «новые, легкие в обучении и применении приспособления для счета».

Светозар был абсолютно счастлив. Не столько из-за денег, сколько из-за движухи. И теперь мы с ним работали и над моим оборудованием для производства бумаги, и над законом об обществах с ограниченной ответственностью. Пока народ еще не понял, что это не просто новая прикольная фишка, и пока он не пришел в себя, надо узаконить эту форму собственности с помощью Великого князя...

— И кто этим займется? — вздохнула я, — думаешь Великий князь так просто согласиться ввести не понятно что? А я пока не могу его ни о чем просить. Я еще не уговорила Златослава с семьей помириться.

— Я займусь, — подмигнул мне Светозар, — поеду к отцу, он поможет. Ему эта идея понравится, я знаю, он у меня очень любит все новое.

— А твой отец кто? — приподняла я брови. Как-то не задумывалась я раньше об этом.

— Как кто?! Святой отец, конечно, — рассмеялся он, — а ты не знала?!

— Ну, ничего себе, — ахнула я, — так ты же получаешь двоюродный брат Златослава?

Светозар кивнул. А я почувствовала себя оскорбленной. Я тут, значит, голову ломаю, как к главе Летинска подкатить, чтоб не слишком нагло было, и кусок земли в городе отжать для мастерских своих, а они скрывали от меня, что братья? И я могла бы не мучиться, не хитрить, а просто подойти и сказать, давай, мол, брат моего недомужа, замутим бизнес...

Я вгляделась в Светозара. Он так хитро улыбался... Врет что ли? Странно же, что никто ни словом не обмолвился об их родственных связях.

— Врешь? — твердо сказала я, думая, что ни за что не куплюсь на такие сказки, — ты говорил что отец твой при смерти был, когда позволил жениться на ком хочешь. А святой отец жив-здоров и помирать не обирается.

— Слава Богу, — снова кивнул Светозар, — только не врал я. Отец мой при захвате трона княжьего ранен сильно был. Думали не выживет. Вот он со всеми и попрощался, наказы всем раздал. А потом нашими молитвами на поправку пошел. Так и вышло, что у меня и предсмертный наказ есть, и отец живой.

— А почему тогда, когда он приезжал с делегацией все так пафосоно было? Что-то не видела я, чтоб обнимались вы, и как отец с сыном себя вели?

— Василиса, — рассмеялся Светозар, — так ведь он не как отец приезжал, а как святой отец. И не переживай, я ему отпишу, а он уже с Великим князем обсудит, а тот указ примет.

— Ну, ладно, — буркнула я... и чего взъелась спрашивается? Ну, брат, значит брат. Отпишет Святому отцу — отлично. А меня свои вопросы решать надо. — Светозар, мне тут место бы в городе выделить. Мастерскую хочу строить. Так как? Поможешь по-родственному?

Мастерскую я хотела мебельную. Очень уж покоя мне не давала та «недобумага», которая похожа на плиту древесно-стружечную получилась. Если я смогу перерабатывать в них дерево, которое в мусоре будет... И все сырье за бесплатно! А потом еще можно будет договориться со столярными мастерскими. Они-то сейчас стружку свою в печи сжигают. От нее жара-то кот наплакал, а если я забирать буду, да из отходов мебель делать.

Она-то в отличие от деревянной легкая будет. Можно для детей и стариков предложить. Втридорога. Это в нашем мире ДСП — самый дешевый материал, а здесь совсем другое дело.

— Какую еще мастерскую? — по-родственному возмутился Светозар, — Василиса, больно ты уж прытко взялась. Ты еще с тем, что есть разберись. Жена должна дома сидеть, подле мужа, а не по мастерски да стройкам мотаться. И как только Златослав тебя терпит. Я бы давно по заду нахлопал и в светлице запер.

— Вот потому-то, Светозар, у тебя жена Марьюшка, а у Златослава Василиса, — фыркнула я.

— Спасибо Богу и отцу твоему, что уберегли меня от такой жены, — перекрестился Светозар.

А я задумалась, прав ведь в чем-то Светозар. Очень уж много у меня работы получается. Спасибо Варухе верной, что на себя заботу о быте нашем взяла, а то я бы и не вспомнила. Ходил бы мой недомуж грязный, да голодный. И недолюбленный... мы-то и сейчас уже видимся только утром, да вечером, а иногда я даже засыпаю, обделяя Златослава вниманием. Да что там врать-то себе. Почти каждый день засыпаю, не дождавись, когда недомуж с молитвы вечерней вернется. Пробовала сама с ним ходить, так в часовне засыпаю, приходится ему потом меня на руках тащить. А я хоть и дюймовочка по местным меркам, но и недомуж мой среди всех остальных мужиков мелковатый. Я вздохнула... того и гляди, Златослав к леди Элеоноре похаживать начнет. Да и мне для здоровья воздержание не полезно. Надо своей интимной жизни побольше внимания уделять...

— Василиса, — сексуально зашептал Светозар, придвигаясь ко мне близко-близко, и глазами в декольте стрельнул. Вроде как нечаянно у него туда взгляд упал. Даже мне неловко стало. И я слегка попятилась, вжимаясь в спинку стула, — а ты не думала...

— Нет! — Возмущенно перебила я его с негодованием, — да как ты смеешь мне такое предлагать! Я, между прочим, замужем за твоим братом!

— Э-э-э, — опешил Светозар, — так Златослав, наоборот, рад будет. Он сам меня просил с тобой поговорить. Сказал, что я тебя все равно чаще вижу.

Боже мой, какая гадость! Я была шокирована до глубины души. Вот про эту особенность этого мира я еще не знала. Ладно многоженство! Я к нему жуе вроде как привыкла и готова простить, если сама единственной женой у Златослава буду. Но то, что он хотел меня под Светозара положить!.. Никогда не прощу!

В общем, не привыкла я дела в долгий ящик откладывать. Рыкнула на бесстыжего братца моего недомужа и в храм помчалась, второму идиоту мозги вправлять. Ишь чего придумали?! Меня, значит, Светозару сплавит, а сам с ледью развлекаться будет?! Не бывать такому! Не для того я замуж почти выходила, чтоб по чужим постелям мотаться.

В храме шла служба... Умом-то я понимала, что лучше выйти и на крылечке подождать, да разве же устоишь на крылечке-то? Вот и растолкала всех прихожан, в первый ряд встала, чтоб сводник бессовестный меня точно увидел. Руки в бока уперла и давай взглядом дырку в нем сверлить. Громы-молнии глазами метать, чтоб понял, как сильно разозлил меня.

Понял. Проникся. Побледнел. Заикаться стал. Кое-как молитвы свои добормотал и ко мне:

— Что случилось, Василисушка? Что тебя так опечалило, любимая?

Если бы не среди людей, то я бы его тоже опечалила. А тут сообразила, что история это по мне сильнее ударит, обняла святошу бесстыжего и зашептала на ухо со всей экспрессией:

— Как ты посмел ко мне Светозара отправить с таким предложением?!

— Так, — святоша легко улыбнулся, — я же о тебе, родная, беспокоился. Очень уж много ты работаешь, устаешь сильно... вот я и подумал, что из писаря Светозарова хороший помощник для тебя получится. Пусть он на себя хотя бы часть работы возьмет. А то я соскучился уже. Очень...

Обнял меня недомуж, а я ничего не поняла:

— Какой писарь? Какой помощник? — И до меня стало доходить, что я у Светозара в кабинете не дослушала ничего. Сама все придумала... Или нет? — И ты не собирался меня...

Я не договорила. Вот же пакость! Как тяжело быть женщиной. И как хорошо было, когда эта особа отдельно от меня существовала. А тут получается, сама придумала, сама обиделась.

— Что не собирался? — улыбнулся мой любимый и заботливый недомуж. Ведь помощник-то мне на самом деле не помешает. Но не писарь, а управляющий. Пусть руководит теми предприятиями, где уже налажено все, а я в это время новыми заниматься буду.

— Ничего, — выдохнула я и в рясу темно-синюю уткнулась, чувствуя, как слезы от счастья на глазах наворачиваются. Как же мне повезло с недомужем. — Все хорошо, Златослав. А помощник мне нужен. Прав ты.

Управляющего мы нашли быстро, а вот чтобы обучить его как надо вести мой бизнес, ушло несколько месяцев. Мужчины в средние века ужасные шовинисты.

Первое время я даже разговаривала с ним только в присутствии Златослава, потому что этот тупой мужлан, нет не тот, который недомуж, а тот, который управляющий, делал вид, что я пустое место.

А вопросы ему, видимо, сам Бог задавал. Хотя и их он в первое время игнорировал. И только когда понял, что мой недомуж будет молчать, и придется либо общаться с пустым местом, либо потерять работу, соизволил отвечать.

Еще один месяц ушел на то, чтобы убедить Великомудра... ага, так его и звали... что я не пустое место, и даже не тень святоши, а вполне себе самостоятельная и к тому же разумная личность, понимающая те слова, которые говорит мой рот.

Хотя иногда мне казалось, что если бы мы позволили Великомудру думать, что меня на самом деле нет, дела бы пошли гораздо быстрее. И почему во всех религиях Бог так не любит женщин и старается внушить мужчинам, что мы, женщины, неразумные и, вообще, почти даже не люди? Бойся конкуренции что ли?

Еще через месяц Великомудр смог разговаривать со мной на деловые темы, не вздрагивая, и отвечать на мои вопросы, не чувствуя себя блаженным. И я наконец-то полностью спихнула на него достроенную баню, попросив заняться оснащением тазиками, вениками и прочим, а так же составлением расписания мужских и женских дней; швейную мастерскую с оберегами и носовыми платками, попросив не ломать то, что сделано и подумать об открытии филиалов при храмах в других городах; и клининговую службу по уборке города, попросив приложить усилия, чтобы внедрить отдельный сбор мусора во всем городе.

Да, управляющего пришлось просить, а не требовать. И мягко, по-матерински журить, если он делал что-то не то. Потому что, во-первых, Великомудр был намного старше меня, и кричать на него рука не поднималась, во-вторых, он на самом деле был отличным управляющим и старался четко выполнить мои просьбы, в-третьих, его бы хватил апоплексический удар, если бы женщина посмела что-то требовать у мужчины, и в-четвертых, я боялась, что он уйдет, и мне придется снова доказывать, что я не просто приложение к мужу. И тут я снова порадовалась, что мой муж святоша. А то сдали бы меня в храм на опыты по сжиганию ведьм.

Я же занималась развитием своей мусорной корпорации. За конец лета и начало осени я построила прямо у мусорного полигона два длинных, бревенчатых склада. Утепила их, тщательно законопатив все щели и засыпав завалинки толстым слоем земли. Землей же утеплила потолки, завалив полы на чердаках. Построила правильные и неправильные печи.

Правильные мне сложил местный печник, а неправильные — ситайский. У этих печей дым из топки шел не вверх по трубе, а уходил под большое просторное, но невысокое ложе, которое я решила использовать для сушки своей продукции.

Чтобы в цехах было светло, пришлось прорубить окна и поставить двойное остекление. Стекло в этом мире было дорогим удовольствием, а уж двойной стеклопакет почти разорил меня, став самым большим расходом в смете и сожрав все накопления. Но я не жалела, лучше так, чем круглый год в цехах по производству бумаги и ДСП использовать открытый огонь для освещения. Я тогда гореть буду раз двадцать на дню.

Хорошо, что аккурат к этому времени приехал казначей Великого князя и привез обещанные деньги для строительства дома-мечты. Никакой дом я, конечно, строить не собиралась. Мы со Златославом решили повременить с детками, а нам двоим и небольшого дома за глаза хватит. На самом деле дома за глаза хватило бы и семье с пятью детьми, но об этом я недомужу не сказала. Незачем. Пусть старается и думает, где еще заработать денег для наших будущих детей.

Кроме денег казначей привез мне грамотку. Великий князь слов на ветер не бросает, и стала я теперь задним числом столбовою дворянкой. Я когда прочитала грамотку-то, смех сдержать не могла.

— Не вижу ничего смешного, — поджал губы казначей, похожий на старую ворону. Весь в черном, голова седая, а нос, как клюв, огромный.

Мы сидели в гостиной в нашем доме. Светозар предлагал гостю поселиться у него, обещал выделить покои, но казначей, недовольно сверкнув глазами, высокопарно ответил, что он сюда работать приехал, а не в покоях разлеживаться. И собирается прямо сегодня вечером изучить всю мою отчетность, и в случае необходимости задать вопросы. И он не будет усложнять себе жизнь, бегая



от одного дома к другому.

— Простите, — улыбнулась я. Мне с этим казначеем еще работать. Нельзя ссориться с человеком, от которого зависит, когда ты получишь оплату за товар: прямо сейчас или скоро. — Я просто сказку вспомнила, про золотую рыбку. Очень уж все похоже получается...

— Сказку? Про золотую рыбку? Никогда не слышал, — пробормотал казначей. А потом на секунду замер и заговорил. — Сударыня Василиса, не соблаговолите ли вы, после завершения всех дел поведать мне эту сказку про золотую рыбку.

Оказалось, казначей страстный поклонник сказок. Он собирает их всю свою жизнь и с радостью пополнит свою коллекцию.

— Не обязательно ждать завершения всех дел, — улыбнулась я, — я могу рассказать вам сказку во время ужина. — Казначей довольно кивнул, а я продолжила, — к тому же. Я знаю очень много сказок, которых вы никогда не слышали. — и пояснила на недоуменный взгляд казначея, — мой папа был купцом, мотался по множеству стран, а я тоже любила сказки.

— Что же, — ворон улыбнулся, — я буду рад их услышать. А вы помните, откуда какую сказку привез ваш отец?

— К сожалению нет, — рассмеялась я, — я была слишком мала, чтобы интересоваться их происхождением.

Казначей еще не понимал, но теперь мы с ним будем лучшими друзьями, потому что я знаю чем купить этого старого и очень скупого, как сказал Златослав, хрыча...

— Скажите, сударь, — обратилась я к нему, — а как вы смотрите на то, чтобы напечатать ваши сказки на бумаге?

А что? Книгопечатание — хороший бизнес. Тем более бумага своя будет.

С казначеем через несколько дней мы расстались лучшими друзьями. Я каждый день развлекала его сказками моего мира. Начала с «Золотой рыбки», потом вспомнила про «Колобка», «Репку» и «Курочку Рябу», а в последний вечер коварно и продуманно поведала ему о «1001 ночи». Бедный старикан чуть не плакал, когда уезжал. И взял с меня клятвенное обещание, что при каждой встрече я буду рассказывать ему новую сказку. Он будет их записывать, а когда наберется достаточно, мы выпустим книгу.

А чтобы задержек не случилось, он обещал всеми силами способствовать развитию бумажного дела. Или как мы написали в документах для пущей солидности — бумажной мануфактуры. Слово для местных было незнакомо, но казначею очень понравилось, как оно звучит.

20

Денег у меня теперь стало много. Златослав, посмеиваясь над моими планами, согласился вложить их часть в наш с ним семейный бизнес — в производство корпусной мебели. Оказалось, что в этом мире даже доски делают не по человечески: раскалывают бревно вдоль, потом долго строгают, чтобы получилась ровная доска. Стружки при этом остается столько, что мне хватит на десять мануфактур. Если я смогу превратить мусор в мебель, то покупатели я меня найдутся.

И работа закипела.

Светозар, которого в здравом размышлении я взяла в долю, отдав одну треть мебельной мануфактуры, старался не за страх, а за совесть. Рабочие прототипы шредеров были готовы уже к середине осени, а с первым снегом мы торжественно открыли сразу два полностью укомплектованных оборудованием мануфактуры: бумажную и мебельную.

Статистические данные по количеству тряпья и древесного мусора в городских отходах у меня уже были, поэтому я могла рассчитать необходимую производительность мануфактур довольно четко.

А еще мне все таки пришлось заключить с мастерскими договора на покупку у них лоскутов и древесной стружки. Потому что зимой все это легко сгорало в печи, и вместо того, чтобы платить мне за вывоз мусора, они его просто сжигали. Но зато они были так удивлены, что я хочу купить у них мусор, что продали его мне за копейки. А я не будь душой, закрепила цену в договорах аж на пять лет с возможностью автоматической пролонгации. А что? Здесь пока всяких Рос...надзоров нет, никто и слова против не скажет. Правда, здесь, вообще, ничего нет. И если мастер решит наплевать на договор, я максимум что могу — пожаловаться Светозару. А уж тот грозно сведет брови, и поигрывая топориком, спросит у наглеца: «Что за дела?»

Мануфактуры заработали. В обеих мануфактурах работали мои бомжики. Рабочих хватало с лихвой,

к нам в рабочий дом, прослышав о сытной жизни, понаехало бродяг со всей страны. Кто-то не прижился и ушел дальше, но большинство с удовольствием включались в работу.

Я даже как-то не сразу заметила, что бомжиков стало гораздо больше, чем может вместить в себя наша ночлежка при храме... А когда заметила и задала вопрос бабке Пашке, она долго смеялась.

За лето бабка Паша отъелась и превратилась в здоровую и здоровенную старуху, которая славилась тяжелой рукой и весьма тяжелым нравом. Говорят, ее боялись даже городские ночные хмыри, и она останавливала самые жестокие драки на торгу щелчком пальцев.

— Василиса, — по старой памяти бабка говорила мне ты и называла по имени, хотя все остальные давно присовокупляли к нему вежливое «сударыня». Но я не возмущалась... ну, его... здоровее будешь. — Неужто ты думала, что бомжики до сих пор в ночлежке живут? Да у нас почитай свой околоток в городе есть, где раньше нищие обитали. Его сейчас бомжатским зовут. Не слышала что ли?

— Слышала, баб Паш, — кивнула я, — но думала, его так и называют потому, что там нищие обитают.

— Ох, девка, — она покачала головой, — уж замуж почти вышла, а ума не набралась. Да разве ж кто бомжиков-то нищими назовет? Ты смотри наших так не оскорби. Бомжики — уважаемые люди, своим трудом деньгу зарабатывают, хозяева рачительные, любую мелочь к делу пристроят, и люди обеспеченные. Ерофея нашего помнишь? — бабка сделала паузу, внимательно вглядываясь мне в лицо. Ерофея я помнила. Это вместо него меня хотели на грязные работы приставить, когда я только появилась. И я кивнула. — Так вот, женился недавно. Вдовушку из местных взял. Дом построить мы ему помогли в нашем околотке, небольшой, но все же. Уважаемый бомжик теперь наш Ерофей, бригадой уборщиков руководит.

Я была удивлена и даже шокирована. И когда это они все успели? Я-то думала бомжики у нас бомжики... ну, видела же их: снуют себе то тут, то там, в чистых, но стареньких одеждах, а к лицам-то и не приглядывалась. Да, по документам их с каждым днем все больше становилось. Но я-то думала они все так же... при храме...

— Баб Паш, — я сглотнула слюну, — а много ли домов у бомжиков в околотке нашем?

Бабка на секунду задумалась:

— Да, почитай вторую улицу уже достраиваем, — кивнула степенно, — на первой полтора десятка домов и на второй почти столько...

Вот тут я просто обалдела. Это что же получается, пока я прусь от собственной важности, считая, что помогаю несчастным бомжикам, кто-то делает это лучше меня?

— А откуда бомжики деньги берут, чтоб дома строить?

— Василиса, — расхохоталась бабка, — так ты же сама зарплату людям положила. Вот за деньгу они и стараются. А тут еще святоша наш, благослови его Боже, — перекрестилась она, — помощь стал оказывать от храма, на строительство дома. Берешь деньгу сейчас, а потом каждый месяц часть зарплаты отдаешь. Социальная ипотека называется. Не слышала что ль?

Бабка Пашка снисходительно посмотрела на меня.

— Слышала, — ответила я, чувствуя желание прибить недомужа. Потому что вспомнила, как еще в середине лета рассказала ему про ипотеку. Была у меня идея банк открыть и кредиты выдавать. Его тогда возмутило, что люди будут вынуждены оплачивать за жилье в два раза больше его стоимости, и при этом оно фактически им еще принадлежать не будет. И я сказала, что есть льготная, социальная ипотека, когда часть банковских процентов государство берет на себя, потому как государство обязано помогать тем, кто сам не может вылезти из нищеты.

Златослав тогда высказал мне категорическое нет, потому что ростовщиков, а такие здесь уже были, не любили и не уважали. Мне нельзя было лишаться уважения горожан, и я отказалась от идеи банковских кредитов. А мой недомуж, значит, нет... социальная ипотека... твою мать! И хоть бы пол слова мне сказал. Я-то, как дурочка, ему всю подноготную выкладываю: что сделала, о чем подумала, кого видела, что слышала... еле-еле успеваю все новости во время ужина рассказать. А он молчит всегда, только головой кивает, и все вроде у него по-старому, никаких изменений, никаких новостей... Тут же вон что вылезает!

— У нас почти все бомжики, кто с самого начала работали, уже получили или вот-вот получат ипотеку, — тем временем вещала бабка Пашка, — сама понимаешь, платежи за дом у некоторых пол зарплаты съедают. Вот и хотели мы к тебе, Василиса, всем миром на поклон идти, просить, чтобы зарплату ты подняла. Но раз уж сама пришла, то я тебя сейчас прошу. Подними бомжикам

зарплату, а то скоро придется, как раньше на паперть вставать, милостыню просить, чтобы выжить. Нас ведь теперь и к другим мастеровым на работу зовут. Уже уходят многие.

— Чего? — опешила я и ляпнула не подумавши, — ты, бабка Паша, профсоюз что ли организовала?! Условия мне тут ставишь?

— Проф союз? — зацепилась за новое слово бабка, — чегой-то это такое? Что за союз проф такой?

Я чуть себя ладошкой по губам не хлопнула. Ну, вот кто меня за язык тянул-то? Чуть сама себе проблемы на ровном месте не создала.

— Да, так, — отмахнулась я, — просто слово.

Бабка Пашка покивала и вздохнула:

— Ох, Василиса-Василиса... какой же отец у тебя хороший-то был. Вон сколько слов-то ты непонятных знаешь. Таких, что и святошу нашего в тупик ставят. Учил тебя отец-то, не гнушался, что девка. У нас как ведь, коль девкой суждено родиться, значит и учиться тебе незачем. Чай, детей рожать, да ухватом у печи махать, ума не надо, — она снова тяжело вздохнула и замолчала, молчанием своим давя на мою совесть, которая не захотела просветить несчастную, всеми обиженную женщину по поводу слова «профсоюз». Профсоюз бомжиков... ужас! Только в кошмарном сне такое и могло привидеться.

Я застонала и схватилась за голову. Потому что поняла, что с моей легкой руки быть работягам в этом мире бомжиками на веки вечные. Неплохое пополнение абсурда, после трусиков-пакетов и оберегов-труссов... Мне еще сильнее стало жаль тех, кто попадет сюда после меня.

— Ты чего, Василиса, — встревожилась бабка Пашка, — голова что ли болит? Небось от такого количества трудных слов ее на части рвет, да?

Вечером Златослава ждал допрос с пристрастием. К ужину, который приготовила верная Варуха, я спустилась хмурая и недовольная. И за столом сидела молча. Ни словечка не говорила, смотрела на недомужа обиженным взглядом и губы поджимала. Нарочно. Пусть помучается чувством вины, потом сговорчивее будет.

И он мучился. Сначала просто спросил, что, мол, Василисушка, родная моя и любимая, случилось? Что ты, девица, невесела, ниже плеч голову повесила?

Я в ответ недовольно глазами сверкнула и тихо фыркнула свысока, с таким видом, будто бы он спросил что-то очевидное. Вроде как на что сам ответ знать должен. Вроде он совсем дурак, что таких вещей не понимает... И сижу молчу дальше, выражение лица не меняю.

Златослав занервничал... незакаленные здесь мужики женскими хитростями, незащищенные от хитрых уловок.

Женщин-то местных с малолетства учат перед разумом мужским преклоняться и трепетать от счастья, ежели удастся малую толику интереса у мужчины вызвать. Ни о каких требованиях к мужчинам речи, вообще, не идет. Есть, конечно, дамы, которые и в таких условиях ухитряются мужиками вертеть. Как ледь Элеонора эта проклятая.

Мой недомуж про эту любительницу больших удов наотрез отказывался разговаривать. И даже двухдневное молчание его не проняло. И это, между прочим, в медовый месяц. Так что пришлось мне сделать вид, что и не было ничего. Но счет к леди Элеоноре вырос кратко.

И сейчас зря я про ледь эту вспомнила. Забыла, что лицо обиженным держать надо, что роль свою отыгрывать нужно четко и последовательно. И так разозлилась, что не выдержала и зашипела:

— Как ты мог, недомуж мой, так со своей недоженной поступить?! Как мог ты интриги против меня строить?! Как мог ты такое не рассказать? Обмануть меня, девицу доверчивую, в самых чистых чувствах?!

Возмущалась я долго. С чувством, с толком, с расстановкой. А Златослав только улыбался снисходительно и никак не реагировал. И от этого мне было обиднее. Для кого я тут распинаюсь спрашивается? И я заводилась еще сильнее, высказывая один и те же претензии по тридцать третьему кругу, все больше переходя на личности.

— И, вообще, — взвизгнула я, — как ты можешь быть таким бездушным? Зачем ты тогда на мне, вообще, женился?!

И тут этот... недомуж... совершенно спокойно, с милой улыбочкой заявил:

— А я еще не женился, — и спокойно так продолжил кашу свою жрать ложечкой.

Я от неожиданности даже не нашла сразу, что ответить. Замолчала, хватая ртом воздух и прокручивая в голове тысячи вариантов ответов, чтобы ударить побольнее. Что это еще за ерунда такая? Как это не женился?! А кто мне в вечной любви клялся? Кто меня за ручку к алтарю вел? Кто, в конце-концов, меня замуж выйти уговаривал? Я что ли?!

— И все чаще думаю, — глубокомысленно заметил Златослав, — что мне совсем другая жена нужна. Нет, я тебя, конечно люблю, — рассуждал он как будто бы меня рядом не было, — но я тут прикинул, что зря столько лет от должности святого отца отказываюсь. Надо мне расти, и все храмовое хозяйство в свои руки брать. И, сама понимаешь, это у простого святоши жена может любая быть, всем все равно. А вот святому отцу не всякая подойдет...

Он замолчал, давая мне время переварить сказанное. А я чувствовала, как на меня накатывает бешенство. Жениться он не хочет? Не подхожу я ему, видите ли! А кто ему подходит-то? Ледь его бесстыжая?

— Да, ты!.. Да ты!.. — огляделась я по сторонам в поисках чего-нибудь тяжелого, чтобы в недомужа моего швырнуть... Заслужил ведь. После такого я готова была на него с кулаками кинуться!

— Вот об этом я и говорю, — тяжело вздохнул демонов святоша, — всем ты, Василисушка моя родная, хороша. И красива, и умна, и хозяйственна, и рачительна, и предприимчива... да только нрав твой необузданный, — он снова вздохнул, — все портит. Ну, никак нельзя, чтобы Великая княгиня такой на эмоции несдержанной была.

Я вся кипела от ярости и готова была прямо сейчас отправить его собирать манатки, заявив, что и без такого мужа обойдусь. Никто мне не нужен, сама со всем справлюсь, и вообще!.. Но мой рациональный ум уловил главное:

— Великая княгиня?! — переспросила я насторожено, чуя какой-то подвох.

— Ага, — безмятежно ответил Златослав, продолжая невозмутимо жевать, не замечая, как от одного его слова вся моя злость сдулась, как воздушный шарик, — я тут подумал, что готов с отцом помириться и стать наследником Святого отца, если мой отец сделает наследницей тебя... ну, не тебя, а мою жену, — тут же исправился он. — Ты-то не годишься. Представь, если Великая княгиня такой скандал послам закатит? Или мне, или боярам? То, что баба страной править станет и так уже повод для недовольства и заговора. А еще такая скандальная и, прости, родная, хамоватая. Такое никто терпеть не станет. Это даже мне, любимая моя недожена, иногда очень сложно. — он замолчал снова, не глядя на окаменевшую от того, что услышала меня, и продолжил, — думаю, вот предложение леди Элеоноре сделать. Уж она-то никогда себе ничего подобного не позволит.

Я просто застыла... онемела... умерла... как же так? Я стараюсь, стараюсь, а он вместо меня Великой княгиней эту ледь хочет сделать?! И заорать не заорешь теперь... Попробуй начини возмущаться, как обычно, сразу понятно станет, что прав Златослав. А я страшно как не хочу, чтобы прав он был!

И ведь как все хорошо складывается, он с отцом мирится, как я Великому князю обещала... Святым отцом становится... а муж святой отец, это вам не просто святоша в заштатном храме. Уж я бы тогда развернулась, в каждом городе при храме филиалы бы открыла. Я — Великая княгиня, самим Великим князем наследницей названная. Это, вообще, такие перспективы открывает, что я аж зажмурилась. Стать первой в истории Великой княгиней.

Ага! Как же! Дошло до меня. Сделает Великий князь женщину наследницей как же! И бояре прямо слушать бабу будут, которая по их разумению, только недавно из гроба вылезла. Так я и поверила! Златослав и сам об этом говорил.

— Ты меня обманываешь, — буркнула я. Злость-то все равно уже ушла, оставляя после себя пустоту, — никогда Великий князь женщину наследницей не сделает.

— Сделает, — пожал плечами Златослав, — у него выбора нет. Святой отец и Великий князь должны быть очень близкой родней. А у них двоих кроме меня и Светозара и нет никого. Они хотели меня святым отцом сделать, а его Великим князем, и детей его воспитывать наследниками. Да только Светозару не по нраву страной править. Не любит он бумажки перебирать. Он же воин. Ему бы огнем и мечом земли завоевывать, а не хозяйственными делами заниматься. Вот ты бы, Василиса, подошла идеально... ну, если бы умела гневом своим управлять и чуть полюбезнее бы с людьми обращалась, — не забыл упомянуть это досадное недоразумение недомуж. — Мне Светозар сам предложил тебя вместо себя на княжество поставить, а он при тебе воеводой был бы. Но никак я на это пойти не могу. Страшна ты в гневе, Василисушка, того гляди головы невинные с плеч полетят. Нельзя тебе на княжий трон.

Я сидела как в воду опущенная. И возмутиться нельзя, и проглотить нельзя. Никогда еще в такой ситуацией не сталкивалась, и она вгоняла меня в уныние.

— Ну и не надо, — прошептала я, чувствуя, как глазам стало горячо, — ну и пусть твоя ледь княгиней будет. И жениться на мне не надо, я может теперь сама за тебя не пойду. Зачем мне муж, который со мной о другой думает...

Встала я тихонечко и вышла из столовой. Стою в коридоре и понимаю, не могу Златослава видеть. Да, не сахар я, но я же никогда характер свой и не скрывала. С самого первого дня вся нараспашку перед ним была. А он вон как... Вместо того, чтобы подойти и сказать, так, мол, и так, родная, придумали мы со Светозаром план хитрый, не желаешь ли поучаствовать. Да, я бы да за ради трона княжеского разве бы не расстаралась? Да, я бы даже ради самого Златослава расстаралась бы, если бы он хотя бы словечко сказал. А то молчал-молчал, и на тебе... женюсь на леди этой бесстыжей, которая ради уда в храм мотается.

Ну, вот и пусть женится, всколыхнулась во мне моя пропавшая женщина. Мы не пропадем. И без помощи княжеской справимся. И без трона обойдемся. Что же я, два раза с нуля поднялась, а в третий не справлюсь? Справлюсь. Потом вернусь, и он будет локти кусать, недомуж проклятый.

Только фигурки я к нему второй женой пойду. Пусть с ледью своей мучается. Мне муж и не нужен вовсе. Найду мужика приличного, рожу для себя. Это для местных кошмар и ужас, а для меня, современной российской женщины, вполне нормально. И в гробу я видала мужиков этих... козлы они все... что папашка мой настоящий, а не придуманный, что недомуж этот...

Я никогда не любила откладывать выполнение своих решений. И плевать, что ночь на дворе, а я вымоталась до последней степени за целый день. Пока козел мой недомужный в столовой кашу свою жрал, метнулась в кабинет и половину золота, что казначей на дом привез в подол сложила.

Все по-честному, моя это половина. Ему ведь и имущество мое с таким трудом нажитое, все останется и мой баул с оберегами.

Ну, уж нет, решила, это богатство я с собой заберу. Я-то оттуда всего пару упаковок трусов продала, не оставлять же все остальное. А там, как-нибудь, через третьих лиц торговлю организую, чтобы никто меня раньше времени не нашел.

Хорошо от дома моего до лавки рукой подать, добежала я, вещички свои собрала. Золотой запасец, что скопить успела, достала. В сундучок вместе с княжьими деньгами сложила. Из конюшню лошадку свела, мы ее не так давно купили, чтоб ткань от купцов возить, больно дорого они брать с нас стали за доставку. Запрягла, научилась уже за почти полный год жизни-то. Вещички свои в телегу закинула, сверху соломы побольше навалила, зима близко уже, холодно. Сама на солому взлезла, лошадку вожжами стегнула.

И получаса не прошло после разговора, как выехала я из Летинска в сторону столицы, рассудив, что в большом городе и спрятаться легче. А недомуж мой бывший даже не обеспокоился, что недожены дома нет... ну, так нужна значит...

Всхлипнула я, да разревелась, долю свою горькую оплакивая. И вместе со мной и погода плакала: первым снегом землю накрывая. Ну, и хорошо, не найти теперь меня Златославу... снег все следы скроет..

21

Летинск хоть и не столица, и от основных путей купеческих в стороне находится, а постоянные дворы на расстоянии дневного перехода на всех четырех трактах стоят. Вот до такого я к утру и доехала. Уставшая, замерзшая, голодная... За ужином-то мне и маковой росинки в рот не попало. Решила — перекушу, отдохну маленько, лошадь поменяю и поеду. Торопиться мне надо. Вдруг догонять кто отправится.

Заехала во двор. А там обоз купеческий стоит. Большой, возов двадцать, а то и больше. И подумалось мне, одной-то страшно. Это я на эмоциях ночь в одиночку по полям-лесам отмахала, а сейчас, как остыла, жутко стало. На меня же и звери дикие напасть могли, и разбойники. И ничего я сделать не смогла бы. Нет, надо к большому каравану прибавиться, да с ними и идти.

Смотрю я у одного из возков четыре мужика стоят в одеждах купеческих и спорят о чем-то. Я не долго думая к ним.

— Здоровы будьте, бояре... купеческого сословия, — улыбалась я во все тридцать два зуба, — куда путь держите?

— В столицу, — нахмурился самый пожилой купец, — а ты кто такая? Почто одна по дорогам мотаешься?

— А купчиха я, — подтянула завязочки на ушах, чтоб улыбка на затылке сходилась, — вдовая. Муж помер, а жить на что-то надо. Вот и решали в столицу поехать, там счастья попытать. Позвольте к

обозу присоединиться, обузой не буду, сама себя прокормлю, а ежели что, могу и на всех обед приготовить.

— Есть у нас кухарка, — задумчиво протянул пожилой, — а вот если позволишь на телегу твою добро наше погрузить, то так и быть, можешь с нами ехать. — И пояснил, — ось у нас слабая, до Лиховки не доедет, а в Летинск возвращать не хочется.

— Возьму, чего не взять, засияла я пуще прежнего и протянула купцу руку, — по рукам?

— По рукам, — ответил купец и скрепил договор. — Как звать-то тебя, купчиха?

— Васькой кличут, — хмыкнула я, не найдет меня теперь недомуж мой. Нет больше боярыни Василисы, есть купчиха — Васька.

— Эй, ребят! — Заорал пожилой купец, с которым я беседовала, — чего застыли?! Грузи телегу Васькину! Пахон, иди к трактирщику, лошадь свежую спроси! Скажи за мой счет! Верит, ты на козлы садись править, попутчица наша, кажись, всю ночь в дороге, отдохнет. И лошадь еёнюю забрать надо. Негоже вдову без лошади оставлять.

— Ты, Васька, — улыбнулся мне самый молодой, — не стой столбом, иди в тепле позавтракай, да пирогов с мясом на дорогу набери. Мы теперь только на обед остановимся, а на морозе часто перекусывать надо, что бы не замерзнуть. — Я кивнула и пошла в сторону входной двери в трактир на постоялом дворе. — Эй, Васька! — снова окликнул меня тот же купец, — у тебя фурт-то есть? А то я и одолжить могу. Я же в долгу у тебя, — повинулся он, и кивнул на проблемную телегу, — это же я недосмотрел. Мой, возок-то.

— Есть, — улыбнулась я в ответ, чувствуя, что меня отпускает... княжий сын... глава... чужие они мне. Из другого мира. А вот среди купцов своя я. И они мне понятны, и я им.

Проспала я весь день. Только на обед проснулась, кулеша горячего тарелку наверху и снова спать завалилась. А вечером, когда в постоялый двор приехали, да ужинать сели, купцы меня в компанию свою позвали. Понятно, что разговоры говорить будут. Я и сама горела желанием поболтать, да о купцах побольше вызнать. Мне же на новом месте устраиваться, связи нужны, знакомства. И, вообще, с купцами, которые сами караваны водят, поговорить интересно. Узнать, что за мир вокруг. Это же я только врала, что все знаю, а сама из леса вышла, кроме Летинска и не видела ничего.

— Ты, Васька, с Летинска же? — начал разговор пожилой купец когда ужин был съеден, а трактирщик поставил перед всеми по кружке пива. Мне попытался было сладкий взвар вручить, но я тоже себе пиво потребовала, под насмешливыми взглядами мужчин. Хватит с меня праведной жизни. — Говорят у вас там бабы-то в кирках не спят больше. Демоны, говорят вас не мучают, потому что береги есть особые, самим святошей вашим одобренные.

Я как раз пиво пригубила. И от неожиданности поперхнулась. А купцы довольно зафыркали. Решили, наверное, что от вкуса пива я подавилась.

— Есть, — прокашлялась я, — я себе такие тоже прикупила. Иначе не смогла бы всю ночь ехать, демоны бы меня догоняли. А так, — пожала я плечами, — что днем, что ночью. Все одно...

— А покажи?! — загорелись любопытством глаза глаза самого молодого, который мне пироги советовал купить.

Я фыркнула. Как это он себе представляет? Я что перед всеми подол задирать буду? Нет, я конечно, на многое способна. Но труселями сверкать перед пятью мужиками мне как-то не комильфо.

— Дурень! — пожилой с размаху отвесил молодому подзатыльник, — ты, Микаш, парень взрослый уже, вон усищи отрастил ниже подбородка, а умишка-то ноль. Ты чего удумал, баба тебе прямо тут исподнее покажет? — Купцы заржали. — Чтобы секреты бабские увидеть, надо сначала бабу приглубить, подарок подарить, слова красивые на ушко нашептать. И только потом на сеновал вести, или в комнату отдельную. А ты ишь его удумал. — Еще один крепкий подзатыльник, вероятно, должен был закрепить науку. Макаш стукнулся лбом о свою кружку и виновато засопел. Внял, осознал, запомнил. — Ты, Васька, не обижайся на дурня, — улыбнулся мне купец, — а ежели кто чего удумает, сразу ко мне иди. Я тебя в обиду не дам. А Никамор не тот человек, что словами разбрасывается. Поняла?

Я закивала, довольно улыбаясь:

— Спасибо, дядька Никамор за помощь. А про береги мы с тобой позже поговорим. Есть у меня человек знакомый, который про них всю подноготную ведает. Что где и почему, — подмигнула я купцу и рассмеялась.

Остальные поняли меня с полуслова и подхватили смех.

Как же хорошо, среди своих, до последней ужимки понятных.

Так мы и ехали. Спокойно, без приключений. Днем с Микашем байки травили, всех смешили подколками да подначками друг над другом. По вечерам разговоры вели, дела торговые обсуждали, что, где и почем купить-продать можно. Я слушала, да вникала, стараясь меньше говорить. Вопрос с моим прошлым буду решать с дядькой Никамором уже в столице. Я уже решила открыться купцу, потому что увидела, что честный он, слово держит, принципа «невидимой руки» придерживается и осознанно никому вредить не будет.

От недомужа моего ни слуху, ни духу ни было. Ни погони какой, ни суматохи. Словно и не нужна я была ему, словно и не было меня вовсе. А я ночами в подушку плакала. Огнем душа-то моя горела от тоски по Златославу, по жизни моей семейной, по лавке и мануфактурам моим.

Все думалось, как там баня? Работает ли, идет ли народ косточки погреть-попарить?

Мануфактура бумажная дней через пять-семь должна к Великому князю первого гонца отправить с тысячей писчей бумаги, да с двумя десятками мелованной. Я недавно додумалась мел добавлять, чтобы листы белее были. Аккурат накануне побега техкарту новую передала, да распорядилась на пробу для Великого князя сделать.

Мебельщики мои тоже расстарались. Мебель из ДСП у нас уже приличными темпами делается. Когда первые шкафы сделали, мужики мастеровые сами ахнули. Такая, мол, красота. Легкие, тонкие, удобные и какой хочешь формы. Я им еще угловой шкаф нарисовала и про подвесные шкафчики рассказала. Такие-то и на стену можно повесить, не упадут. Как раз сейчас первую выставку мы подготовили в лавке моей.

А лавка? Я ведь думала швейные мастерские оттуда переносить, да что-то вроде торгового центра сделать. Чтобы два этажа и в каждой комнате товары разные. Но не успела.

Так может сейчас успею? Торговый центр в столице все лучше, чем в провинциальном Летинске.

Но больше всего по Златославу я скучала. Не хватало мне недомужа рядом. Тепла не хватало. Взгляда. Улыбки. Рук его нежных. Только на беду, стоило мне о любимом вспомнить, так сразу и ледя его вспоминалась. И виделось, хохочет она надо мной, заливаясь и пальцем показывает, мол, куда ты купчиха поперлась? Сына княжьего в мужья захотела? Не ровня ты ему. Не будет он с тобой. Потому что она у него есть. Леди из его круга.

По дороге я сдружилась со всеми купцами, а особенно с Микашем, потому что по возрасту одинаковые были, и с дядькой Никамором.

Я ему во второй день пути почти честно рассказала, что от недомужа я сбежала. Мол, решил он вторую жену в семью взять, а я отцу обещала единственной быть. Вот и ушла. Никамор головой покачал неодобрительно, сказал, негоже жене от мужа бегать, но слово купеческое держать надо. Иначе веры у людей веры тебе не будет. А покупатель купцу верить должен, как самому себе. Тогда и покупка в радость будет, и в следующий раз он к тебе придет, денежку, как птичка в ключике. Принесет.

Вот после этого Никамор опекать меня взялся. Заботиться. Тулупчик запасной отдал, кусок шкуры медвежьей, под попу подстелить, чтобы теплее было, на постоянных дворах первым делом комнату для меня заказывал. И все так словно невзначай, ненавязчиво, а у меня каждый раз сердце кровью обливалось и слезы на глазах выступали. Никогда еще обо мне мужчина так не заботился. И за десять дней пути прикипела я к Никамору всем сердцем... Все думала, вот бы мне отца такого. Может быть тогда из меня нормальная женщина выросла бы, а не мужик в юбке. На это моя женская половина снисходительно фыркала, мол, ага, как же... так и поверили.

Через две недели наш караван въехал в ворота Великомира — столицы княжества. Дело было вечером, караван ставший за время пути единым целым, внезапно распался на несколько частей. На моей телеге лежал груз Микаша, и я собралась было ехать с ним. Тем более, Микаш сам пригласил меня пожить у него. Мол, гостей будешь.

Он еще после того случая в трактире постоялого двора оказывал мне знаки внимания, но ничего, кроме дружбы я ему предложить не могла. И он согласился, что быть добрыми друзьями гораздо лучше, чем постоянно пробовать друг друга на прочность, поэтому я и не опасалась за свою добродетель.

Но дядька Никамор думал по-другому:

— Васька, — нахмурился он, — негоже бабе молодой по чужим мужикам мыкаться. Давай-ка ко мне поехали, а товар свой Микаш завтра заберет. Мы с женой моей Арешкой тебя, как дочь родную, примем. Наша-то выросла уже. В прошлом годе уже внучка старшая замуж вышла.

Я уже знала, что у Никамора было три жены и девять детей, но мор больше двадцати лет назад унес жизни всей его семьи. Выжили только он, одна из его жен и старшая дочь. Она как раз замуж вышла и уехала.

Отказываться от предложения дядьки Никоамора я не стала, и уже через несколько минут мы въехали в просторный двор Никоморовой усадьбы, по-другому назвать этот огромный дом, с большим двором и многочисленными хозяйственными постройками язык бы не повернулся.

Арешка встретила меня насторожено, она обнималась с мужем, широко улыбалась и даже плакала, радуясь его возвращению, но при этом я чувствовала, она не особо рада меня видеть. Собственно, очень не рада.

— Арешка, — пробасил Никамор, когда улеглись первые эмоции от встречи, — это Васька, из купеческих. Овдовела, приехала счастья в столице попытать. Она наша гостья. Поживет, пока не устроится.

Надо было видеть, с каким облегчением выдохнула Арешка, и улыбаться мне стала чуть искренне, а до меня, как до утки на третьи сутки дошло, что она меня восприняла, как будущую вторую жену. Вот и всполошилась, возненавидела заранее. А еще докумекала я наконец-то, что тут вам не там, если бы поехала с Микашем, то в глазах всех стала бы его, как бы это помягче выразится, любовницей. И даже Микаш считал бы так же. Тогда-то стало ясно, от чего уберег меня дядька Никамор.

— Васька, — сияющая от счастья Арешка, обняла и меня тоже, — очень рада привечать тебя в своем доме. Я тебя в комнату дочки нашей поселю, тебе там удобно будет. Пойдем, — взяла она меня за руку, — покажу.

Я пошла, а чего? Устала за день. Помыться хочется, переодеться, поужинать и спать лечь. Завтра с утра дел полно. И надо еще успеть к тому времени, как Макиш мою телегу разгружать начнет, чтоб лишнего не прихватил. Как-то после такого двусмысленного приглашения, которое я чуть не приняла по незнанию, доверия у меня к нему нет.

Как только мы с глаз дядьки Никамора скрылись, как подменили Арешку. Рука до этого мягко лежавшая на моем локте, вдруг стала жесткой и сжалась изо всех сил. А вместо милого голоса из ее рта вырвалось шипение:

— Ты, девка, ежели собралась мужа моего охмурить, имей в виду, я костями лягу, а ты полбровницей и останешься. Ты не смотри, что Никамор хозяин, в этом доме я хозяйка, и как я скажу, так и будет. Поняла?

— Поняла, — вздохнула я, — не собираюсь я больше замуж, тетка Арешка. Хватит с меня одного раза, — я запнулась. Совсем забыла, что по легенде у меня уже два брака. — и второй помолвки. Все мужики козлы, — добавила я искренне, — и я никого больше близко к себе не подпущу.

Кивнула тетка, ответ мой принимая, и рука на локте расслабилась. Тут мы как раз до комнаты моей дошли. Небольшая, но аккуратная, чистая, а большего мне и не надо.

— Ох, — вздохнула тетка Арешка, закрывая за собой дверь соей спальни, чтобы из коридора на не видно, не слышно было, и всхлипнула, — тяжела наша бабья доля, не повезло тебе, дочка, с мужьями-то.

Я кивнула подтверждая, мол, да, не повезло. А Арешка обняла меня и разрыдалась. Да так проникновенно, что и у меня слезы из глаз полились, а дыхание сиплым стало.

Наревелись мы с теткой Арешкой, о доле несчастной бабьей сетуя, и лучшими подружками стали. Такой близости у меня даже с Иркой не было.

22

На следующее утро Макиш приехал за товаром ни свет, ни заря. Я только глаза продрать и одеться успела, так и выскочила во двор.

— Здорово, — говорю, — Макиш. Что так невесел, голову повесил?

А он и на самом деле хмурый да на весь свет обиженный. Не улыбается даже, хотя всю дорог зубы скалил. На мой вопрос он только плечами пожал и начал с телеги моей в свой возок мешки перегружать.

— Макиш, — остановила я его, — говори, что случилось. Я ведь так не отстану.

— А чего говорить-то теперь, — буркнул мой приятель, — все вчера вечером ясно стало. Старика



значит выбрала, да, Васька?! На богатство его позарилась?!

— Дурень! — я с размаху выдала олуху подзатыльник, — мало тебя дядька Никамор воспитывал. Ты с чего же взял-то, что я замуж собираюсь? За тебя ли, за дядьку Никамора ли, или за самого князя?

— Да, — вздохнул Макиш, — сама же ты говорила, что в столице устроиться хочешь. А где бабе-то устраиваться, как не замужем.

— Лавку я открыть хочу, — рывкнула я, — наелась я семейной жизни, Макиш, так что поперек горла мне каша эта встала. Видеть мужиков не могу. Я купчиха и сама способна лавкой руководить, да с людьми торговать. Зачем мне мужик-то?

— Лавкой-то можешь управлять, — кивнул Макиш, — у нас многие бабы-то торговлю ведут ничуть не хуже. Да только как лавку ты купишь? А продавать в лавке что будешь, а Васька? Кто тебе товар возить будет, если не муж?

Вот те здрасти, я от смеха чуть не свалилась прямо в грязь. Представила, как за каждого поставщика замуж выхожу, чтоб товар он мне возил.

— И что ржешь-то, как кобылица, — обиделся Макиш, — правду я тебе говорю. Все так делают. Сами караванами мотаются, а жены в лавке торгуют.

— Макиш, — улыбнулась я, — а вот ты не женат еще. Кто за тебя в лавке торгует-то?

— Ну, да, мать и тетки... Мы с отцом, почитай вдвоем теперь мотаемся. Хорошо подняться должны. Как раз к моей женитьбе вторую лавку купим.

— А-а-а! — потянула я, — то есть не обязательно товар жене сдавать. Можно матери. — Макиш, не понимая к чему я клоню, кинул. — А можно Ваське. Пока ты со следующим караваном ходишь, я твой товар продам, а прибыль поделим честь по чести.

— Нет, — мотнул головой приятель, — жене лучше. Так все деньги в семье останутся. Ты, Васька, знай. Я тебя в любое время рад принять буду, ежели ты по мужикам гулять не станешь. Не к лицу купцу честному ославленная баба в жены, — выдал мне напоследок Макиш и, погрузив на свой возок последний мешок, прыгнул на козлы, залихватски свистнул и уехал.

М-да, ну и порядочки здесь. Пожалуй, подняться мне будет тяжелее, чем я думала. Там-то в Летинске меня Златослав с первого дня поддерживал, да помогал. Сердце уже привычно кольнуло от воспоминаний, но я сделала вид, что не заметила боли. Нельзя мне расслабляться. Сегодня надо помещение для будущего торгового центра найти, и с купцами договориться, чтобы они мне часть товара своего на реализацию отдали.

Завтракала я в одиночестве. Дядька Никамор уже по делам свинтил, тетка Арешка в лавке работала, тут же на первом этаже. Выглянула только, как меня услышала, крикнула что завтрак на столе. Я потом из вежливости помощь предложила. В первый день после каравана, как и в нашем мир после поступления товара, народу тьма было. Тетка так же вежливо отказала. Да, оно и понятно. Кого попало разве жепустишь в свою лавку-то? Я бы тоже не пустила.

Закинула в свою комнату вещички свои, которые под баулами Машика так и лежали, сундучок с золотом подальше под кровать засунула и в город пошла. До самого вечера бегала, как угорелая. Все столичные рынки оббежала, никто не захотел мне лавку продать. Нет, они сначала хотели, да только переговоры вести не со мной желали, а с мужем моим. А когда я говорила, что сама по себе, громогласно ржали. Насчет того, чтобы передали мне часть товара на реализацию, я даже не заикалась. И так ясно, что откажут.

К дядьке Никанору вернулась я расстроенная. Да, Великомир не Летинск, где с первого дня за моей спиной святоша всеми почитаемый маячил. Здесь я была никто.

— Васька, — улыбалась тетка Арешка за ужином, — ты где ведь день пробегала-то? Даже на обед не вернулась?

И чувствовалась за этой улыбкой какая-то недосказанность, и дядька Никамор, как-то не так на меня смотрел. Я вздохнула. Нельзя, чтобы недоверие между нами возникло. У меня на дружбу с дядькой Никанором большие планы появились. И как бы ни хотелось связь с берегами летинскими и замужество за святошей скрыть, но куда деваться-то? Пора играть в открытую. Тем более помощь мне нужна. Без мужика за спиной, ничего у меня не получится. А из всех своих немногочисленных знакомых в столице, я сама только дядьке Никамору довериться и могу. И попросить, чтобы он в первое время поддержку мне оказал. Пока я репутацию зарабатываю.

— Дядька Никамор, — ковыряла я ложкой в каше, — поговорить бы надо, помощь мне твоя нужна, а я за нее с тобой по полной рассчитаюсь.

— Ежели ты что-то недоброе задумала, — прогудел дядька Никамор, — так я сразу не согласен. Ежели другое что, то подумать обещаю. Говори, Васька, чего хотела-то?

Говорила я долго. Рассказала, что правда вдова, которую прогнали со двора родители супруга с бесполезными на их взгляд оберегами, рассказала, как привезли меня в Летинск, как жила я там в работном доме, как уговорила святошу провести эксперимент в оберегами, рискнув собой, как открыла мусорный бизнес, лавку, швейную мастерскую, две мануфактуры и фирму совместную с главой... И как сбежала от недомужа из-за того, что он решил жениться на другой.

Дядька Никамор неопределенно хмыкал в особенно напряженные моменты, а тетка Арешка недоверчиво вздыхала и укоризненно качала головой.

— Вот так, дядька Никамор, — закончила я рассказ встречей с караваном, — а дальше ты знаешь. В столицу я приехала, чтобы начать жизнь сначала, но замужество в мои планы не входит. Я хочу открыть большую лавку, очень большую, продавать там товары со всего свете, скупая их у купцов. Но сегодня я обошла все рынки, и со мной никто не хочет разговаривать. Всем нужен мужчина, который стоит за моей спиной. Вот я и хотела предложить тебе, дядька Никамор, сделку. Ты временно побудешь этим мужчиной, пока все не привыкнут, что я сама веду дела. А я с тобой оберегами рассчитаюсь. Ты сможешь возить их по всем городам и продавать сам.

Этим я убивала сразу двух зайцев: получала мужчину, который будет моим, так сказать, щитом, и решала проблему продажи оберегов. Сама-то я их не могу продавать, Златослав сразу догадается, где я. И хотя он меня не ищет, я не хотела давать ему ни единой зацепочки. Да, все это выглядело несколько нелогично, но моя женщина утверждала, что так правильно, а я просто ничего не понимаю.

— Да-а, — задумчиво протянул дядька Никамор, — не ожидал... Слышал я о чудесах Летинских, мол, у святоши тамошнего баба шустрая, но вот что это ты, никогда бы и не подумал. Молода больно ты, Васька, для дел таких. Да, и, — помялся он, — сомневаюсь, что святоша тамошний на простой купчихе женился бы. Уж не врешь ли ты? А, Васька? — Впился он в меня взглядом.

— Не вру, — я вздохнула, — есть у меня грамотка боярская, отцу моему Великим князем пожалованная. Да, только, дядька Никамор, сам посуди, какая из меня боярыня? Ни этикету не знаю, ни вести себя не умею. Говорю громко, руками машу, чувства свои не скрываю, правду-матку прямо говорю, ежели делу это не вредит. Купчиха я. До мозга костей купчиха. Поэтому и ушла. Вторую-то жену недомуж мой из своего круга взять собрался. Ледю, — я постаралась сказать так, чтобы это не выглядело ругательством. Но судя по смешку дядьки Никамора и фырканью тетки Арешки мне это не удалось.

— Купчиха до мозга костей? Хорошо ты сказала, — хохотнул дядька Никамор, — пойдем покажешь обереги свои.

И мы пошли.

Дядька Никамор тщательно осмотрел трусы. Повертел их в руках, растягивая и разглядывая со всех сторон. Тщательно пощупал ткань и кружева, поскреб ногтем по пакетам, мельком взглянула на сам баул. И выдал:

— Уж, не знаю, Васька, где отец твой товар эдакий взял, но в одном я уверен — ни в одной стране, куда караваны ходят, такого нет. А я, Васька, за полсотни лет, весь мир ногами исходил. Во всех портовых городах побывал, но ничего даже близко похожего не видел.

— Вот что не знаю, дядька Никамор, того не знаю. Отец мне ничего не рассказывал. Сказал только, для чего обереги эти использовать можно, да велел не говорить никому, что много их у меня. Ты, дядька Никамор, первый все видишь. Но ты бы и сам догадался бы, что в возке моем лежало. Если бы хотя бы одни трусики (\*пакет) увидел бы.

— Да-а, — почесал затылок купец, — ежели бы не знал я, что помолвка у вас со святошей была, решил бы, что с демонами сговорилась ты. Но тут уж не придерешься, чиста ты перед Богом. А вот отец твой часом душу демонам не продал за обереги эти?

Я только плечами пожала, а что еще сказать, если недомуж проклятый, от мыслей о котором до сих пор сердце заходится, до их пор меня своей тенью оберегает?! И отец придуманный тоже...

— Да-а, — снова почесал затылок дядька Никамор, — ты, Васька, отбереги свои спрячь и никому больше не показывай. Прав был твой отец, нельзя людям столько товара демонского видеть.

— Дядька Никамор, — испугалась я, что откажется от от помощи, — да, с чего демонские-то обереги? Святоша же их видел, трогал и даже от имени храма продавать позволил.

— Эх, Васька, — зафыркал купец, — молодая ты еще, глупая. Ежели обереги эти демониц от

демонов бесстыжих защищают, значит и бабе человеческой помогут. А святоша умен, умеет в корень зрить, потому и позволил. Что ни говори, а бабу приятнее с собой под боком ложить, а не в ящик деревянный. Да и бабе в кирке неудобно. Особенно с возрастом. Моя вон каждый день жалуется, что кости болят. Продашь мне оберег для Арешки? А то она меня со свету белого сживет-то.

— Нет, — рассмеялась я, — не продам, дядька Никамор. Подарю. Вот, — я сунула руку в баул и достала симпатичные трусишки тепло-бежевого цвета в кружевном по краю. У нас такие обычно женщины возрастные покупали, — нравятся?

Дядька Никамор снова внимательно осмотрел трусы, растянул их в руках, прикрыл глаза, представляя их на тетке Арешке, а потом почесал затылок и выдал:

— Нравятся. Только ты мне, Васька, лучше те дай, что я первыми смотрел. Очень уж хочу их на Арешке увидеть...

Я расхохоталась и сунула смущенному купцу обе пары. Сомневаюсь, что Арешка рада будет в трусикам-танго. Но пусть дядька Никамор порадуется.

— Охальница, — буркнул купец, спешно ретируясь из моей комнаты. И уже когда вышел, заглянул снова, — ты завтра с купцами пойдешь говорить, скажи, что я приду торг вести.

С поддержкой дядьки Никамора все пошло, как по маслу. И двух дней не прошло, как купила я лавку большую почти в самом центре. Большую часть денег, что у меня были пришлось за нее выложить. Осталось мало-мальский ремонт сделать, да прилавки поставить. Но дядька Никамор прав был, чем ближе к центру, тем больше престижа. И если я хочу обереги продавать по хорошей цене, то нужно мне как можно ближе к знати встать. Я хотела.

Лавка хорошая мне попала. Два этажа, плюс мансарда. Купец, что ее держал богатый был, да помер недавно, а сыновья договориться не смогли, как отцово наследство делить. И решили что деньгами оно честнее будет. А жены отцовские, две пожилые степенные дамы слегка за пятьдесят, то у одного жить будут, то у другого, по очереди. Женщин, как водится, и не спросил никто. А чего баб-то спрашивать?

Я же мимо горя несчастных, враз все потерявших и мужа, и дом, пройти не смогла, и позволила им жить здесь, в мансарде. Там как раз две комнаты и есть. Я хотела себе одну оставить, но дядька Никамор сказал, чтобы даже не думала по углам мотаться. И пока у меня не будет своего нормального дома, я могу жить у него.

А вдов, по совету дядьки Никамора, наняла на работу.

— Раз уж ты, Васька, основы рушить взялась, — смеясь сказал мне он, — так до основания все сноси. Пусть у тебя одни бабы в лавке работают, чтоб купцам-мужикам чисто нос утереть.

И теперь есть у меня в лавке управляющие: тетка Марна и тетка Верга. Понравилась они мне обе. Спокойные, степенные. И лавкой, в отсутствии хозяина хорошо управляли. Да, что говорить, к ним сразу после похорон сваты приходили, замуж звали. И думали уже тетки согласиться, как тут я со своим предложением. Вот и остались. Замуж-то они всегда успеют выйти, а самостоятельно пожить очень хотелось. Тем более я им по оберегу выделила, чтоб в кирку не ложиться.

Пока они лавку отмывали, да белили-красили, превращая склады, подсобки и жилые комнаты в торговые помещения, я по купцам носилась, пыталась договорить о передаче мне товара на реализацию. И это оказалось гораздо сложнее. Купцы готовы были продать мне часть своего товара, но не отдать просто так с невнятной перспективой когда-нибудь получить деньги обратно.

У меня уже руки опускались, и отчаяние накатывало. Вот зачем мне огромная лавка, если там и товара полтора десятка оберегов будет, которые я якобы от дядьки Никамора получила?

И тут до меня дошло, что я бестолочь бестолковая. Кто же так дела-то ведет? Зачем купцам, у которых лавки не чета моей, с какой-то девицей связываться? Тем более баба же. Чего-нибудь намудрит, в взятки гладки. Сам дурак, коли деньги бабе доверил.

Тогда я тактику-то поменяла. Прошлась по купцам средней руки, у которых лавки по окраинам стояли, и предложила им полки на витринах арендовать за процент с продаж. Мол, и вам польза, лавку в центре целиком покупать не надо, и мне хорошо, полки с товаром будут.

Такая идея купцам по вкусу пришлась. Враз в одном отделе все витрины заполнили. Да еще каждый старался на своей полочке побольше товара уместить. И казалось покупателям, что у меня товара полное изобилие, аж места не хватает все выставить.

Открытие лавки я решила сделать сенсацией, чтобы каждый житель столицы мгновенно узнал о

том, что мы есть. Для этого мне нужно было сделать три вещи: запоминающееся название, узнаваемость и мощная рекламная поддержка.

Желательно, чтобы название не просто запомнили, а чтобы о нем заговорили, чтобы оно было на устах у всех и каждого. Это оказалось весьма просто. Свою лавку я назвала «Дамские трусики». В меру скандально, но и приличия не нарушены. Лавки здесь всегда называли по имени купца, а значит мое название четко дает понять, кто в лавке хозяин. А баба-хозяин лавки это достаточный повод, для того, чтобы посплетничать, а потом пойти и убедиться лично, что сплетни не врут.

Я понимала, что в народе слово «дамские» мгновенно заменят на Васькины, но так даже веселее. А трусики, с моей легкой руки, это пакеты-сумочки, а не нижнее белье, так что все в рамках даже по местным меркам.

Для того, чтобы сделать лавку узнаваемой с первого взгляда, я пошла проторенным путем — заказала резчику огромную, на весь фаса вывеску, как в Летинске. Но этого было мало, мне нужно, чтобы выйдя на рыночную площадь, человек не просто сразу увидел, но и не мог отвести взгляда от моей лавки. И я решила, что это тоже совсем несложно сделать в мире, где про маркетинг и не слышали.

Весь фасад ниже вывески я решила затянуть плотной парусиной, на которой планировала нарисовать основные мои товары — трусики, обереги и все остальное, ежели мои арендаторы пожелают. За дополнительную плату, разумеется. И тут я допустила стратегический просчет: сначала купила полоски ткани и сшила их по всей длине, и только потом узнала, что здесь не существует красок, которые можно использовать для наружных работ. Все мои картинки смывает первый же дождь. Это было фиаско.

Я расстроенная вернулась домой, было страшно жаль денег и времени, которые я потратила на подготовку бесполезного холста.

— Что, случилось, Васенька? — Улыбнулась мне тетка Арешка, увидев мою недовольную физиономию.

Дядька Никамор сейчас сам работал в лавке, торгуя привезенным товаром, и у его супруги высвободилось время, которое она тратила на вышивку. Не понимаю, какой интерес сидеть и часами тыкать иглой, вышивая гладью какую-то религиозную картину? Тетка Арешка смеялась надо мной, мол, пока сама не взяла в руки иглу и не попробовала, не могу утверждать, что это скучно и уныло. Но у меня даже желания не возникло попробовать, тем более сейчас, когда целых два дня мы все втроем: я и мои управляющие, как проклятые махали иглой, сшивая ткань.

Это снова напомнило мне поражение. И я снова начала злиться, как вдруг меня осенило:

— Тетка Арешка, — спросила я подругу, — а ты можешь вышить очень большое полотно? Просто огромное?

— Нет, — вздохнула она, — Никамор уже снова караван собирает, через луну, говорит, пойдут в Ситай. Времени у меня и на пару стежков не будет.

— А за неделю?

Тетка Арешка расхохоталась:

— Бог с тобой, Васенька. Да за такое время только платочек и можно вышить. На большом полотне пока нарисуешь, пока нити подберешь по цветам... одно это намного больше времени займет.

— А если одним цветом и большими крестиками, а не гладью? — улыбнулась я и показала размер исполинских крестиков (\*примерно 10\*10 см).

— Что это ты удумала, — нахмурилась она, — так не делает никто. Где это видано такими крестами вышивать? Кому потом такое нужно будет?

— Тетка Арешка, — почуяла я решением моей проблемы, — а возьмешься? Сделаешь мне такую вышивку? О цене договоримся.

— О какой еще цене, — буркнула упрямая тетка, — мозги у тебя набекрень, Васька.

Только через полчаса уговоров согласилась. И то, я думаю, только для того, чтобы отстала я. А я и отстала. Полночи на восковой дощечке схему рисовала — девушка с развевающимися волосами. Видела я как-то в гостях такую черно-белую вышивку. Вот и пригодилось.

Вопрос с рекламным баннером был решен. Тетка Арешка, с помощью моих управляющих, вышила его аккуратно к открытию.

А с рекламной компанией оказалось намного проще. Во-первых, я прошла по рынку и наняла на день открытия парочку самых громкоголосых торговков. Вышло недешево, по фурту на каждую, но очень уж заодно они кричали, перекрикивая всю толпу. И, во-вторых, договорилась с уличными мальчишками, что заплачу им по полпены, если они будут бегать по городу и кричать мои рекламные слоганы. Идея заработать на том, чтобы орать во все горло им понравилась, и в час икс на моем пороге поклялись ждать обещанной работы около двух дюжин мальчишек.

23

Накануне открытия мы не спали. Нужно было тишком, пока никто не видит, повесить баннер, девушка получилась шикарная, даже в темноте, при лунном свете, ее было видно с другого конца площади; довести до ума выкладку товаров, многие купцы просто забросали свои полки, перемешав текстиль с кожей и глиной, деревянные игрушки со статуэтками, бусы с гребнями и даже ювелиркой из полудрагоценных камней; и настроиться на возможный провал. Правда, последним я занималась в гордом одиночестве. Лежа в своей постели.

Я потратила все деньги до копейки. И влезла в небольшие, но долги, заняв у тетки Арешки несколько фуртов. От того, как пройдет завтра открытие, зависело очень многое. Зависело практически все.

Я не могла уснуть, но если бы тетка Арешка меня не разбудила, я бы проспала самый важный день в моей жизни. Я даже завтракать не стала, сунула кусок пирога за пазуху, чтоб на морозе не застыл, и в лавку полетела. Горячего отвара мне и там нальют.

Возле лавки, глаза на мой баннер, стояла толпа зевак, ожидая открытия. Это меня порадовало, я рассчиталась с торговками-зазывалами, которые уже дожидались меня на крылечке, неодобрительно поглядывая на толпу беспризорных рыночных мальчишек. Еще бы, там на рынке они были классовыми врагами, потому что последние могли и стащить все что угодно, чуть зазеваешься.

Тетки, получив деньги, пошли орать привлекая еще больше внимания к моей лавке. Я же раздала мальчишкам по полпены и сказала, что остальное они получают вечером. И пусть прибегают греться, чаем с пирогами я их бесплатно кормить буду. Ну да, не планировала. Да больно жалко мне из стало. Одежонка-то на них похуже чем у летинских бомжиков. Тряпье одно, сквозь которое тело голое просвечивает. А на улице морозец уже молодой, да крепкий. Градусов пять. Может чуть меньше.

Чтобы накормить ребятшек, купила пирогов на пару фуртов. Взяла и с мясом, и сладкие. Целая гора получилась. Теткам-зазывалам тоже не помешает поест и горло промочить. Все же драть они его будут нещадно. Да и нам с управляющими тоже возможно некогда будет кашами обедать. А куском пирога можно и на ходу перекусить. А два фурта... если провалюсь, то они меня все равно не спасут, но ежели все удастся, то я такой расход и не замечу. Можно будет хоть каждый день ребятню подкармливать за такую беготню.

Мальчишки разбежались по городу, выкрикивая незамысловатые рекламные слоганы:

- В Дамских трусиках для вас обереги высший класс!
- В нашу лавку приходи и что хочешь — все купи!
- Трусика да обереги! Пусть завидуют соседи!
- Если б муж тебя любил, обереги бы прикупил! В Дамских трусиках они, поскорее приходи!
- Стук-постук к тебе в окно! В Дамских трусиках есть все!

Да, не фонтан, но люди-то здесь неискушенные.

Крики и вопли не прошли даром, толпа у крыльца увеличилась, задние стали напирать не передних, началась давка. Кажется, я перестаралась с рекламой. Пора было открывать лавку, но если пустить всю эту толпу в лавку, то разгрома не избежать. Тогда не то, что дохода не получить, как бы убытка не случилось. А если не впустить, то они друг друга подавят. И хотя это пойдет на пользу лавке, черный пиар тоже пиар, но мне такой славы не хотелось.

— Васька, — крикнула мне через дверь тетка Марна, обеспокоенная шумом на улице, — что делать-то будем? Нельзя всех сразу пускать! Тут же не трактир!

Трактир! Осенило меня. И крикнув толпе, что открытие будет уже очень скоро, помчалась в ближайший трактир. Там было пусто, сидели на лавках унылые подавальщицы, за стойкой дремал хозяин, а у двери сгорбился на табуретке заскучавший вышибала. Он-то мне и был нужен. Но сначала следовало договориться с хозяином.

— Здрав будь, — поприветствовала я его широко улыбкой, — мы ваши новые соседи, — кивнула я в сторону, где за стенами была моя лавка, — и хотела бы предложить вам выгодное сотрудничество. Вы же видели, какая там собралась толпа? — В глазах хозяина загорелся искра интереса. — Я предлагаю вам продавать им пирожки и горячий чай прямо у моей лавки, пока народ стоит в очереди. — из искры стремительно разгоралось пламя, и торопливо добавила, — но ваш вышибала должен помочь мне навести там порядок. Так как?

— По рукам, — согласился хозяин, мельком взглянув на довольного вышибалу, и хохотнул, — Варгар всегда кулаки почесать не прочь. Пришка, — обернулся он на кухню, тащи пирожки да отвар погорячее. Пойдем деньгу зарабатывать.

— Это называется выносная торговля, — рассмеялась я и добавила заговорщицким тоном, — говорят, в Ситае это просто последний писк моды.

— Писк моды? — удивленно переспросил трактирщик, — это что за зверь такой? Мода?

— Это не зверь, — я рассмеялась, задумавшись всего на мгновение, — мода — то то, что нравится людям прямо сейчас. А писк... Ну, уважаемый, видели, как девки в лавке от восторга пищат? — Трактирщик фыркнул и кивнул, — вот. Последнее от чего пищат девки в Ситае — это выносная торговля.

— А это ты это, — он махнул рукой в сторону моей лавки, — тоже в Ситае увидела?

Но я уже схватила вышибалу за руку и тащила за собой. И только загадочно улыбнулась, не отвечая на вопрос. Пусть сам додумает и всем расскажет. Сплетни тоже могут стать моим пиаром. Не зря даже в наше время сарафанное радио считают одним из лучших каналов продвижения товара.

— Последний писк моды... ну, придумают же, — бормотал хозяин трактира, надевая тулуп и подхватывая огромный ушат с пирожками. Рядом крутились уже одетые подавальщицы, держа в руках разносы с парящими кружками.

Я поставил вышибалу на вход,пустила в лавку первый десяток счастливиц и велела ему впускать ровно столько людей, сколько вышло из лавки. Вышибала понимающе кивнул и засучил рукава.

Первый рабочий день начался. Сердце колотилось где-то в горле, хотя я понимала, помня про огромную толпу у входа в лавку, своего я добилась. О моей лавке не просто узнают, о ней будут говорить в каждом столичном доме. Начиная от домов городской нищеты, откуда пришли мои мальчишки, и заканчивая высшим светом. Аристократов я велела вышибале пропускать без очереди.

Обо мне будут говорить во всех трактирах. И не только в залах. Торговля пирожками и горячими напитками у соседа-трактирщика шла на ура. Об этом мне докладывал удивленный происходящим вышибала. Мне-то самой присесть некогда было, не то что на улицу выглядывать.

Поток покупателей не спадал до самого вечера. Еще в начале дня мне пришлось отправить заскочившего перекусить мальчишку к моим купцам-арендаторам, чтобы те подвезли побольше товара. Иначе нас скоро нечего бы стало продавать. Купцы сначала не поверили и заявили ко мне лично, удостовериться, что я их не обманываю. Но увидев толпу у дверей и пустые полки, долго рассуждать не стали. Навезли мне все, что у них было. А парочка даже подрядились мне помочь поторговать. Заодно и себе, конечно, ведь мы продавали товар со всех полок, а они только со своих.

За весь день ни у меня, ни у тетки Марны с теткой Варгой не было ни единой секунды на отдых. Мой завтрак так и остался лежать завернутый в тулуп, чтобы не остыл. Но ни усталости, ни голода я не замечала. Я была счастлива, у меня получилось.

Как получилось, я узнала только вечером, когда, закрыв лавку, мы принялись подсчитывать барыши. За один день мы наторговали почти на ту же сумму, которую я заплатила за всю лавку целком. Мои управляющие просто ахнули, сказали, что раньше такое им и не снилось. И они прост не поверили бы, что такое возможно, если бы не видели эту гору денег сами, и не принимали бы участие в работе.

Купцы, рискнувшие довериться бабе, ликовали. Остальные сокрушенно чесали в затылке, к ним-то в этот день почти никто и не пришел, все отоваривались у меня.

Половина из этой суммы была моя. Я продала около двух десятков оберегов и штук пять трусиков, полюс проценты за аренду полок. Если дальше дела пойдут хотя бы в половину так же хорошо, как сегодня, то можно не переживать о своем будущем. Оно точно будет безбедным.

Уже в темноте я вышла из лавки и попала в объятия счастливого трактирщика. Он нарочно ждал меня, чтобы договориться о постоянном сотрудничестве. Я, конечно, же согласилась, но уже не

задарма, а за небольшие, но приятные пять процентов от выручки. Возможно, конечно, трактирщик меня обманывать, занижая прибыль, но вряд ли слишком сильно. Я ведь могу и передумать, и подрядить кого-нибудь другого.

Ажиотаж не спадал еще пару дней. Мы торговали, мои купцы-арендаторы опустошали свои склады, зазывали орали, мальчишки бегали, шум вокруг моей лавки набирал обороты, а я подсчитывала барыши. За неделю, если не брать в расчет себестоимость попаданских трусов, я окупила все затраты на лавку и заработала небольшую но приятную прибыль.

Дядька Никамор довольно ухмылялся и радовался вместе со мной, жалея, что не присоединился к купцам-арендаторам. Тетка Арешка сияла так, как будто бы сама лично добилась такого успеха. А вот все остальные купцы меня тихо ненавидели. А потом один переманил у меня часть мальчишек, другой повесил вышитое полотно на фасад лавки, а третий поставил на крылечке крикуний-зазывал. Свободная конкуренция набирала обороты.

Только они еще не знали, что у меня работает едва ли треть от площадей, которые я собиралась отдать под торговлю. Но мне нужен был товар. Очень много товара. Причем такого, какого не было у всех остальных купцов. И мне пришла в голову просто блестящая идея.

— Дядька Никамор, — будто бы невзначай спросила я за ужином, — а ты когда караван поведешь?

— Поведешь с тобой, — фыркнул купец, — я еще даже трети не распродал из того, что привез. Весь народ в твоих трусиках трется.

Я была права. Не прошло и суток, как трусики из дамских стали Васькиными. Но никто, кроме, меня над этим не смеялся.

— Дядька Никамор, — улыбнулась я хитро, — а у меня к тебе предложение. Давай я тебе товар продам, а ты пока караваном в Летинск сходишь? Заключишь там договора на поставку обоев, бумаги, мебели и приспособлений для счета, а?

— А с чего ты взяла, что они со мной разговаривать будут? — прищурился купец.

— Будут, — фыркнула я, — они скорее всего еще по моим планам работают, а значит как раз в этом месяце будут искать рынки сбыта. Ну, то есть купцов, чтоб в другие города продукцию везти. Так как? Договорились?

— Эх, Васька-Васька, ежели не лавка твоя, не поверил бы. Я ведь, старый дурень, сам тебя поддерживал, а сам думал, что прогорит девка. А оно вон как вышло. В этот раз я такой ошибки не совершу, поеду я в Летинск твой. Ежели ты говоришь, что дело стоящее, значит рискну.

— Не прогоришь, — рассмеялась я, — разбогатеешь. У меня, дядька Никамор, планов громадье. Ежели со мной в долю войдешь, то и сам как сыр в масле кататься будешь, и дети твои, и внуки. Но сначала надо мне договор на бумагу заполучить из Летинска. Можно оно и здесь еще одну мануфактуру построить, но я пока не хочу, чтобы недомуж мой бывший узнал где я.

Тетка Арешка фыркнула:

— Ежели нужна бы была, искал бы, — заявила она, — а коли не ищет, значит не так уж и нужна. Пусть идет лесом, Васька. Найдем мы тебе мужа еще лучше прежнего. Из наших купеческих. Вон Макиш парень неплохой. А уж возле тебя как кружит, а? Агнат, я слышала, вторую лавку покупать собирается, значит решил сына женить. Стоит чуть намекнуть, где сватов ждут, тут же прибегут.

— Я не хочу больше замуж, — вздохнула я, — тетка Арешка, я уже два раза замужем была, ничего хорошего там нет.

— Бог троицу любит, — не обратила внимания на мои слова купчиха, — значит в третьем точно счастлива будешь. Схожу я завтра к Вирине. Скажу, мол, так и так, наша Васька и Макиш твой глазья друг на друга положили...

Вот не было печали. На кой черт мне проблемы с женихами?

— Тетка Арешка, — я не улыбалась с смотрела серьезно, давая понять, что шутки кончились, — ежели ты сватов мне заставляешь, то знай, никто согласия моего не получит. Все уйдут не солоно хлебавши. Я не хочу замуж. Мой отец говорил, что лучше жить одной, чем с кем попало. И я ему верю.

Купчиха посмотрел на меня обиженно, но больше про женихов не заговаривала.

Пока дядька Никамор ушел в Летинск, я занялась подготовкой к открытию нового дела. А вздумала

я не больше, не меньше, как газету выпускать. Какой-нибудь «Купеческий вестник». Мальчишки меня на эту мысль натолкнули. Жаль было команду крикунов моих распускать, да и им регулярные заработки не помешают, вот и решила я газету печатать, а через моих маленьких помощников распространять.

Пусть она пока только в один лист будет и пусть цену я установлю максимально низкую, накинув к себестоимости всего лишь несколько пен, но зато я смогу там рекламу свою печатать, а для интереса новости, да сплетни буду добавлять. Меня ими те же мальчишки каждый вечер снабжают. Они же везде шныряют и все видят. Иногда такое рассказывают, что рот закрытым удержать невозможно, так хочется со всеми поделиться.

Купцы по большей части грамотные, без грамоты в нашем деле никак, так что, думаю, успех гарантирован. А там можно будет и на книгопечатание перейти. Книжки-то ого-го сколько стоят. Даже если за половину нынешней цены печатную книгу продавать, озолотиться можно.

Из школьных уроков истории я помнила, что первые печатные книги делали с помощью деревянных дощечек, на которых вырезали буквы. Обмакнули в краску, напечатали лист, обмакнули, напечатали... Вот только мне этот способ не подходил. Пока резчик вырежет текст, новость уже устареет. Нет, мне нужно, чтобы все было моментально.

И я решила немного ускорить прогресс и перейти сразу к наборному тексту. Заказала у столяра две доски с тонкими планками-строчками. Одну в размер стандартного листа, вторую большую, для хранения литер. Скорее всего потом, по мере накопления опыта придется переделывать, но пока пойдет.

Сами литеры решила сразу делать металлическими. Взялся за такую работу ювелир — дальний родственник тетки Арешки. Правда, пришлось мне помучиться, чтобы буквы зеркально отобразить. Но я справилась. Гласных заказала побольше, более употребляемых согласных тоже заказала много, и даже редкие буквы сделала по несколько штук. Пусть лучше останутся, чем не хватит. А еще я заказала литеры без букв — пробелы. Можно, конечно, было бы и без них обойтись, как и в старину, но так сложнее выкладывать текст и печатать. Слова могли подвинуться и смешаться. Да и привыкла я уже, что между словами пробел ставить надо.

Печать я планировала делать прокатным способом. То есть укладываются на доску литеры, по ним прокатывается валик с чернилами, сверху кладется лист бумаги и прокатывается сухим валиком. Бумага с оттисками букв снимается и отправляется на просушку. Легко и быстро. Чтобы напечатать тираж в сотню-другую экземпляров от набора букв и до выдачи листков мальчишкам, пройдет не больше нескольких часов. Правда, придется работать ночами, чтобы утром купцы получали самые свежие новости, но ведь это того стоит.

Правда, пришлось переделать доски, подогнав размеры под литер, немного напортачила я с размерами. На стандартный лист у меня получилось шестьдесят знаков в строке и сорок строк. Еще одно изменение касалось размера самого прокатного стана. Газеты я решила печатать с двух сторон, поэтому типографский станок сделали из двух листов, на одном из которых в шапке намертво закрепленными, крупными буквами было набрано «Купеческий вестник»

К возвращению дядьки Никамора все оборудование было готово к печати. И я нетерпением ждала, когда можно будет заработать на газетах.

А купец задерживался. Зима в этом году выдалась студеная, холода стояли такие, что деревья трещали, лопааясь от мороза. Мы с теткой Арешкой, каждый вечер выходили на крылечко и вглядывались в темноту: едут не едут? Тетка Арешка сильно тревожилась, и невольно ее тревога передалась мне. Я уже не думала о бумаге, я уже просто ждала дядьку Никамора, который помог мне в трудную минуту и стал очень близок.

Приехал он как водится поздно вечером, когда мы уже ложились спать. Я услышала шум во дворе и выглянула из спальни в одной ночной сорочке, и увидела только спину тетки Арешки, которая бежала к выходу, накинув шаль прямо поверх ночнушки.

— Приехали! — крикнула она, не оборачиваясь, и шмыгнула носом, — приехали!

Я подхватила свою шаль, огромную, если развернуть, то мне три раза с ног до головы обернуться хватит с моими-то габаритами, накинула на плечи, прикрывая спину, и помчалась вслед за теткой Арешкой.

Она уже была на крыльце, обнимала огромного в своем толстом тулупе дядьку Никамора и ревела в голос. У меня тоже на глазах слезы выступили. Не пропали, не сгинули, вернулись...

— Василиса, — тихий голос недомужа прозвучал как гром среди ясного неба, — Василисушка, родная, прости меня...



Я резко повернулась туда, откуда шел голос, но поворачивалась почему-то медленно-медленно. Как будто бы мое собственное время ускорилося со страшной силой, отчего очень быстро заколотилось сердце, выскакивая из груди, а горячая волна промчалась по телу, согревая меня в такой мороз. Мне стало жарко, как в хорошо протопленной бане.

— Василиса, — недомуж стоял у крыльца и смотрел на меня с виноватой улыбкой, — прости меня, дурака...

У меня перед глазами все поплыло, ноги подкосились, и я впервые в жизни, как в самой глупой мелодраме свалилась в обморок. И хорошо. А то бы пришлось отвечать. Но я не знаю, что ему сказать. С одной стороны, я не готова простить его так просто. А с другой... мы, я и моя женщина, были бесконечно рады его видеть.

Я падала, но не упала. Златослав успел подхватить меня, и, придя в себя, я увидела его глаза. С пушистыми ресницами, теплым, любящим взглядом, черные, как самая темная ночь, и... любимые.

— Василиса, прости, любимая, — говорили они, а у меня почему-то резко высохли губы.

— Давайте в дом, святоша, — прогудел рядом дядька Никамор, разбивая стеклянную перегородку, отделившую нас от мира, — а то Васька вон сомлела, как бы не замерзла-то. Мороз-то, сам видел, какой. Лед на реке дыбом встает.

Я попыталась встать, но Златослав не дал. Он так и нес меня на руках, не отрывая взгляда от меня. И как только не споткнулся. А то бы шлепнулись вдвоем, дядьке Никамору полы продавили бы. Я вдруг представила, как со Златославом лежим в этом проломе... очень глубоком проломе... вдвоем... и больше никого... Только где-то далеко в яму заглядывают крошечные с булавочное ушко головы дядьки Никамора и тетки Арешки. Златослав обнимает меня крепко-крепко, а это так хорошо, что даже вылезать оттуда не хочется. Хотя я его еще не простила.

— Васька, — снова вмешался в мои мысли дядька Никамор, — хватит валяться! Мужик в дом пришел, устал с дороги, проголодался. Иди тетке Арешке помощи на кухне хлопотать. Потом миловаться будете.

Что за шовинистские замашки? Но с другой стороны, они же с дороги... устали... А с! третьей, я Златослава еще не простила, и может и не прощу вовсе! С четвертой — а может и прощу, но не сразу. С пятой, если бы это был не недомуж, а просто какой-нибудь гость дядьки Никамора, я бы помогла тетке Арешке без вопросов. С шестой...

Мысли заметались, это не ромашка даже, а кубик игральный. Как ни кидай, а семь шагов до финиша одним ходом не пройти.

— Пойду я, — сползла с рук недомужа, — помогу тетке Арешке. Вы же с дороги устали.

На кубике выпала двойка.

Мы с теткой Арешкой суетились на кухне, я нарезала хлеб и сыр, но думала все о том, что мне теперь делать? Как поступить? Больше всего я хотела разреветься и повиснуть на шее недомужа, как тетка Арешка на дядьке Никаморе. И чтобы Златослав обнимал меня крепко-крепко. А потом бы сидел за столом, жевал треклятую кашу и смотрел, не отрывая глаз. Он ведь всегда так делал, кроме того, последнего вечера. А потом бы обнял меня и поцеловал на пути к нашей спальне. Сладко и горячо. Нам с ним всегда было жарко вместе, даже утром зимой в доме с остывшей печкой.

Но если я его прощу сразу, он будет думать, что сможет снова поступить со мной так. Снова сказать, что собрался жениться на леди Элеоноре. А вдруг он уже женился?! Мысль пронеслась холодной волной от макушки до пяток, вымораживая все нутро. Я выронила нож и застыла.

— Васька? — встрепенулась тетка Арешка, — чего это с тобой? Ты чего истуканом замерла?

— Тетка Арешка, — я чуть не плача смотрела на нее, — что мне делать?

Я ничего не объясняла, но она все поняла. Оставила свою кашу, и обняла меня.

— Ты, дочка сердце свое слушай, но и головой думать не забывай. Любовь да обида в сердце живут, легко его обмануть речами сладкими, или наветом чужим. Да только на одной любви долго не проживешь. Потухнет огонек и всю жизнь маяться с чужим человеком будешь.

— Я не знаю, — всхлипнула я, — мне и мириться, и отпускать его не хочется. И выбрать я не могу.

— Ох, Васька, — тетка Арешка вытерла ладонью слезу с моей щеки, — ты же купчиха. Сама знаешь, без риска в нашем деле успеха не добиться. Вспомни, как ты совсем недавно с лавкой своей

вопросы решала, так и о браке своем подумай. Выгоду свою посчитай, убытки, в случае неудачи. И выбери, что для тебя лучше.

Да, как будто бы я не считала! Я уже до выдуманных дыр мысленную табличку с плюсами и минусами затерла. Да, только, как ни крути, а оставаться с Златославом мне выгоднее. И мануфактуры мои ко мне вернуться, и, правда, того гляди княгиней меня сделают. И мужчина любимый под боком будет.

Я, вообще, нашла всего один минус, который перечеркивал всю страницу наискосок. Леди Элеонора.

Я никогда не смирюсь с ее присутствием в жизни Златослава. В любом качестве: жены, любовницы или обиженной демоном женщины, с яйцом между ног. Я ее слишком ненавижу за то, что она бросила моего недомужа в юности, а он до сих пор не может ее забыть. За то, что эта ледь пользовалась его отношением, таскаясь к нему на Большой Уд. За то, что я никогда не стану такой, как эта леди и не смогу заменить ее Златославу. Я могу выучить этикет, и даже применять эти навыки и знания при посторонних. Но я не хочу, да и не могу, сломать себя полностью и всегда быть такой, какой он хочет, похожей на леди Элеонору. Я купчиха, и о чем бы я ни думала, в моей голове всегда крутятся мысли о заработке, о деле.

Вот, кстати, я совсем забыла про свою типографию! А ведь мне надо выпустить первый номер уже завтра утром, раз уж дядька Никамор привез бумагу.

— Тетка Арешка, — я с удивлением смотрела на гору нарезанного хлеба, — мне надо идти. Мне надо завтра выпустить первый номер газеты.

— Иди, — вздохнула тетка Арешка, — чисто мужик ты, Васька. Все о деле, да о деле... иди, неугомонная. Сама справлюсь.

И я, вздохнув и пожав плечами, побежала во двор за бумагой. Нашла берестяной короб, в которых ее укладывали на мануфактуре, взвалила на себя эту тяжесть и потащила в лавку, где временно размещалась моя типография.

Текст у меня уже был набран, я тренировалась быстро расставлять литеры. Осталось кое-что подправить и можно печатать первый тираж.

Оказалось, что я немного напортачила с буквами, поменяв их кое-где местами. Пришлось исправлять, и только потом печатать «Купеческий вестник». В первом номере я коротко рассказала о чем будет газета, сообщила о возвращении каравана дядьки Никамора из Летинска с новыми товарами, выложила большую статью об изменениях цен на драгоценные камни, о перспективах их добычи и мнение известного ювелира о будущей моде на драгоценности. Чтобы добыть эту информацию мне пришлось хорошо побегать за дальним родственником тетки Арешки, тем самым «известным» ювелиром, который делал мне литеры. Но оно того стоило. Я надеялась, что для большинства купцов эта информация будет просто бомбической.

Меня так трясло, что даже вернувшись домой посреди ночи, я не могла заснуть до самого утра. А чуть стало светать, помчалась обратно в лавку, чтобы раздать первые сто экземпляров первой в мире газеты моим мальчишкам, которые прибегали к лавке каждое утро. Они ждали возможности заработать, пожалуй, даже больше, чем я.

Газета получилась недешевая, даже очень дорогая. По полфурта. Но уже через полчаса стали возвращаться пустыми первые мальчишки газетчики. Пришлось срочно учить одного из них работе в типографии. За день я продала две с половиной сотни газет на сто двадцать пять фуртов, при себестоимости в сто. Это был успех.

Ювелир так прославился, что теперь мог называться известным без всяких кавычек. Драгоценные камни купцы раскупили так быстро, что мгновенно возник дефицит, цена резко пошла вверх, что еще более укрепило авторитет «Купеческого вестника». Но это было потом. А сейчас я вернулась домой на обед. Мне нужно было немного поспать после ночной смены, слишком сильно я вымоталась после полутора суток бодрствования.

За стол я садилась почти вслепую. И совсем забыла, что по милости доброго Никамора, предлагавшего ночлег даже тем, кто в нем не нуждался, у нас сегодня гостил летинский святоша собственной персоной.

И вот сижу я, ложкой машу в полусне, хорошо мимо рта не промахиваюсь, и вдруг слышу до боли знакомый голос:

— И часто она так по ночам работает?

Я даже вздрогнула. И ложку из рук выронила. И только тогда вспомнила, что уже вчера вечером

Златослава видела. И он еще у меня прощения просил. И слезы свои вспомнила. И слова тетки Арешки. И то, что я о его леди этой проклятой думала.

— Дак, Васька у нас вона что удумала, — дядька Никамор гордо сунул под нос Златославу листок «Купеческого Вестника», — все наши гудят, мол, дюже полезная вещь эта «хазетла»

— Газета, — поправила я дядьку Никамора и улыбнулась Златославу, отвечая на его вопрос, — вчера первую ночь я работала, а теперь два раза в неделю буду. А если кого не устраивает жена купчиха, так я не навязываюсь. Выход вон там, — кивнула я в сторону двери. — А ежели устраивает, то и у меня условия будут. Коли сможешь про леди Элеонору забыть, так глядишь и сладится у нас с тобой совместная жизнь. А коль она сердцу твоему дорога и не можешь ты о ней не думать, то я сама с тобой быть не согласна. Не могу я Златослав второй быть. И даже первой не могу. Только единственной.

— Василиса, давай мы с тобой после обеда поговорим, наедине. — попытался замять разговор Златослав.

— Отчего же? — приподняла я бровки, — дядька Никамор и тетка Арешка мне как родные. Они меня в трудную минуту не бросили, руку помощи протянули. На правильный путь наставили. Прав ты, Златослав, не гожусь я в леди. Купчиха я. И нравится мне здесь, среди своих, тех, ко

го я понимаю, и кто меня с полуслова понимает.

— Хорошо, — вздохнул Златослав и положил ложку рядом с тарелкой, — скажи, недожена моя любимая, с чего ты взяла, что я на леди Элеоноре жениться решил?

— Ты сам сказал, — ответила я уверенно, — что-то а твои слова «думаю предложение леди Элеоноре сделать» я очень хорошо помню. До сих пор слышу.

— Э-э-э, — глазки недомужа забегали, а скулы порозовели, — если я сказал я такое, то только в сердцах. Да, если бы мне леди Элеонора нужна была, Василиса, я бы на ней давно женился. Это она за меня замуж хотела, а мне другая любя, — и уточнил вовремя, — ты, Василисущка.

— В сердцах?! — возмутилась я, — в каких таких сердцах?! Да ты спокоен, как удав, был!

— Удав? — хором переспросили Златослав, дядька Никамор и тетка Арешка.

— Змея такая, — рыкнула я, — которая жертву свою обвивает и душит, молча прямо в глаза глядя. И ты так же, душил меня словами своими, а сам спокойно кашу жрал! А когда я сбежала, даже вдогонку не кинулся! И забыл меня совсем, пока дядька Никамор за тобой не приехал! А ежели не поехал бы он в Летинск, так и вовсе я бы тебе не нужна была!

Я снова кричала, выпрыгнув из-за стола и размахивая руками, не в силах сдерживаться. Только в этот раз еще слезы лились градом. Так больно мне было, что и слов сказать нет. Сердце железом каленым жгло. Душу наизнанку по живому выворачивало.

А недомуж мой негодяйский, со стульчика своего вскочил, ко мне подлетел, да обнял меня. К себе прижал, крепко-крепко.

Нет, я вырваться пыталась, конечно же. Визжала, руками-ногами билась. Да только ему все ни по чем было. Обнимал меня Златослав, по спине поглаживал, да слова ласковые на ушко шептал... наши... те самые, от которых сердце у меня заходило, и внутри все от счастья сжималось в клубочек маленький.

И от слов этих ярость моя уменьшалась... съезживалась... пока совсем не исчезла. И плакала я теперь совсем по-другому. Не от обиды, а от облегчения. И недомужа любимого обнимала в ответ. Крепко-крепко.

А он на руки меня подхватил да понес из столовой в спальню. Мириться.

Только и успела услышать я, как дядька Никамор вздохнул с восхищением:

— Ох, и горяча баба-то! Был бы помоложе, сам бы на Ваське женился... ой! — воскликнул он потирая затылок. Это ему от тетки Арешки прилетело. Полотенцем.

— Ишь что удумал, — ворчала она, — женился бы он... сиди уже, пень старый.

— Чего это старый-то? — обиделся дядька Никамор, обхватил супружницу свою за талию, да одним рывком со стула к себе на колени перекинул. — Я еще ого-го-го!

Утром я проснулась счастливой. С наслаждением потянулась, чувствуя сладкую истому во всем теле. Еще бы, хихикнула я, Златослав всю ноченьку старался, грехи свои замаливал. И так любил, так любил! Я криком кричала, в его руках как воск плавилась. И простила.

Дуры мы бабы. За любовь и ласку нежную многое простить готовы. Но не все, ох, и не все! И зря недомуж мой любимый надеется, что забыла я про разговор наш неоконченный. Ну, уж нет! Такое из памяти одной ноченькой не вытравишь. Тем более, помимо наших с ним отношений, я и о деле поговорить хотела. И пусть только попробует сказать, что про трон княжеский он тоже в сердцах молвил. Вот не поверю. Ни за что! И не прощу, ежели недомуж и на этой моей слабости сыграть пытался.

Моими чувствами я ему забавляться не позволю, но простить, коли хорошо просить будет, смогу. А дела важные в бирюльки превращать — нет, такое я даже самому любимому мужчине никогда не прощу.

Даже если он сопит рядом так мило, что хочется обнять да под бочок нырнуть, от холода спрятаться. Печь-то еще не топлена, зябко в доме.

Даже если сердце ходуном ходит, когда он глаза открывает и улыбается, меня увидев, и лапищами своими к себе тащит.

— Подожди, Златослав, — попыталась я нахмурит брови, но из-за расплывающейся по лицу улыбки, у меня ничего не получалось, — пора нам с тобой и о делах вспомнить. Мы еще разговор не закончили. Ты вчера мне поцелуями сладкими рот закрыл, и лаской обо всем забыть заставил, но вопросы-то нерешенные у нас остались. И самый первый, дорогой мой недомуж, таков: почему ты так долго ко мне ехал, ежели я так нужна тебе?

Златослав сразу меня из рук своих загребуших выпустил, в подушку уткнулся и застонал:

— Василисушка, может позже? Истоковался я по тебе, родная, истомился.

— Ну уж нет, — фыркнула я, — ты мне зубы-то не заговаривай. Отвечай как есть.

— Искал я тебя, — вздохнул он, — не сразу, правда это. Думал, ты у Марьюшки переночевать осталась. А вот утром, когда не пришла ты на встречу с Великомудром, понял, что беда приключилась. Не могла моя недожена любимая встречу с управляющим без очень важной причины пропустить, — еще один тяжелый вздох, — я к Светозару тогда побежал, а ты там и не появлялась. Я к стражникам. Видели они, как за северные ворота ты выезжала совсем одна. И я тут же за тобой следом поехал. Думал я ты к себе решила вернуться, в дом отцовский. А снег все следы замел, вот я в каждую деревню и пробивался, чтобы узнать, не там ли Василисушка от меня прячется. Не подумал даже, что в столицу ты поехать решишься. Так и метался недели напролет, пока дядьку Никамору на постоялом дворе не встретил.

Златослав говорил, а у меня сердечко-то оттаивало. Искал, переживал, нервничал... Ох, Боже, как же сладко-то!

— А про... — я даже имя ее произнести не смогла, так не хотелось настроение светлое себе портить, — больше поминать не будешь?

— Васька, — вздохнул опять недомуж, обнимая меня и к себе крепко притискивая, — знала бы сколько раз я корил себя за сказанные слова, сколько раз готов был с языком расстаться, лишь бы ты их никогда не услышала. Так что не буду. А ты, — он чмокнул меня в висок, — обещаешь не кричать и не ругаться на меня, как торговка? Я ничего против торговки не имею, — торопливо добавил он. — но дома мне хотелось бы жить в мире и согласии, а не криках и ругани.

— Ничего я и не кричала, — насупилась я и от Златослава начала отодвигаться. А сама понимала, не права. Ох, как не права! Было дело. Орала, ругалась, все эмоции негативные на него выплескивая. А что он молчал всегда? Я и думала, что его это не задевает. А оно вон что, оказывается. Воспитание такое, что даже в сердцах спокойно говорит, без крика. — Ну, хорошо, — буркнула, — обещаю. Не буду. На работе буду орать на нерадивых сотрудников, — выдохнула облегчением, — или у лавки зазывалой постою, покричу...

А недомуж мой рассмеялся и снова к себе притянул. Полежали мы немножко, счастливые от того, что все проблемы наши внутрисемейные смогли так легко решить, а потом я тихонько спросила... Ну, свербело же прямо!

— Златослав, а ты про княжий трон правду говорил? Или тоже...

— Правду, — улыбнулся Златослав, — мы со Светозаром наследники княжьи. И если отец хочет трон за нашим родом сохранить, придется ему пойти на уступки. Да, и не дурак он, Василисушка, уж поди знает, как ты с нуля в столице развернулась. Я тут с дядькой Никамором посоветовался в пути,

он тоже говорит, что по силам тебе княжество сильным сделать. И все купечество за тебя горой. И мастера...

— И трактирщики, — фыркнула я, — у нас сейчас уже многие на вынос торгуют.

— И трактирщики, — согласился Златослав, — и бояре... Обереги-то, что отец твой привез, боярыням по вкусу пришлись. И княгиня о них хорошо отзывается. Спать говорит спокойно стала, хорошо от демонов защищают.

— А ты откуда знаешь, что княгиня думает? — вскинулась я.

— Отец письмо прислал, а мать с ним свою весточку отправила. Благословила нас с тобой на долгую и счастливую жизнь. И права ты, Василисушка, оба мы с отцом не правы были, хватит друг на друга вину сваливать, оба хороши. Мириться пора. И если ты не против, то прямо сегодня к Великому князю весточку и отправлю.

— А если князь против будет? — встрепелась я, — если скажет, мол, не бывать бабе Великою княгиней?

— Скажет, — согласился Златослав, и шепнул мне на ушко, — но я-то, любимая моя, тоже не лаптем щи хлебаю, знаю как заставить отца на уступки пойти...

К завтраку мы не опоздали. Как ни странно. Ну, потому что задержались очень сильно, а тетка Арешка всегда стол накрывает когда только петухи петть начинают. А сегодня хозяйка с хозяином сами все на свете проспали. И чем это они, интересно, всю ночь занимались-то?

— Охальница ты, Васька, — покраснела в ответ тетка Арешка, а дядька Никамор выпятил грудь колесом и засиял довольно, как начищенный медный пятак.

Так с шуточками-прибаутками мы и начали день. А когда пришло время идти в лавку, я вдруг спохватилась:

— Златослав, я тут тебе сказать забыла... В общем, я в Летинск не поеду, у меня теперь здесь забот полно, а там уже настроено все, и Великому там есть. Я ему только подсказывать буду, куда дальше двигаться, а со всем остальным он сам справится. Без моей помощи.

— Рассказывал мне дядька Никамор, что и тут ты, недожена, делом занята. И я прекрасно понимаю, что не уедешь ты от своей лавки, планы свои и мечты ради мужа не бросишь и не забудешь. Этим ты от всех женщин и отличаешься, этим мне и нравишься, Василисушка, — улыбнулся недомуж, — а в Летинске уже давно другой святоша. Я как на твои поиски отправился, так другого святошу главным поставил. Поэтому сегодня и святому отцу весточку отправлю. Мол, набегался, приехал к должности новой готовиться.

Так мы и сделали. Я в лавку побежала, Златослав письма написал, да с гонцами отправил.

А пока ответа ждали, я недомужу хозяйство свое показала, с мальчишками познакомила. И шепнула, мол, вот смотри, о ком храм заботиться должен. Ведь не по-Божески это, когда святой отец в золоте купается, а паства его в холода зимние в обносках ходят. Это в Летинске теперь бомжиками хорошо быть, а в остальных городах все по-старому.

Крепко задумался Златослав. Никогда в жизни своей с нищетой-то он и не сталкивался по-настоящему. Даже в Летинске, когда простым святошей служил. Бомжики-то тогда сами по себе были, хотя и при храме. А потом все менялось. Потихонечку, незаметно. И теперь через год, уже никто и не помнил, как оно раньше-то жилось. Люди плохое быстро забывают. Хорошее, правда, еще быстрее.

Златослав хотел было сходу все богатства храмовые раздать. Но тут уж я его остановила. Не дело своими богатствами разбрасываться, надо дать людям возможность самим свои зарабатывать. Вон я мальчишек моих, будто бы не жалею. Еще как жалею. И каждому хочется валенки дать крепкие, тулупчик целый, накормить и обогреть. Да только ведь лучше им работу организовать. А тулупчики и валенки они себе сами купят, и дома в ипотеку возьмут. Как в Летинске. И ценить будут то, что своим трудом заработано.

— Вот поэтому и Светозар не жалеючи трон свой тебе отдал, — улыбнулся Златослав, — ты, Василисушка, о себе заботясь, невидимой рукой обо всех заботишься. У нас ведь как считается, лес рядом, река, прокормятся, авось не помрут. А помрут, так бабы других нарожают. Велика ли ценность жизни человеческой? Четверть пены ей цена.

— Ну, если в человека ничего не вкладывать, — почесала я затылок, — так может и четверть пены. А ежели ты шилг в нее вложишь, стало быть шилг жизнь стоять будет. Человек, как лавка купеческая. Коли не вложил ничего, так она и не нужна никому. А чем больше денег и сил в лавку

вкладываешь, тем и ценность ее быстрее растёт, но тем она больше денег и приносит. Вон набрала я мальчишек по пене кричалки кричать, а теперь у меня есть те, кому я по две пены плачу, потому что они кричалки сами придумывают. Да такие, что ко мне народ валом валит. Стало быть...

— Стало быть рука невидимая сработала, — кивнул Златослав, — хотели мальчишки себе помочь, так и тебе помогли.

Разговор такие мы теперь часто вели. Сначала вдвоем, потом дядька Никамор и даже тетка Арешка к нам присоединились. Им-то купцам потомственным все понятно было. Коли хочешь богатым быть, так сначала свое что-то отдать надо. Товар закупить, в лавку вложиться. А пока свое не отдал, другим не помог, не придет к тебе богатство.

А через несколько дней, ответ от Великого князя пришел. Рады, мол, то сын наш блудный решил домой вернуться. Ждем-пождем, дожждаться не можем.

К Великому князю мы собирались больше, чем дядька Никамор в очередное полугодовое путешествие. Пришлось и платье приличествующее княжне купить, и украшения. Хорошо, что на голову кокошник никакой цеплять не нужно. Нет в этом мире кокошников и все женщины с непокрытой головой ходят. Кроме монашек.

Златославу новую рясу купили. Они-то тоже, оказывается разные есть. И такие в которых мой недомуж ходит, и такие на которых каменьев больше, чем на платье моем роскошном.

И вот стояли мы с недомужем нарядные, друг на друга смотрели. А платья-то у обоих от камней тяжеленные, килограмм по пять весили не меньше. А еще спину надо держать ровно и улыбаться. А как улыбаться-то, если на одежду у нас почти целая лавка ушла? Да мне от этого тошно становилось. И уже ни к какому князю идти не хотелось.

А Златослав улыбался счастливо:

— Василисушка, родная моя, ты такая красивая! Вот станешь Великой княгиней, и нарекут тебя в народе Прекрасной.

— У украдет меня Кощей Бессмертный, — фыркнула я, — будешь искать меня по лесам и полям...

— Ну, уж нет! Хватит. Я уже набегался, наискался. Ни Кощей Бессмертный (\*есть такой демон оказывается), ни любой другой демон больше тебя никогда не получают. Моя ты, никому тебя не отдам, — заявил Златослав и так меня прижал, что каменья проклятые в тело впились до боли.

Пришлось срочно платье снимать. Проверять, на месте ли обереги. Чуть на встречу не опоздали...

Княжий дворец, как и положено, был роскошный. А я смотрела всю эту роскошь, и у меня в голове счетчик щелкал. Очень богат Великий князь. Я такую сумму за всю жизнь не заработаю. А если и заработаю, то не успею дворец построить. Тут несколько поколений требуется, и чтобы в одном направлении думали. А то у нас как, родители в деревне, дети в город едут, в городе устраиваются. Их дети снова куда-то едут, в новом месте богатства копят. А вот если бы все в одном доме жили, то за три поколения гораздо большего бы добились, чем когда каждый сам по себе.

Великий князь и княгиня встретили нас прямо на высоком крыльце, тем самым честь оказывая. Да только по протоколу все равно не вышло. Разрыдалась княгиня и на шею сыну кинулась. И то, столько лет не виделись они. Великий князь тоже подошел, да жену с сыном обнял. А я стояла рядом столбом, как чужая.

Хорошо что святой отец со своими женами тут же на крыльцо нас встречать вышли.

— Очень рад, Василиса, видеть тебя, — хмыкнул он, — наслышан и про лавку твою, и про «Вестник купеческий». Вот о «хазетле» я с тобой побольше пообщаться хотел. Как же так вышло у тебя, что все «хазетлы» одной рукой написаны? Да еще и один в один?

— Газеты, — поправила я, — я их и не пишу, святой отец. Я их печатаю. Рассказывал мне отец о книгопечатании, но я решила на газетах потренироваться. Завтра уже третий номер выйдет, — не переминула похвастаться я.

— Знаю, — кивнул он, — все купил. Очень уж любопытно, Василиса, а что можешь ты на этих «хазетлах» написать?

— Все что угодно, — рассмеялась я, уже понимая, куда клонит святой отец, — хоть купеческие новости, хоть жития святых и наставления святого отца прихожанам.

Святой отец довольно улыбнулся:

— Ты зайди-ка ко мне завтра в главный храм. Ежели мы через хазетлу сможем слово божье людям

нести. То и нам нужен «Святой вестник»

— Газету, — тяжело вздохнула я, понимая, что быть газете хазетлой, раз уж молва народная так ее обозвала. — хорошо, святой отец, приду.

Пока мы делами занимались, недосвекровь и недосвекр наконец-то от сына оторвались. А он хитрован, меня вперед себя выставил:

— Матушка, вот познакомься, Василисушка моя...

— Василиса, девочка, — разрыдалась по второму кругу княгиня и ко мне обниматься кинулась. А я стою и не знаю чего делать-то? Как-то никогда еще не приходилось мне со свекровями будущими знакомиться. Только со свекром. А он на меня не вешался и слезами не поливал. Да меня даже мама так никогда не встречала. Не принято у нас было целоваться-обниматься.

Когда княгиня наобнималась и наревелась вволю, повели нас, как водится, угощениями угощаться. Столы от яств ломились, на блюдах я не только целых поросят с яблоком во рту увидела, но и настоящего лебедя. Прямо в перьях. И еще одну птичку, которая глухарь называется.

Расселись мы по местам. Великий князь, как водится, во главе стола. Княгиня по правую руку, Златослав по левую, а я рядом с ним. А мне же любопытно. Аж свербит. Я недомужа в бок локтем пихнула и вопрос задала:

— Это что чучела посреди стола стоят? Для красоты?

— Ну, что ты, невестушка, — отозвался Великий князь, — как же можно. Это птица особенная, с заморскими пряностями запеченная, а кожа с перьями сохранена искусно и на готовую птичку натянута. Все послы на такую диковинку любят, да по княжествам, да царствам заморским весть разносят, какое чудо у нас имеется.

Я головой-то замотала, соглашаясь, а сама думала, что тоже бы всем рассказывала, да еще и у виска крутила бы. Это же надо додуматься, жаренного лебедя в перья одеть. Как его есть-то? С перьями и сырой кожей, или снять сначала? Но Великому князю я это, конечно, не сказала. Улыбнулась вежливо, и в Златослава сильнее вцепилась. Мол, спасай недомуж, не знаю, что в ответ сказать папашке твоему.

А Златослав улыбкой сверкнул, подмигнул мне, да и завел разговор о деле, за которым мы к Великому князю и приехали. И ведь как ловко получилось, нарочно не придумаешь.

— Жареными птицами перед остальными княжествами хвастать не велика заслуга. Вот если бы ты, отец, как ситайцы, товары диковинные по всему миру продавал, или чем другим полезным прославился.

Великий князь нахмурился:

— Пушнина у нас знатная, пеньку на канаты продаем. Многим наше княжество славно. Ты и сам, сын мой, знаешь.

— Пушниной да пенькой, — зевнул Златослав, — еще твой дед хвастал. Неужто за столько лет ничего нового не появилось?

Тут Великий князь гневаться изволил. Ноздри раздувать. Не знаю до чего бы все это дошло, но я не утерпела:

— Простите, Великий князь, — склонила слегка голову, — а зачем мы сырье продаем на сторону, а не сами из пушнины шубы шьем, а из пеньки веревки не вяжем? Тогда и продавать будем намного дороже, и ценить нас будут больше. Одно дело, когда охотник глухаря завалил, — кивнула я на птичку, — его и не вспомнил никто. А вот повара чудо сотворившего все знают и ценят...

Свекор мой застыл, даже выдохнуть забыл. И смотрит на меня так, как будто бы впервые увидел. Мне даже не по себе стало. Я глазки опустила, двузубой вилкой по тарелке заскребла.

А Златослав засмеялся довольный:

— Ты отец, мою недожену слушай. Она дело говорит. Сам видел, как дважды поднялась она за короткое время. В Летинске бумагу стала делать. Не хуже, чем в Ситае. А шкафы ты из стружки видел? Легкие, красивые, такие из дерева не сделаешь. И нигде еще таких шкафов нет. Можем мы княжество наше по всему миру прославить. А про хазелту ты знаешь? — спросил недомуж у отца. Я попыталась его поправить, но меня никто не услышал. — Знаешь. Так Василисушка так же, как хазелту, книги может печатать. Да так много и быстро, что целый монастырь с писарями за ней одной не угонится. И по всему миру могли бы мы слово свое нести: Божье ли, мирское ли... И в

заморских странах великие мудрецы за честь бы почли, в княжество наше приглашение получить, дабы Васислисушка мысли их в книгу напечатала. И до каждого человека донесла.

Говорил Златослав, в у Великого князя лицо разглаживалось, светлело, в глазах огонек загорелся, а взор мечтательным сделался.

— Вот и посидели мы с братом моим, Светозаром, наследником княжым, подумали и решили, что лучше правителя для княжества, чем Василиса моя, тебе не найти. Уж ей-то под силу княжество наше над всеми остальными, да над всем миром возвысить. А Светозар воеводой при ней будет. Станет воинов за собой водить, да славу княжеству на ратном поле зарабатывать. Глядишь и границы раздвинем...

Все слова после того, как было произнесено мое имя, звучали в полнейшей тишине. Великий князь приходил в себя после шока и невольно дал Златославу договорить до конца. А потом ответил... Заорал. С силой шандарахнул кулаком по столу:

— Не бывать бабе моей наследницей! Ишь что удумали! Порешали они! Решатели! Никогда баба княжеством не правила, и править не будет!

— Зря ты так, отец, — склонил голову Златослав, — Боженька мало кому второй шанс дает. И однажды ты свой уже упустил... Не упусти сейчас... Идем Василисушка, родная моя. Ежели отец мой ничего за красотой твоей бабьей увидеть не может, так и не о чем мне с ним разговаривать...

Выдрал меня недомуж из-за стола, как репку с грядки, да потащил прочь. Я и слова вымолвить не успела, так и поволоклась за ним, глаза от удивления выпучив. Ничего себе! И вправду Златослав мой, когда злится, спокоен остается, как удав. Или еще спокойнее.

— Стой! — резкий княжий окрик застал нас в дверях, — воротись, сын. И жену свою будущую с собой веи. Будет твоя Василиса наследницей, как перед Богом мужем тебя назовет. Слово княжье даю!

Ох, и завертелось все! Кутерьма такая началась! Меня во все стороны рвали, поздравить норовили, да ручку облобызать. А больше всего бояр обереги интересовали. Можно мол, Василиса свет Батьковна, обереги для жен любимых. А то в лавке вашей совсем не такие красивые, как те, что вы княгине Великой подарили. И жены уже скоро все мозги выключают, желая точно такие же.

Казначей княжий все меня норовил в уголок уволочь и паутиной сказок опутать. Очень уже ему хотелось сокровища свои на бумаге увидеть. Насилу от него отбилась. А то пришлось бы прямо сразу в типография мою идти и работать. Пообещала только счета подарить. Да научить как на них так быстро числа складывать.

Только один вопрос меня терзал, покоя не давал. Улучила я момент, да недомужа любимого за рукав схватила:

— Скажи, Златослав, что за первый шанс был, о котором говорил ты. Почему Великий князь после этого мнение свое поменял?

Вздыхнул Златослав тяжело, улыбнулся печально, и ответил:

— Когда брат мой в застенках храма сидел, приходили к отцу от тогдашнего святого отца люди, предлагали от трона отказаться, обещали сына вернуть. — Я ахнула и закрыла рот ладошкой, чтобы не закричать. — Вот поэтому я и ушел, да от семьи отсекся...

Эпилог

Княжеский летописец поставил точку, закрыл огромный талмуд, исписанный мелким бисерным почерком, тяжело вздохнул и, достав огромный платок-утиральник, пахнувший свежей хвоей, вытер лоб, протер очки и даже лысину. Сегодня он закончил самый главный труд в своей жизни. Поставил последнюю точку в работе, которая прославит его имя на веки вечные.

Больше шести десятков лет он собирал по материал по крупичкам, восстанавливая цепь событий далекого прошлого. Прошлого, которое никогда особенно не интересовало всех остальных. Оно и понятно, о Великой княгине Василисе Первой известно много.

Поэты воспевали ее в стихах, называя Василисой Прекрасной. Множество портретов осталось с изображением Великой княгини и семьи ее. Любила она на картины эти рассматривать, и часами готова была в нужной позе сидеть, пока художники местные или приглашенные на образ ее холсте запечатлевали. Раз уж, говорила, нельзя «селфи» сделать, так пусть хотя бы портрет на память останется. Что такое «селфи» — секрет пока неразгаданный. До сих пор лучшие умы бьются над тайной, но тщетно.



Но не только телом прекрасна была княгиня, но и душой великолепна. С мужем всю жизнь в любви прожила, троих сыновей ему родила и дочку-красавицу, всеобщую любимицу. Два старших сына после родителей остались княжить, а младший известным фабрикантом сделался... И он, как мать, на выдумки горазд был, такое уж он на своих фабриках делал, что со всего мира купцы съезжались за товаром.

Дочка младшая за соседнего княжича замуж вышла. Ох уж и строгая была! Сам княжич, и весь двор княжеский у нее по струнке ходили. Вся в маму. Дочка их потом править осталась. Внучка стало быть Василисина.

И о народе своем заботилась Василиса, как мать родная о детях. Коли есть нужда, то и приголубит, а коли ленится станешь, так и затрешиной наградит, чтоб не повадно было. При ней и храм Божий к людям простым лицом повернулся, социальные вопросы на себя взял. О сирых и убогих заботиться стал не на словах а на деле. При каждом мало-мальском храме школы открывались, приюты для малообеспеченных, где каждый мог помолиться и кусок хлеба, ночлег и напутствие на работу получить.

Мудрецы славил Великую княгиню в своих трудах, называя Василисой Премудрой, ибо видела она истину, к которой разум человеческий прийти может. Хотя путь не ведала. Путь сами мудрецы искали. И ведь находили. Сколько открытий случилось в те времена, и княжество наше по всему миру прославилось. Со всех концов света ученые мужи к нам съезжались, чтобы к тайнам мирским прикоснуться, чудеса научные увидеть, и самим что-то новое показать.

Когда в царства заморские чума пришла, царь их с поклоном к Василисе явился, помоги, мол, народ сберечь, укажи истину, а мы к ней путь искать будем. Книгиня народ-то заморский жалеючи, сказала царю, что от грязи и смрада им города надо избавить, ибо чистота есть залог здоровья. А ученые, велела Василиса, пусть способ ищут из стекла такую штуку сделать, в которой пылинки с кулак кажутся. Тогда, сказала, и чуму вы увидите, и все остальные болезни, что демоны насылают. И Бог совсем тут не при чем. Боженька детей своих любит, он им разум дал, для защиты от демонских посланников.

Заморские ученые стекло-то быстро сделали, княгиня и тут им подсказки оставила. И такие ужасы в грязи городской разглядели, что с тех пор в царствах заморских чистят и моют улицы с мылом, дабы микродемонов страшных на порог не пустить.

И в народе до сих пор память о первой Великой княгине жива. В сказках народных о способности ее за каждым делом денежку видеть на разный лад рассказывают. И это было. Ох, и богатым стало княжество во времена правления Василисы Первой, прозванной в народе Прежадной. И это правда. Она сама, говорят, страсть как любила у сундуков с золотом посидеть и монетки посчитать...

Летописец вздохнул, щуря подслеповатые глаза. Все это давным-давно известно, и сотни раз пересказано и записано. Вон сколько томов на полках архива. Здесь даже подшивки «Купеческого вестника» есть. Все до единой хазелты, с самого первого номера.

Многое известно о Великой княгине, многое... да не все...

Никто, кроме него не додумался выяснить что же было на самом деле до того, как стала Василиса Великой княгиней. А он жизнь на это положил. И теперь доподлинно знает, что никогда, ни в одной деревне княжества, ни в одной семье купцов не рождалась девочка Василиса. Он проследил всю ее жизнь, буквально по дням. И абсолютно уверен, что купец Никамор со своей женой Арешкой были не родными, а приемными родителями Василисы Первой. А появилась она в лесах под Летинском накануне знакомства с будущим мужем... Как посланница Божья в мире, как Его дочь...

Летописец снова тяжело вздохнул, протер лысину и открыл свой талмуд снова. Прочитал последнюю строчку, и тщательно вымарал... Не готов мир к такой правде. Еще не готов.

Конец